

Получено
в редакцию 10.05.2010

№ 1
10
11
12

10.05.2010



Флавиан. Восхождение - прот. Александр Торик

Торик Александр, протоиерей

Нет! Вы не знаете, что такое октопус!

Причем не просто какой-нибудь там октопус (греки называют его «октопод», а вообще-то это просто осьминог), а ОКТОПУС! То есть свежий, нежный от длительного отбивания, слегка подрумяненный на гриле (или размороженный в винном соусе, или чуть обжаренный в оливковом масле на сковороде), сочный, мягко поддающийся столовому ножу, сбрызнутый лимоном, словно кричащий каждой своей присосочкой: «Съешь же меня наконец!»

- [Глава 1. Octopus](#)
- [Глава 2. Мария](#)
- [Глава 3. Дстойно есть](#)
- [Глава 4. Старцы](#)
- [Глава 5. Янис](#)
- [Глава 6. Гун-фу-ча](#)
- [Глава 7. Монашество](#)
- [Глава 8. Рай](#)
- [Глава 9. Феологос](#)
- [Глава 10. Схимник Александр](#)
- [Глава 11. Покровский храм](#)
- [Глава 12. Афонская ночь](#)
- [Глава 13. Папа Герасим](#)
- [Глава 14. Папа Герасим и я](#)
- [Глава 15. Папа Герасим и Флавиан](#)
- [Глава 16. Евхаристия](#)
- [Глава 17. Мельница преподобного Силуана](#)
- [Глава 18. Триллер](#)
- [Глава 19. Иверская](#)
- [Глава 20. Пробуждение](#)
- [Глава 21. Восхождение. Начало](#)
- [Глава 22. Восхождение. Агия Анна](#)
- [Глава 23. Восхождение. Лестница](#)
- [Глава 24. Восхождение. Дзот](#)
- [Глава 25. Восхождение. Леший](#)
- [Глава 26. Восхождение](#)
- [Глава 27. Восхождение. Игумения горы Афонской](#)
- [Глава 28. Восхождение. Вершина](#)
- [Глава 29. Восхождение. Метаморфоза. Orthodox](#)
- [Глава 30. Зебро](#)
- [Эпилог](#)

^ Глава 1. Octopus

Знаете ли вы, что такое октопус?

Нет! Вы не знаете, что такое октопус!

Причем не просто какой-нибудь там октопус (греки называют его «октопод», а вообще-то это просто осьминог), а ОКТОПУС! То есть свежий, нежный от длительного отбивания, слегка подрумяненный на гриле (или размороженный в винном соусе, или чуть обжаренный в оливковом масле на сковороде), сочный, мягко поддающийся столовому ножу, сбрызнутый лимоном, словно кричащий каждой своей присосочкой: «Съешь же меня наконец!»

О да-а-а! Только утонченные поэтические натуры способны оценить всю красоту звучания этого слова — «ОКТОПУС»!

— Леша! Тебя явно ожидают проблемы на мытарстве чревоугодия, — выслушав мои вдохновенные излияния, подвел итог Флавиан.

— Грубый вы, батюшка, приземленный и эстетически не развитый! — парировал я, разрезая на тарелке очередную щупальцу своего октопуса-осьминога. Обмакнул в соус, стараясь зацепить побольше пряных трав. — Не способны вы познать «высшую духовную» радость от общения с этим восхитительным обитателем морских глубин!

Разговор этот шел на открытой веранде таверны «Критикос» в перевалочном пункте всех отправляющихся на Святую гору Афон паломников — городке Уранополисе. Отвыкнув за годы в Покровском от некогда любимых мною московских ресторанов, рассчитанных на совсем не бедную публику, я был приятно удивлен «Критикосом» — небольшим, чистым, светлым и опрятным ресторанчиком с доброжелательной обслугой. Здесь за вполне приемлемые для паломника деньги оказалось возможным очень достойно потрапезничать. А как там готовят ОКТОПУСА!

— И вообще! Апостол Павел пишет: «...кто не ест, не осуждай того, кто ест...» и еще: «...Кто ест, для Господа ест, ибо благодарит Бога»! — блеснул я своими познаниями в Священном Писании.

— Аминь! — кивнул Флавиан. — Там же, кстати, сказано: «старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий»!

— Все! Батюшка! Сдаюсь! Ты меня, как всегда, «завалил»!

— И еще сказано: «.. Дарствие Божие не пища и питие, но праведность и мир и радость во Святом Духе». А также: «Пища не приближает нас к Богу: ибо, едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем». И еще: «Пища для чрева, и чрево для пищи; но Бог уничтожит и то и другое».

— Добил, добил, отец Флавиан! — Я всем своим видом выразил глубочайшее смирение. — Ну хоть остатки-то доесть можно?

— Кушай, Леша, кушай! Приятного тебе аппетита! — Флавиан обмакнул солидный кусок щупальца своего октопуса в соус и положил его в рот.

И вот так всегда!

Почти два года прошло после первого посещения нами Святой горы. Сколько воды утекло, сколько всего произошло за это время!

Во-первых, на нынешнюю Пасху владыка М-й посвятил отца Флавиана во игумена, пошутив при этом: «Что ли, на монастырь тебя какой-нибудь настоятелем поставит, отец игумен?» Заметив испуг в глазах новоиспеченного игумена, рассмеялся: «Да ладно уж, не бойся! Сиди в своем ненаглядном Покровском, у тебя там и так уже свой "монастырь"!»

Владыка имел в виду поселившуюся в новом приходском доме «келейницей» к сильно сдавшей матери Серафиме инокиню Клавдию. Да, да, да! Вы правильно догадались! Наша драгоценная Клавдия Ивановна выдала Катюшу замуж за летчика Игоря, уезжавшего к новому месту службы, оставила мир и поселилась в нашей «обители».

Владыка М-й сам постриг в иночество ее и послушницу Галину, ушедшую из известного монастыря в соседней епархии, насквозь пораженного борьбой с ИНН, паспортами, штрих-кодами, мобильными телефонами, пропагандой «святости» царя Ивана Грозного и прочими стандартными атрибутами отечественного «зелотства».

Поварившись в этом монастыре более полутора лет и до тошноты нахлебавшись всей полноты «христианской любви ревнителей благочестия», она в заключение посидела две недели на хлебе и воде в монастырском БУРе (в сталинском ГУЛАГе «БУР» — барак усиленного режима) за отказ впаривать многочисленным паломникам какие-то уж совсем непотребные брошюры про священноначалие РПЦ.

Отказ был истолкован руководством монастыря как непослушание «старческому благословию». «Отмотав срок» и «откинувшись», Галина вышла за монастырские ворота в одном драном подряснике и такой же драной вязаной кофте с выкраденным из монастырской канцелярии собственным паспортом в кармане.

Первая же попутка, которую она остановила и попросила отвезти куда Богу угодно, предупредив, что денег у нее нет, оказалась машиной архитектора Николая Тимофеевича Бабушкина, прихожанина и близкого друга отца Флавиана. Дав очумевшей от «постной епитимии» послушнице вдоволь прорыдаться на заднем сиденье своего старенького «вольво», сердобольный Николай Тимофеевич накормил ее бутербродами с сыром, напоил крепким кофе из термоса и, через пару часов небыстрой езды, вручил беглянку в крепкие руки отца Флавиана.

Галину отмыли в Семеновой бане, переодели в новый подрясник инокини Клавдии (срочно ушив его вполювину) и поселили в новом приходском доме в келье рядом с кельей матери Серафимы, предложив пожить здесь сколько ей вздумается до того момента, как она определится со своим будущим.

Галина пару недель отсыпалась и отъедалась, посещала все монашеские молитвенные правила и приходские богослужения, подолгу беседовала наедине с матерью Серафимой. После чего, поймав во дворе батюшку Флавиана, рухнула перед ним на колени и заявила, что уйдет отсюда только мертвой в гробу. Флавиан вздохнул, перекрестился со словами: «Господи, помилуй мя немощного!» — и благословил ее оставаться. Так она и стала третьей «насельницей» Флавиановой обители.

— Теперь в нашей «каливе» есть игумен, монахиня, инокиня и послушница. Не хватает только

схимника, — как-то странно глядя на меня, сказал Флавиан.

— Не сейчас, батюшка! Не сейчас! — замотал головой я, сделав пораженное ужасом лицо. — Схимникам пять детей по уставу не положены! Ты помолись, если надо, и будет тебе схимник!

Не знаю, молился ли о схимнике отец Флавиан, но таковой у нас вскоре появился! И какой! Прямо по самому лучшему схимническому стандарту! Старенький, седенький, худенький. Правую ногу после третьего инсульта подволакивает, левая рука почти парализована, правый глаз сияет непосредственной детской радостью, левый почти полностью закрыт глаукомой. Бывший митрофорный протоиерей, бывший настоятель Никольского храма из М-ского благочиния.

Пять лет назад, когда ему исполнился восемьдесят один год, он, тогда еще отец Доримедонт, овдовел, перенес подряд два инсульта, после которых и был пострижен, по благословию епархиального архиерея, архимандритом Савватием в мантию. Некоторое время он жил при восстанавливаемом К-ском монастыре, затем последовал третий инсульт, после которого, тоже по благословию владыки, он прямо в больнице был пострижен тем же архимандритом в великую схиму.

После больницы он принял приглашение отца Флавиана пожить для восстановления сил вместо суетного городского К-ского монастыря в нашем благословенном Покровском, в новом приходском доме, в отдельной двухкомнатной келейке со всеми удобствами, изначально предназначавшейся самому Флавиану.

Здесь новопостриженному иеросхимонаху отцу Мисаилу так понравилось, что он написал прошение владыке с просьбой приписать его на покой до конца дней своих к Покровскому приходу. Владыка прошение удовлетворил. Иеросхимонах Мисаил украсил собой нашу обитель, а Флавиан с радостью остался жить в своей тесной, но любимой келейке в старой приходской сторожке.

Отец иеросхимонах помимо чисто эстетического наслаждения, которое доставляет русскому верующему христианину лицезрение седобородого старца в схимнической кукуле, принес с собой и весьма ощутимую практическую пользу приходу.

Во-первых, он взял на себя вычитывание поминальных записок и синодиков и вынимание по ним частиц из просфор на проскомидии, чем значительно облегчил отцу Флавиану жизнь, сэкономив ему немало времени для духовнической работы.

Во-вторых, всю всенощную и литургию до Херувимской он и сам исповедовал желающих причаститься прихожан, сидя в углу левого придела на скамеечке, застеленной домотканым круглым ковриком. За ответами на духовные вопросы отец Мисаил всех отправлял к Флавиану:

— Грехи, деточка, грехи свои называй! Духовник тут отец настоятель, к нему и иди за советом! А мне грехи, деточка, говори, «вся своя безчисленная прегрешения»!

С началом Херувимской он вставал со скамеечки, придерживая рукой мантию, и «шкандыбал», как он сам выражался, в алтарь, где уже и молился до конца Божественной службы и причащался вместе с отцом Флавианом у престола.

Впрочем, иногда он и сам вдруг говорил кому-нибудь что-либо душеполезное, коротенько, но прямо в десяточку. Да порой и отец Флавиан пользовался возможностью облегчить душу под его схимнической епитрахилью. Одним словом, батюшка к месту пришелся.

Вот! Еще из новостей, пожалуй, стоит сказать о том, что наш семинарист Сереженька взял да и женился в конце третьего курса, едва к исполнившимся ему девятнадцати годкам. Невесту себе он нашел у нас на клиросе, маленькую, худенькую, молчаливую, с прекрасным звонким голосом и широко раскрытыми васильковыми глазами Дашеньку.

Венчание в нашем храме вы можете себе представить сами! И ошибетесь, было намного лучше! В общем, сейчас Сереженька ждет своей очереди на диаконскую хиротонию (посвящение в диаконы).

Про свою семью здесь говорить не буду, это тема для отдельного рассказа.

Словом, вернемся к нашим октопусам!

В конце Светлой седмицы со Святой горы позвонил послушник Игорь.

— Отче Флавиане! Приезжайте к нам в удел Пречистой Богородицы! Прозорливый старец Папа Герасим из Кавсокаливии вышел из затвора и принимает всех приходящих к нему за советом. Сейчас ему девяносто семь, здоровье слабенькое, сколько он еще сможет послужить миру, неизвестно. Так что если хотите его застать и поговорить с ним, то торопитесь! Рад буду повидаться с вами и, если благословят, повозить вас на нашей скитской машине по Афону, я сейчас на послушании шофера по совместительству. Приезжайте, отче!

Разговор шел по громкой связи во время езды по разбитой грунтовке на моем «бронетранспортере». Мы с отцом Флавианом возвращались из глухой деревушки Ермоловки, где причащали всех трех, последних оставшихся в той деревне, старушек. Причащали их, понятное дело, Флавиан, а я, помимо всех прочих водителско-чемоданосителско-пономарских обязанностей «адъютанта его высокопреподобия» еще и пел вместе с Флавианом для счастливых бабушек канон Святой Пасхи (ну, не Жаровский хор, конечно, но старушкам понравилось)!

И тут этот звонок! У меня аж в груди все вспыхнуло!

— Отче! Надо ехать! А кто такой этот старец Папа Герасим?

— Монах в скиту Кавсокаливия, русский по происхождению, сын белоэмигранта, офицера царской армии, на Афоне с тридцатых годов. Очень высокой жизни подвижник, мне о нем некоторые, знавшие его ранее, афониты рассказывали. Последние пять лет жил в затворе. Поэтому мы к нему в прошлый раз и не попали, когда на Святой горе были.

— Отче, а он и вправду прозорливый старец?

— Говорят так, сам не видел. А тебе что, прозорливый старец нужен?

— Мне? Да вообще-то, наверное, не нужен...У меня же есть духовник, вот ты и отдувайся!

— А вот мне нужен! Есть у меня несколько вопросов, относительно которых я своим умом принять решение никак не могу! А от Господа «весточки» не приходит, по грехам моим. Так что готовь наши загранпаспорта, брат «паломник»!

Воистину, если Бог даст, то и «в окно подаст»! Скорость, с какой нам оформили визы, страховки, билеты, трансферты и прочее, меня просто изумила — через шесть дней после

вышеописанного разговора мы с отцом Флавианом уже сходили с трапа самолета в знакомом нам аэропорту Македония.

Была весна, и летное поле встретило нас не тем опаляющим жаром, что в прошлый раз, а радушным мягким теплом и легким запахом моря, приносимым нежным ветерком из залива.

Батюшку пожилой греческий таможенник провел через проход для граждан ЕС, минуя здоровенную очередь российских туристов, вызвав среди них диаметрально противоположные реакции от: «Спаси его, Господи! И здесь верующие люди есть!» до: «Этим попам везде халява!».

Выйдя на улицу из аэропорта и ища глазами свой трансфертный микроавтобус, я вдруг увидел стоящую между туристических автобусов мечту «реального джипера» — новенький пикап «Мицубиси L200». Залюбовавшись мощным кенгурином с дополнительными фарами, я не сразу заметил вылезавшего из-за руля Игоря! Нашего Игоря, в полинявшем подряснике с приspушенным на бедра афонским ремнем с круглой крестчатой пряжкой.

— Игореха, ты?!

— Здорово, брат Алексей! Где батюшка?

— В холле у рюкзаков сидит, караулит, а я вышел трансферт искать.

— Такой трансферт подойдет? — Игорь, улыбаясь, показал на свой пикап.

— Подойдет! — раздался сзади нас голос Флавиана, незаметно подошедшего с двумя нашими рюкзаками и сумкой подарков для друзей афонитов с духовными книгами и CD-дисками.

— Ты, батюшка, в следующий раз еще и меня на плечи посади! — кинулся я отнимать у него рюкзаки. — Уж тогда с гарантией отпоем тебя здесь греческим чином, а то так, глядишь, еще и не сразу помрешь от инфаркта!

— Эвлогите, отче! — подошел благословляться Игорь.

— О, Кириос! — благословил его Флавиан. — Ты как здесь оказался?

— Отец-скитоначальник командировал новую бензопилу купить и кое-что из продуктов на рынке в Салониках.

А заодно, говорит, захвати сюда и батюшку своего, а то он у пантелеимоновской братии застрянет и к нам невесть когда попадет! Завтра вместе на пароме и поплывем, да потом через Дафни сразу к нам в скит!

— Спаси Господи твоего отца Никифора!

Два часа дороги до Уранополиса пролетели незаметно. Игорь пересказал нам все основные новости афонской жизни; кто пострижен, кто из какой обители в какую перешел, а кто и совсем переселился «за Петра и Павла» (в Пантелеимоновом монастыре кладбищенский храм с костницей). Флавиан живо всем интересовался.

— Игореш! А ты чего совсем не спрашиваешь, что у нас в России происходит? — любопытствовал я.

— Леха! Я хоть еще и послушник, но все равно уже вроде как и монах! А монах для мира

умирает, и мир для него. Мой мир теперь Святая гора. Если кто из знакомых умер или родился, ты мне скажи, я их на молитвенную память в свой синодик запишу. А большего мне знать и не нужно, и бесполезно.

— Во как! — удивился я.

— Я, Леша, сам видел, как бесы монахов на ностальгию «раскручивают», вплоть до оставления теми монахами Святой горы. Смотришь, завел монах мобильный телефон, начал с Россией перезваниваться, с родными, друзьями старыми, их земными делами интересоваться.

Затем глядь — он уже погрузневший ходит, задумчивый, молитва в нем прекратилась, службы не в радость стали. А потом, через какое-то время, видишь его уже на арсане, с чемоданами, поджидающим паром на Уранополис. И все! И нет его больше на Афоне!

Только ведь там, в миру, его те же самые бесы и встретят, что со Святой горы выгоняли, и отнюдь не с ковровой дорожкой и духовым оркестром. Но теперь уже лишнего благодатной защиты Святой горы.

Есть притча такая, встречает афонский отшельник беса, а у того все плечи истерты. Спрашивает подвижник: «Ты где так плечи натер?»

Бес отвечает: «Да вот, на себе приходится монахов на пристань таскать, лишь бы с Афона уехали!» Монах спрашивает: «А что же будет, когда уедут?» Бес говорит: «О! Там уже они меня на себе возят!»

Поэтому опытные духовники и учат: стал монахом — забудь прежнюю жизнь!

За разговором незаметно пролетела дорога, пикап выехал на последний участок прибрежного шоссе, слева потянулись отели. Машина миновала «Александрос Палас», «Аристотелес», «Ксению», разные другие курортные заведения и въехала на главную улицу Уранополиса.

— Где ночуете, отче? — спросил Игорь Флавиана, медленно ведя машину по неширокой улочке, с обеих сторон застроенной двух-трехэтажными отельчиками и магазинчиками.

— У Стелиоса в Македонии, как в прошлый раз, — ответил Флавиан.

— Отлично! Сейчас я вас туда и доставлю! А я заночую у грека знакомого, Кириака, у него брат монах в Ксенофонте, и он всегда любых афонцев на ночлег с радостью принимает, как греков, так и русских. Это отсюда недалеко.

Мы въехали на маленькую площадь перед древней византийской башней, повернули налево по набережной, нырнули в переулок и остановились перед маленьким, уютного вида отелем со светящейся вывеской «HOTELMAKEDONIA». Игорь, первым выскочив из машины, принялся выгружать из нее наш багаж, я кинулся ему помогать. Дверь отеля открылась, и из нее вышел невысокий, интеллигентного вида, приветливый грек, хозяин гостиницы Стелиос.

— Калимера (*Доброе утро (греч.)*), Стелиос! — приветствовал его грузно спрыгнувший с высокой подножки пикапа Флавиан.

— Калимера, патер (*Доброе утро, отец (греч.)*)! Калимера! — заулыбался тот в ответ. — How are you? (Как вы? (англ.))

— Поли орео (*Все замечательно (греч.)*)! — тоже улыбаясь, ответил Флавиан.

— First floor for father! Only first floor! (*Первый этаж для отца! Только первый этаж! (англ.)*)
— завопил я. — У него ноги большие!

— O key! O key! (*Хорошо! Хорошо! (англ.)*) — все так же улыбаясь, закивал Стелиос. — Only first floor! — И взял у Игоря рюкзак Флавиана.

Нам на двоих с батюшкой достался самый удобный номер на первом этаже. Расположившись и приняв душ, мы с Флавианом переоделись в чистую одежду и переглянулись.

— Батюшка! Есть у меня такое ощущение... — начал я издалека.

— Сейчас прозрю, — улыбнулся Флавиан, — октопусы в «Критикосе»?

— О! Да, отче, они! Они самые! — Я закатил кверху глаза. — Я так и вижу, как они призывно машут нам своими поджаристыми щупальцами!

— Хорошо, — кивнул мой добрый батюшка, — пойдем ужинать в «Критикос».

Через полчаса и состоялся тот самый «богословский» диспут, с которого было начато это повествование (смотри начало первой главы).

^ Глава 2. Мария

— Батюшка! Здравствуй! А мы с Микаэлой гадаем издалека, ты это или не ты? Алексей! И ты с батюшкой приехал!

— Здравствуй, Мария! — в один голос возгласили мы с Флавианом.

Про Марию надо рассказать особо. Есть в каждой среде свои неподражаемые, знаковые личности, без которых колорит этой среды теряет свою яркость и самобытность. Есть и вокруг Афона своеобразная «околоафонская среда», состоящая из самих монахов-афонцев, паломников всех видов и национальностей и местных жителей, в основном занятых обслуживанием и монахов, и паломников, не считая, конечно, обычных отдыхающих сезонных туристов. Есть среди местных жителей Мария.

Еще в первый наш приезд в Уранополис, получив в «Проскинитон Графионе» афонские паспорта-диамонитирионы, мы метались по набережной в поисках не сразу приметной билетной кассы афонского парома. После третьего или четвертого прохода мимо невысокой, несколько старше среднего возраста гречанки, сидевшей за маленьким столиком около холодильной витрины с мороженым, мы услышали от нее на нормальном русском языке:

— Батюшка! Здравствуйте! Вы, наверное, кассу ищете, вам билеты на корабль нужны? Вы на Афон плывете?

— Слава Богу! — вырвалось у нас. — Вы нам покажете кассу?

— Вот она! — Женщина указала на соседние двери, в одной из которых было открыто окошко кассы. — Вы в первый раз здесь, батюшка?

— В первый!

— Вы не стесняйтесь, батюшка, обращайтесь ко мне, если что-то понадобится!

Через пять минут, купив билеты, мы уже сидели — я на раскладном стуле, Флавиан на диванчике — под тентом кафе ISALOS, уплетая ванильное мороженое, запивая его кофе по-гречески и разговаривая с гостеприимной хозяйкой по имени Мария.

— Мария! Вы так хорошо говорите по-русски, вы из России?

— Я из Грузии! Мы понтийские греки, нас много жило в Грузии, там моя родина!

— А давно вы переехали в Грецию?

— Да, около двадцати лет, наверное.

— И вам здесь нравится?

— Да куда ж денешься...

— А почему вы переехали сюда? Захотели жить на исторической родине?

— Война. Гамсахурдия. Тех, кто не грузины, стали убивать. Из нашей деревни все уехали. К нам пришли грузины и сказали: «Кто не уедет, того убьют». Мы все уехали...

— Не будем об этом, Мария, — вмешался в наш разговор Флавиан, заметив, как погрузнели глаза Марии, — мне сказали, что здесь можно купить русифицированную сим-карту для разговоров с Россией по льготному тарифу с мобильного телефона, это правда?

— Конечно, правда! Вам нужна такая карта? Пойдемте, я покажу вам, где такую карту можно купить!

Мария привела нас в соседний переулок к небольшому магазинчику.

— Мария! А где можно найти хорошее оливковое масло, жена просила взять на обратном пути для детей? — подключился опять я.

— Я вам покажу, где купить! Подходите ко мне на обратном пути, я вам все покажу, попрошу, чтобы вам продали то, что лучше!

— Мария! А если мы захотим на обратном пути взять машину, чтобы в несколько святых мест по дороге в аэропорт заехать, вы нам поможете?

— Конечно, помогу! Найду вам машину, без проблем, тут у меня все знакомые! Жилье могу частное найти, если захотите еще приехать, недорого, если что-нибудь понадобится, вы обращайтесь, я помогу! Я всем батюшкам помогаю, я люблю батюшек... Да, вам пора уже идти! Вон ваш паром уже стоит, не опоздайте!

— Увидимся на обратном пути, Мария!

— Заходите!

Ну, вот и на этот раз мы зашли, конечно, к Марии после октопусов в «Критикосе».

— Мороженое будете, батюшка?

— Конечно, Мария! Вот Алексею двойную порцию фисташкового, если я не ошибаюсь, ты его в прошлый раз заказывал?

— Склоняюсь перед вашей памятью, отец Флавиан! Еще сок апельсиновый, со льдом! Большой стакан!

— Хорошо, — кивнула, записывая заказ, Мария, — а вам, батюшка?

— Воды из холодильника большую бутылку и чашку кофе по-гречески...

— Маленькую! И некрепкого, — грозно глядя на своего духовного отца, уточнил я. — А сперва таблетки: две беленькие и одну красную!

— Хорошо, — вздохнул Флавиан, — маленькую и не очень крепкого! Доставай аптеку, Леша...

Вскоре мы уже наслаждались, каждый своим заказом, сидя на крытой веранде с видом на тихое прозрачное Эгейское море. Двойная порция мороженого в исполнении Марии, после октопусов и тазика (греки почему-то называют его тарелкой) греческого салата, кажется, была с моей стороны ошибкой... Но я старался!

— Благословите, отче! Вы не разрешите к вам подсесть? Вы ведь русские? Паломники на Афон? — к нашему столику подошел приличного вида человек, лет около сорока, с небольшой аккуратно подстриженной бородой, в темной рубашке с длинными рукавами и черной «охотничьей» жилетке с множеством карманов.

— Бог благословит! Присаживайтесь! Вы правы, мы русские и едем на Афон. А как ваше святое имя?

— Владимир, раб Божий... — Он присел на раскладной стул рядом со мной. — Вы на Святую гору впервые?

— Второй раз, — отозвался Флавиан, — а вы?

— Я в первый! Потому и дерзнул присоседиться к вам, я ведь тут ничего не знаю, в Уранополисе.

— В Уранополисе главное — знать Марию! — откомментировал я. — Остальное она все сама организует! Мария!

— Вы что-нибудь будете заказывать? — появилась около вновь прибывшего гостя хозяйка кафе с блокнотом.

Владимир заказал мороженое и кофе. Разговор продолжился.

— А вы, отче, собираетесь подниматься на вершину? — спросил Владимир.

— Собираюсь, — кивнул Флавиан.

— Чего?! — не веря своим ушам, подпрыгнул я. — Какая вершина, батюшка? С вашими ста сорока килограммами на артрозных ногах, ишемией, стенокардией и перенесенным инфарктом?

— Ты еще атеросклероз сосудов забыл, Леша, и артериальную гипертензию! — уточнил Флавиан. — Но на вершину мы пойдем все равно, так надо! Нет, ты, конечно, можешь подождать меня внизу, в скиту Святой Анны, например...

— Ага! — озверел я. — Вот прям щас! А кто ваши «мощи» с горы спускать будет, когда вы там

«отрешитесь от бренного тела»? Кто их в Покровское в цинковом гробу повезет, для всенародного поклонения и погребения?

Я вытащил из кармана мобильный телефон.

— Все! Звоню матери Серафиме, и пусть она, как лечащий врач, на вас епитимию накладывает!

— Леша, убери телефон! Нечего старого человека волновать! — Флавиан был спокоен и решителен, я понял, что вершины нам не миновать.

— Понял! — смирился я. — Пусть меня потом ваши прихожане мученической смерти предадут! «Нет больше той любви...»

— Да ладно, Лешка! Даст Бог — прорвемся! — подбодрил меня Флавиан.

— Теперь я понимаю, батюшка, почему ты меня заставил покупать эти самые шипастые кроссовки для нас с тобой, — осенило вдруг меня, — и палки, телескопические...

— А вот это очень правильно, батюшка! — поддержал Владимир. — Палки очень нужны, особенно на спуске! Я, когда в горах Тибета к Шамбале поднимался...

— Куда?! — подпрыгнули уже мы вдвоем с Флавианом.

— К Шамбале, — словно про поход на шопинг в «Ашан», спокойно отозвался Владимир.

— Вы там были?

— Был. В горах Тибета.

— И Шамбалу видели?

— Нет. Шамбалу не видел. Я в группе единственный был православный, и, хотя внешне старался никак не выделяться, про себя постоянно творил молитву Иисусову, «Отче наш» читал, «Богородице Дево, радуйся», архангелу Михаилу молитву и другие разные молитвы, которые помнил наизусть. Так что интересно, наш опытный проводник, буддист, заблудился. Ходил вокруг какой-то горы, ходил, потом потерял все свое буддистское бесстрашие, начал злиться и ругаться.

«Не могу, — говорит, — входа в долину найти, хотя много раз там был. Кто-то нас не пускает!»

А потом, на обратном пути, злобно так на меня посмотрел и сказал: «Это ты мне своими «мантрами» помешал!»

— Однако! — переглянулись мы с Флавианом.

— Владимир! А зачем вы вообще туда пошли, если уже тогда были православным христианином? — спросил Флавиан.

— Из-за младшего брата, Коли. Он, когда в бизнесе себя уже реализовал, причем вполне успешно, начал духовные ценности искать и увлекся буддизмом, религией «бон» и вообще восточными культурами. Меня с моим православием всерьез не воспринимал, «слишком примитивно», мол.

А тут какие-то друзья его в экспедицию потянули в эту самую Шамбалу, мол, есть проверенные

люди, которые там уже побывали и «просветление» получили. Он, конечно, загорелся. Ну, я в компанию и набился, чтобы там за ним присмотреть. Все же брат младший, не дай Бог ему там как-нибудь «мозги скрутят».

— Не скрутили? — поинтересовался я.

— Не скрутили, — ответил Владимир, — когда в отель вернулись, Коля меня спрашивает: «Почему проводник сказал, что ты ему мантрами помешал? Ты какие мантры читал?» Я ему и сказал какие! Он теперь тоже православный, женился недавно на дочке священника, на заочное отделение в семинарию поступать собирается...

— Значит, не зря ваш Коля по горам тибетским полазил, все-таки получил там свое «просветление»! — подытожил разговор Флавиан.

— Получил... — подтвердил Владимир.

— Батюшка! — Мария поставила перед нами блюдо со свежевывмытым виноградом. — Угощайтесь, за это денег не надо, это от меня! Только сорван, это из виноградника моего соседа!

Вокруг нас шла обычная вечерне-курортная жизнь уранополисской набережной, уже стемнело, под тентами веранд кафе зажглись светильники с энергосберегающими лампами.

Бродивший между столиков гармонист с коробочкой от йогурта для сбора гонорара, кажется, нашел русских клиентов. С соседней веранды полились «Амурские волны», плавно переходящие в «Севастопольский вальс» (недавно он явно «окучивал» немцев на другой веранде, где слышались марши типа «Дойчинен зольдатен...»).

Вечер был мягкий, сквозь негромкий гул голосов отдыхающих и закусывающих еле слышно пробивался слабый плеск прибоя, сопровождаемый нежным запахом морской воды.

Мы молчали, каждый думал и переживал что-то свое, пощипывая с кистей сочные виноградины.

— Брат Алексей! А не совершить ли нам «чинопоследование опочивания»? — прервал молчание Флавиан. — Завтра день напряженный будет!

— Вы правы, батюшка! — отозвался Владимир. — Благословите на сон грядущий!

Флавиан благословил.

— Встретимся завтра на пароме!

Попрощавшись с Марией, мы отправились в свой отель. По дороге я негромко напевал «Welcome to the hotel Makedonia!» на мотив «Отеля Калифорнии» группы «Иглз», Флавиан что-то обдумывал, перебирая четки.

Ну а с «чином опочивания» вышло как всегда!

— Леш! Ты ложись, — несколько виновато сказал батюшка после прочтения нами в номере молитв на сон грядущим, — а я еще немного на балконе с четками посижу!

— Хорошо, — строго разрешил я, — немного! И зелененькую таблетку прямо сейчас! Мне за тебя перед матерью Серафимой отвечать! Сам сказал, что завтра день напряженный!

— Давай зелененькую, — вздохнул Флавиан и потянулся за стаканом воды.

^ Глава 3. Дстойно есть

Вот и верь потом этим батюшкам!

Я проснулся в полседьмого утра по греческому времени, заметьте, своевременно переставленному на моих, как их называет Иришка, «водолазных» часах (а что?! в инструкции же заявлено, что до ста метров глубину держат!). Флавиан все так же сидел на балконе с четками, так же, как я видел его перед сном! Постель его была даже не разобрана! Я сдержался...

— Леша, иди сюда! — увидев, что я проснулся, позвал Флавиан. — Ты послушай, как местные голуби кричат! Совсем не как наши!

Действительно! Я прислушался и услышал гулкое: «У-ууу! У-ууу!»

— И еще сов много летает, — доложил о своих наблюдениях батюшка, — причем они здесь маленькие какие-то!

Мы собрались, добродушный Стелиос накормил нас завтраком, в «Проскинитоне» получили наши афонские паспорта-диамонитирионы. Затем взяли билеты на паром и успели отметиться у Марии «отходной» порцией мороженого (двойной фисташкового, как вы, наверное, догадались) и маленькой чашечкой некрепкого кофе!

Затем погрузились на паром, предварительно покидав рюкзаки и сумку в кузов подъехавшего пикапа L200 с Игорем за рулем.

Все! Поплыли!

Паром афонский! Это отдельная тема...

Во-первых, их несколько.

В прошлый раз мы плыли на Святую гору на «Сотиросе», что по-гречески «Спаситель». Обрато в Уранополис нас вез паром, названный по имени главной святыни протатского храма в Кариесе иконы Божией Матери «Аксион эсти» — «Дстойно есть».

Если кто не знает, напомню эту историю. В столице Афона Кариесе (русские обычно называют это поселение Карея), названной так потому, что расположена в некоторой впадине между горными хребтами, есть храм Успения Пресвятой Богородицы, построенный в 335 году императором Константином на месте языческого капища. Сейчас это — главный соборный храм Кариеса, рядом с ним расположен протат или Кинотис — афонский «парламент», и потому этот храм называют еще протатским.

Несколько веков назад неподалеку от Кариеса была небольшая келья, в которой подвизался один благочестивый «геронда» — старец — со своими учениками. Однажды он с несколькими учениками отправился на всенощное бдение в честь Богородичного праздника в Успенский храм. В келье же оставался только один молодой послушник, который, когда пришло время молитвы, зажег свечи перед необыкновенно красивой иконой Пресвятой Богородицы и приготовился петь ей службу.

Внезапно в двери постучали, и в келью вошел незнакомый монах благообразного обличья и попросил разрешить ему присоединиться к молитве. Они стали молиться вместе. Когда наступил момент богослужения, в который пелась песнь Пресвятой Богородице «Честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим, без истления Бога Слова рождшую, Сущую Богородицу Тя величаем!», незнакомец попросил остановить службу.

— Там, откуда я пришел, — сказал он, — эту песнь поют так: «Достоинно есть яко воистину блажити Тя Богородицу, Присноблаженную и Пренепорочную и Матерь Бога нашего! Честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим, без истления Бога Слова рождшую, Сущую Богородицу Тя величаем!»

— Как прекрасны эти слова, — восхитился молодой послушник.

— Дай мне пергамент, и я запишу их тебе! — предложил незнакомец.

— У нас в келье нет ни пергамента, ни чернил, — огорчился послушник.

Тогда незнакомый «монах» взял лежавшую там каменную плиту и, словно по мягкой глине, пальцем написал по камню слова священного песнопения.

— Отныне всегда пойте так! — объявил он и вышел за дверь. Молодой послушник кинулся вслед за необычным гостем, но, распахнув дверь, не увидел никого. Снег, засыпавший крыльцо кельи по самую дверь, не хранил на себе ни одного отпечатка ног «монаха».

Возвратившийся старец, осмотрев чудесную надпись на каменной плите, сказал: «Это был архангел Гавриил! Говоря «откуда я пришел», он имел в виду Небо!»

Плита с текстом новой молитвы была представлена совету старцев в Кариесе, затем послана Вселенскому патриарху в Константинополь. А на Святой горе и по всей Святой Православной Церкви до сих пор воспевают чудную архангельскую песнь «Достоинно есть яко воистину...».

Паром до Афона в этот раз оказался гораздо больше, современнее и комфортабельнее. В его большой каюткомпании (или как уж там это правильно называется) стоят многочисленные мягкие диваны, между ними столики, мощный кондиционер нагоняет прохладу, здесь также есть отдельное помещение для духовенства и монашествующих, солидно все так, прямо «европаром»!

А называется он то ли в честь русского монастыря, то ли из любви греков к самому святому (это скорее) — «Агион Пантелеимонос»! Как и наш русский монастырь, приятно для русского сердца!

В углу кают-компании небольшой прилавок все с тем же орлиноносим молодым греком, что «нес послушание» буфетчика и на двух других паромах. Он, как и прежде, преисполнен самоуважения, неторопливо засовывает в рифленый электропресс тосты с беконом и сыром внутри, наливает машинный кофе, выдает из холодильника «неро» (воду), колу или «Фанту», снисходительно рассчитывается, небрежно бросая сдачу на прилавок.

Я таки смог ему объяснить на моем подзабытом английском, что для батюшки тосты нужны «only cheese» (только с сыром), а бекон из них нужно выложить и положить в два других, для меня (Игорь вообще от тостов отказался). Бармен, наконец-то осознав, что от него требуется, сделал перекладку лепестков бекона с таким видом, будто он вкладывает в тост подметку от старого ботинка, и небрежно сунул наши тосты в машинку для запекания. Ничего, мы,

русские, народ привычный, еще помним легендарное «вас много, а я одна!».

Дождавшись заказа, я отнес наши тосты вместе с «неро» для батюшки, кофе для Игоря и «Фантой» для меня на столик. И обнаружил, что, пока я работал снабженцем, к Флавиану с Игорем присоединился некий тип, довольно агрессивно что-то доказывающий моему батюшке. Тип был одет как западноевропеец, и у него был здоровенный профессиональный фотографический кофр. Я присел и прислушался.

— А я вам говорю, — с убежденностью президента США, выступающего с трибуны перед выборами, вещал «еврофототип», — что христианство потерпело к концу второго тысячелетия своего существования сокрушительное поражение! Все! Христос для мира — мертв!

— Это ваш мир мертв для Христа! — не удержавшись, вставил я.

Не обращая на меня никакого внимания, он продолжал:

— Придет победитель — исполненный молодой свежей силы ислам! За ним будущее!

— Что вам дает основание так думать? — спокойно спросил, откусив подсунутый мною тост «only cheese», Флавиан.

— Как «что»? — возмутился его собеседник. — Неужели вы сами не видите? В некогда христианской Европе вы сейчас почти не найдете практикующих христиан! Именно практикующих, а не заходящих в костел или кирху в праздник поглазеть на чужие наряды или совершающих матримонию (бракосочетание) в соборе ради красоты обряда!

— Что значит практикующих? — опять не удержался я.

— Практикующих, молодой человек, — снизошел до меня оратор, — значит реализующих принципы веры на практике, что называется, живущих «по вере»! У нас в Латвии, да и во всей Европе, а я объездил все европейские страны и могу сказать уверенно, таких практикующих христиан осталось незаметное меньшинство, и оно все более умалывается!

— А Россия? — вмешался в разговор Игорь, — там много настоящих христиан! Игорь поглядел на Флавиана, тот с аппетитом дожевывал свой «only cheese», безмятежно запивая его «неро» из запотевшей пластиковой бутылочки.

— А что Россия? — не менее агрессивно отозвался латыш. — У вас разве много реальных христиан? Бывал я у вас в России не раз! И что? Купола-колокола, высокопоставленные «подсвечники» в храме Христа Спасителя! Толстые попы на дорогих машинах, злобные старухи в храмах! А молодежь на дискотеках и в ночных клубах! Это и есть ваше реальное русское христианство? А случаи перехода молодых славян в ислам? Они тоже имеют место быть! Где оно, ваше легендарное Христово воинство? Воины ислама занимают его место! За ними будущее!

— Простите, а на Афон-то вы зачем едете? — поинтересовался Флавиан.

— Профессиональное любопытство, — улыбаясь, ответил исламофил, — я фотограф, работаю сразу на несколько журналов. Хочу посмотреть и запечатлеть уходящее христианство в его, как говорят, последнем заповеднике, или, правильнее сказать — резервации!

— Понятно, — опрокинув остатки воды в рот, вздохнул Флавиан, — вы читали Евангелие?

— Ну, я просматривал Библию когда-то, — несколько смутившись, ответил латвийский фотограф, — и не могу сказать, чтобы эта книга меня сильно увлекла.

— Тоже понятно, — опять вздохнул Флавиан, — иначе вы обратили бы внимание на то место в Евангелии, где Христос называет своих учеников «малым стадом». Дословно: «Не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство». Евангелие от Луки, глава двенадцатая, стих тридцать второй.

То есть изначально предполагалось, что истинных последователей учения Христа будет не так много, как противников этого учения. И мы видим, что из многих тысяч слушавших Господа Иисуса в трехлетний период его проповеднической миссии лишь двенадцать и семьдесят стали носителями Его учения о Царствии Божьем.

Но это малое число истинных учеников своей проповедью, подкрепленной свидетельством Святого Духа, переменяло мир, подобно евангельской «закваске». Кстати, закваска всегда составляет лишь малую процентную долю в общей массе теста!

А раз уж вы сравниваете воинство христианское с армией ислама, то позвольте задать вам следующий вопрос: кто достойней уважения и кто может называться победителем — маленький, потрепанный в непрерывных сражениях, ободранный, полуголодный, израненный, но не уступивший своих позиций отряд или большая, мощная, хорошо вооруженная, но никогда не воевавшая армия?

— По-моему, ответ очевиден, — ответил батюшкин оппонент, — но на чем вы основываете именно такое сравнение?

— На том, что за последние две тысячи лет христианская Церковь подвергалась идейному, моральному и физическому геноциду со стороны иудеев, римляноязычников, еретиков, раскольников, варваров, масонов, оккультистов, революционеров всех мастей, псевдонаучной интеллигенции, большевиков, фашистов, коммунистов, неогуманистов, восточных и псевдовосточных сект и т.д. и т.п. Причем велась и ведется эта война на уничтожение христианства как извне, так и изнутри, на территориях самих христианских государств!

И заметьте, православная христианская Церковь выстояла, сохранила апостольскую чистоту вероучения, преемственность благодати священства и единство в таинствах! Пусть истинных христиан, тех, для кого евангельское учение является конституцией их жизни, меньше, чем христиан формальных, являющихся таковыми только по имени, или «теплохладных» в вопросах веры, сосредоточенных на мирских преходящих ценностях!

Но они — истинные христиане — есть! И их число у нас в России умножается! На смену пресловутым «старухам у подсвечников» приходят новые, молодые, состоявшиеся в жизни прихожане, достигшие определенного уровня познания ценности мирских благ и ищущие высшего, духовного смысла своей жизни!

А с кем, простите, воевал ислам? Родившись изначально в благотворной для себя среде, он вырос, словно мутантное онкологическое новообразование на теле Библии, впитав в себя идеи иудаизма, христианства и язычества и перекрыв эти идеи своим новым постулатом — правом распространения этой религии копьём и мечом.

Ислам как религия за всю свою историю не претерпел ни одного серьезного гонения или внешнего нападения, если не считать таковым раскол на течения суннитов и шиитов, каждый из которых продолжили нести учение Мухаммеда в окружающий мир на остриях своих кривых сабель!

Даже приснопамятные Крестовые походы не ставили собою цель уничтожения мусульманского учения как такового, или поголовного уничтожения последователей Корана. Лозунгом крестоносцев было освобождение от «неверных агарян» священных для христианского мира территорий в Палестине, связанных с Библейской историей!

Принципиальная разница наших религий состоит в том, что христиане готовы умирать за свою веру, а мусульмане готовы убивать за нее. Вы слышали про молодого русского солдата Женю Родионова, попавшего в плен к чеченским бандитам? Три месяца он претерпевал пытки и издевательства, но не отрекся от своей веры и не снял свой нательный крест, как того требовали «воины ислама». А в заключение был мучительно убит за свою веру!

— Да, я слышал эту историю, одно время она широко обсуждалась и у нас, — отозвался латвиец.

— Так кто из них победитель, Женя или его убийцы?

— С точки зрения христианской, конечно, Евгений, — ответил фотограф.

— А с вашей, «западной», «общечеловеческой»?

— Да, пожалуй, тоже он...

— А вы про какую-то «победу ислама»? До тех пор, пока христианство рождает таких воинов, как Женя, про поражение христианства говорить несерьезно! Сила христианства в том, что христианский Бог есть Любовь, а мусульманский... Впрочем, если вам будет интересно, вы сами можете поглубже изучить эти веры и «почувствовать разницу».

— Знаете, батюшка, — задумчиво проговорил Флавианов собеседник, — вы дали мне интересную информацию к размышлению, пожалуй, я не пожалею времени на более глубокое знакомство с предметом нашей беседы...

— Господь вам в помощь! Кстати, как ваше святое имя? Вы крещены?

— Эдуард. Крещен я в детстве в православной церкви в Риге, с каким-то смешным именем Уар! Я даже не знаю, в честь какого святого я так назван!

— В честь святого мученика Уара, пострадавшего при императоре Максимиане. Он поминается вместе со святыми Клеопатрой и ее сыном Иоанном. Почитайте их житие, оно тоже даст вам дополнительное представление о христианстве, как о религии непобедимой.

— Благодарю! Надеюсь, мы еще увидимся на Афоне?

— Как Бог благословит! Всего доброго!

Латвиец-фотограф Эдуард отошел от нашего дивана и, усевшись невдалеке на другом, угловом диванчике, вытащил ноутбук и углубился в него.

— Как вам, батюшка, «only cheese»? — поинтересовался я, — надеюсь, этот исламофил не испортил вам аппетита?

— Он не исламофил, Леша, — вздохнул Флавиан, — его, так же как и нас с тобою, любит Господь и, я думаю, неспроста привел его на Святую гору...

— «Агион Пантелеимонос»! — прогремело из динамиков в кают-компании.

— Следующая наша — «Дафни», — вставая, сказал Игорь, — спускайтесь на палубу, я буду ждать вас в машине!

^ Глава 4. Старцы

Маленькая пристань Дафни встретила нас министолпотворением, обычным при приходе туда большого парома. Это столпотворение бывает здесь один раз в сутки в течение получаса, когда с большого парома (в нашем случае это был «Агион Пантелеимонос») сходят монахи и паломники, часть которых пересаживается затем на малый паром (это всегда «Агиа Анна») для того, чтобы плыть далее вдоль западного побережья Афона.

«Святая Анна» выходит из Уранополиса раньше большого парома, и, пока он не торопясь доберется до Дафни, она уже успевает проплыть до окончания полуострова, выгрузить пассажиров по арсанам монастырей, находящихся в южной оконечности Святой горы, забрать с тех же арсан паломников и монахов, едущих в сторону Дафни и Уранополиса, и, прибыв в Дафни, дожидаться прибытия большого парома.

Кроме «Святой Анны», пассажиры большого парома пересаживаются на несколько микро- и просто автобусов, едущих в столицу Святой горы — Кариес. Некоторых приехавших встречают монастырские машины (в основном это пикапы и джипы), а некоторые и сами съезжают с большого парома, подобно нам в этот раз, на разных автомобилях (кроме пикапов и джипов, на палубе обычно бывает немало грузовиков со стройматериалами).

Пока происходит разгрузка большого парома, у кассы и пропускного таможенного пункта уже толпится народ, готовящийся отплыть в сторону Уранополиса. В принципе за билетом можно и не толкаться у кассы, а купить его уже на борту парома, но таможенный досмотр проходить все равно придется. Устроена эта таможня с целью не допустить вывоза со Святой горы религиозно-исторических ценностей и прочего антиквариата. Но смотрят таможенники багаж, как бы это сказать, не сильно зверствуя!

После разгрузки большого парома происходит его загрузка машинами и уже прошедшими таможню паломниками, затем большой паром уходит в сторону Уранополиса, попутно заходя по второму разу на все монастырские арсаны.

Народу в Дафни резко убавляется. Затем уходит «Святая Анна» к южной оконечности Святой горы, и в Дафни воцаряется полный штиль. Разве что парочка каких-нибудь «заблудших» паломников или рабочих не спеша допивает свой кофе под навесом единственной в Дафни таверны, содержанием которой является русскоязычный грек Янис. Про Яниса нужно рассказать особо, ибо и он, подобно Марии в Уранополисе, для околоафонского общества есть фигура знаковая.

Когда мы в первый раз посещали Святую гору, то в один из последних дней нашего там пребывания решили посетить ближайший к Пантелеймону греческий монастырь Ксиропотаму (обычно русские называют его «Ксиропотам»). По устройению своей внутренней жизни это «исихастрий» (исихия по-гречески — молчание), то есть обитель углубленной молитвенной жизни, и поэтому, ради создания соответствующей внутреннему сосредоточению атмосферы, всячески ограничивает свои сношения с внешним миром.

Ворота его открываются для посещения святынь, главная из которых — большая часть древа Животворящего Креста Господня, — только в одиннадцать часов утра по греческому времени и только для прохода паломников от ворот до храмового придела со святынями и обратно.

Узнав об этом, мы с Флавианом и присоединившимся к нам в Пантелеймоне паломником из Калуги по имени Анатолий отправились в Ксиропотам с утра после литургии и уставной общей трапезы. Идти предполагалось около часа, поэтому мы, с учетом батюшкиного телосложения и здоровья, а также тропинки, поднимающейся пусть невысоко, но практически на всем протяжении вверх по склону идущего вдоль побережья предгорья, вышли за два часа (о чем, кстати, потом не пожалели).

Маршрут предполагался такой — подъем от Пантелеймона до Ксиропотама, ожидание открытия монастыря в одиннадцать ноль-ноль, посещение святынь, затем спуск, уже по бетонированной дороге, идущей мимо Ксиропотама от Дафни до Кариеса, вниз к Дафни, ожидание парома, затем на пароме возвращение в Пантелеймон. Вроде как простенько все!

Но, как обычно, реальность внесла свои коррективы в наше маленькое путешествие. Во-первых, мы заблудились. Несильно, правда, километра полтора всего промахнули мимо нужного нам поворота, но зато как раз на открытом участке, под солнышком и в гору. Словом, пока разобрались и вернулись «на путь истинный», те самые полчаса, которые мы планировали провести в тени беседки у входа в монастырь, отдыхая перед открытием ворот, мы благополучно проливали пот под жарким уже, утренним греческим солнцем.

Да тут еще и паломник этот Анатолий «грузил» моего батюшку своими разговорами, словно не видя, что батюшке и без того тяжело дышится на подъеме! Да еще и чем «грузил»!

— Скажите, отец Флавиан, а на Афоне сейчас есть старцы?

— Каких старцев вы имеете в виду, брат Анатолий? На Афоне есть два варианта понятия «старец» — «геронда» и «авва». «Геронда» означает умудренного опытом наставника, этим именем называют всех настоятелей монастырей и скитов. А «авва» означает святого человека, за подвиги святой жизни удостоившегося от Бога духовных дарований. «Геронд» на Афоне много, говорят, что есть и «аввы»! Так вас какой из них интересует?

— Мне бы такого, чтобы прозорливый был!

— А, простите за нескромный вопрос, зачем вам прозорливый старец?

— Ну как «зачем»! Он бы на меня посмотрел и сказал бы про меня все такое, чего я, может быть, и сам не знаю, и я бы тогда всю свою жизнь изменил на более правильную!

— А что вам сейчас не дает изменить свою жизнь на более правильную, Анатолий?

— Ну как «что»? Ну, я не знаю, наверное, нужен толчок какой-нибудь сильный, самому так как-то не получается...

— Так что же вы толчка-то извне ждете, вас никто не столкнет с мертвой точки, если вы не сделаете этого сами! В Евангелии сказано: «...Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его...» И это усилие каждый, кто считает себя христианином, сам должен употреблять для движения вверх к Богу по лестнице духовного совершенствования. Она не эскалатор, который повезет вас вверх, если какой-нибудь старец нажмет кнопку включения!

Эту «лестницу духовную», замечательно описанную преподобным Иоанном Лествичником, скорее можно уподобить наружной пожарной лестнице, как на пятиэтажных хрущевках, на которой каждая ступенька требует усилия всех мышц тела.

Или еще ее можно уподобить подъему на крутую высокую гору во время наводнения. Потоки воды прибывают, заливая все вокруг, и твой выбор прост: либо оставайся внизу и утопай, либо, обдирая о камни руки и ноги, изо всех сил карабкайся по скалам вверх, туда, где спасение. В такой ситуации вряд ли бы вы стали ждать, пока какой-нибудь старец скомандует вам: «На старт! Внимание! Марш!»

— Ну, в такой ситуации, конечно...

— А вы поверьте, ситуация именно такая и есть! Вокруг нас сейчас уже не просто «житейское море, воздвигаемое... напастей бурей», вокруг нас сегодня просто «девятый вал», захлестывающее падший мир цунами воинствующей бесовщины, которая, словно на дрожжах, разрастается на греховных страстях, все разрушительнее поражающих душу современного человека, живущего без Бога! Вы никогда не занимались альпинизмом?

— Нет! У нас, в Калуге, высоких гор нету.

— А я по молодости немного занимался и могу привести такое сравнение: Христос, как впереди идущий альпинист, проложил нам по скалам тропу спасения и, стоя наверху, держит в руках спасительный страховочный трос, ухватившись за который мы можем безбоязненно продвигаться вверх, зная, что, если мы поскользнемся или оступимся, Господь не даст нам упасть в пропасть, но поддержит и спасет в любую минуту! Но только ножками-то шевелить, чтобы подниматься, нам надо самим!

— Батюшка! — встрял я. — Так ведь у альпинистов есть инструкторы, которые не выпустят неподготовленного человека на опасную тропу!

— Да, батюшка, — поддержал меня калужанин Анатолий, — как же без инструктора? Я и говорю — нужен старец!

— Для начала нужен не старец, а просто духовник! — ответил Флавиан. — В автошколах ведь не Шумахеры начинающим азы вождения преподают, а просто грамотные профессионалы-инструкторы, да и с насморком тоже не к профессору идут, а к участковому терапевту.

Другое дело, когда сам участковый терапевт с особо сложным случаем больного к профессору направит, тогда, конечно, нужно к профессору и обращаться. А то ведь профессоров насморками замучают, некогда им будет сложные проблемы решать!

Что у нас, в церковной жизни, к сожалению, часто и происходит, когда к старцу идут с вопросом: козу спасительнее комолую покупать или с рогами? А то рогатая будто бы на черта из сказки похожа... Не смейтесь, я сам был свидетелем этого вопроса, да и других, еще более глупых, на приеме у батюшки схиархимандрита Гавриила в Никольском, благодатного старца, кстати...

— А он чудеса совершал, этот батюшка Гавриил? — встрепенулся калужанин. — Был прозорливым, он вам прозрел что-нибудь?

— Да как сказать, наверное, прозрел. — Флавиан задумался. — Мозги, сказал, тебе, физик, мешают, сердцем работай! И на автобус последний бежать велел...

— И больше ничего не сказал, — разочарованно протянул Анатолий, — ни про прошлое, ни про будущее?

— Ни про прошлое, ни про будущее! — подтвердил Флавиан. — А с мозгами и сердцем я и

вправду с тех пор и до сегодняшнего дня все разбираюсь, чтобы они совместно и слаженно одну работу делали...

— А почему же, батюшка, сейчас со старцами такой дефицит, — помолчав, спросил Анатолий, — почему сейчас не стало настоящих чудотворцев?

— Да нет, — вздохнул Флавиан, — с «чудотворцами», в кавычках правда, все в порядке, полно их! Одни искренне с ума сошли, и свое сумасшествие среди доверчивых простаков распространяют, такими же безумцами их делая. Другие, можно сказать, «коммерческие безумцы» на своем «безумии» еще и деньги немалые делают, пользуясь спросом у невоцерковленного народа на чудеса и на чудотворцев! Целые коммерческие секты вокруг таких «чудотворителей» создаются!

— Как секты? — удивился Анатолий. — Секты — это же те, которые другой веры, не христианской!

— Очень даже христианской! Внутри самой что ни на есть православной христианской веры сейчас секты и создаются, — ответил ему Флавиан, — поскольку доверие большинства людей в нашей стране российской именно к православному христианству расположено, то на этом доверии жулики от религии да одержимые прелестью «младостарцы» сейчас свой урожай и снимают! И какой! Ладно бы только деньги у простаков забирали, кому-то и это наукой послужит, а то ведь скольким людям мозги свихнули, здоровье и телесное и душевное навсегда угробили, сколько жизней поломали! И продолжают ломать...

— Что-то, батюшка, я не пойму, как это внутри православия сектанты могут завестись... — недоверчиво покачал головой калужанин. — Ведь как я понимаю, либо ты православный, либо сектант, не может же быть сектант православным?

— Правильно рассуждаете, брат Анатолий! — поддержал его Флавиан. — Именно так — не может быть сектант православным! Считать себя таковым может, но быть никак! А считать себя можно и Наполеоном или инопланетянином, таких тоже хватает...

— Все-таки скажите, — не унимался Анатолий, — где вы, отец Флавиан, таких «православных» сектантов видели, или знаете?

— Да, вот, например, недалеко от нашего прихода, километрах в восьмидесяти, в соседней епархии, целый Б-ский монастырь!

— Девяносто три километра по спидометру, — уточнил я.

— Как Б-ский монастырь! — поразился калужанин. — Это же наш, православный монастырь, там даже старец какой-то был, я так слышал, или и сейчас есть!

— Есть «старец», — подтвердил Флавиан, — именно этот «старец», а правильнее будет сказать «лжестарец», или «младостарец», целый православный монастырь в секту и превратил, в настоящую тоталитарную секту, если уж пользоваться современным термином.

— Что значит «тоталитарную», — спросил Анатолий, — чем она от простой, не тоталитарной секты отличается?

— Тем, что в простой, или «классической», секте человеку просто предлагают некое религиозное учение, отличное от обычных, традиционных религий. Уверовавшему в это учение предлагают стать членом их общины, или организации, оставляя за человеком право выхода из

нее в любое время, не покушаясь на его имущество и состояние, а ограничиваясь умеренными добровольными жертвованиями.

Тоталитарная же секта происходит от слова тотальный, то есть всеобъемлющий, я бы даже сказал, всепоглощающий. Именно такую власть над своими членами, точнее сказать — «адептами», стремятся приобрести лидеры тех религиозных организаций, которые мы называем «тоталитарными сектами». Причем не просто власть над религиозной стороной жизни человека, но и над всем его существом: сознанием, поведением, имуществом, телом и душой.

А уж для получения такой власти над людьми лидеры «тоталитарных» сект сознательно идут на ложь, подтасовку, психологическое и физическое насилие над своими адептами, используя при этом самые различные способы воздействия, включая оккультизм и современные научно-психологические разработки вроде нейролингвистического программирования или промывания мозгов, порой даже просто гипноз.

Прошедший такую массируемую — тотальную — обработку адепт становится безвольным, бессознательным рабом своего руководителя, источником обогащения, удовлетворения его властных амбиций или сексуальных вожделений. Причем адепт все время должен быть уверен в «святости» своего лидера и его праве совершать с самим адептом все вышеупомянутое.

— Да ну! Просто ужас какой-то вы, батюшка, рассказали, — поежился Анатолий, — неужели такое может твориться в православном монастыре?

— К сожалению, не только может, но и реально творится, — вздохнул Флавиан, — эту общину уже и православным монастырем называть-то просто кощунственно. Ведь что такое, по определению, православный монастырь? Это семья, соединенная евангельской любовью ко Христу и друг к другу, во главе которой стоит пастырь и наставник, сам эту Божественную любовь стяжавший и своих чад духовных этой любви обучающий!

А во главе Б-ского монастыря стоит одержимый самомнением и властолюбием старый священник. Бредовые раскольничьи измышления он противопоставил учению Церкви, обманом и запугиванием удерживает в подчинении своих одураченных и безвольных послушниц, вынуждает их распространять его «старческие откровения» об Антихристе и последних временах в среде многочисленных паломников этой древней исторической обители.

А если кто-то пытается от его духовной тирании освободиться, на того сразу падают проклятия, анафемы и наказания, вплоть до заключения в холодный подвал с крысами на хлеб и воду для «покаяния». Кто пытается остатки здравого смысла сохранить, сбегают. К нам на приход уже несколько таких беглянок каяться прибегали, много рассказали интересного...

На твой вопрос, почему сейчас такое оскудение настоящего благодатного старчества, что тебе сказать? Мне повезло, я еще нескольких настоящих старцев застал при их жизни, даже пообщаться счастье имел. С батюшкой Николаем на острове, со старцами Гавриилом и Селафиилом в Троицкой лавре, с несколькими в Печорах...У одного из них и спрашивал то же самое: отчего благодатных старцев сейчас так мало?

— И что он вам ответил? — не выдержал Анатолий.

— Старцев, сказал он, сейчас нет, есть только старики! А старцев нет, потому что нет послушников истинных, готовых своей воли отречься и волю Божью из уст старца принимать. Перевелись послушники, не дает Господь и старчества, больно себялюбивыми стали люди, даже церковные...

— Грустно как-то! — вздохнул Анатолий. — А я-то думал, что, может быть, хоть на Афоне настоящего старца увижу!

— Да, может, и увидишь, — утешил его Флавиан, — если на то воля Божья есть! Ты помолись так: «Господи! Если есть на то Твоя святая воля, сподоби меня встретиться с благодатным старцем!» Сказано в Евангелии: «просите, и дано будет». Если человек чего-то духовно правильного и для себя душеспасительного искренне хочет и у Бога просит — обязательно дает ему Господь! Проси, если считаешь, что для спасения души тебе встреча со старцем нужна, проси без сомнения...

— А и попрошу, батюшка, — решил Анатолий, — вот возьму и помолюсь, как вы сказали!

— Пришли! — прервал беседу грубый я. — Ксиропотам!

Перед нами поднялись стены монастыря.

^ Глава 5. Янис

Путь от Ксиропотама к Дафни, в отличие от пути к Ксиропотаму от Пантелеймона, шел все время под гору, спускаясь к побережью, причем по широкой, бетонированной не по-советски, автомобильной дороге, соединяющей Дафни и Кариес. Под гору идти было легче, но...

Весь путь по открытой дороге был основательно прожжен полдненным средиземноморским солнцем, а это, знаете ли, в июле ближе к пятидесяти по Цельсию! Даже я со своей поджарой комплекцией был близок к расплавлению, а уж что доводилось претерпевать «широкоформатному» Флавиану, страшно было и представить! Даже надоедливый Анатолий перестал мучить батюшку своими расспросами.

Слава Богу, хоть не так далеко было идти, не более полутора-двух километров! Но все равно, когда мы вошли на территорию порта, я всерьез боялся, не хватанул бы батюшку опять инфаркт или инсульт, выглядел он плоховато.

Орлиным взором углядев среди немногочисленных зданий на набережной небольшую таверну, я твердой рукой направил к ней наш отряд и, затащив Флавиана в глубь помещения, быстро усадил его на свободное место в углу. Затем кинулся к сидящему за столиком неподалеку седовато-курчавому греку, комплекцией почти не уступающему Флавиану, одетому в светло-голубую широкую футболку с лакостовским крокодилчиком на кармане и поношенные спортивные брюки с вытянутыми коленками. С солидностью, явно выдающей в нем хозяина заведения, он что-то вычислял на калькуляторе, делая пометки в лежащем перед ним блокноте.

— Please! Water! Как это по-гречески... Металлико неро! — вспомнил я изучавшийся мною в самолете словарь-разговорник.

— Вы можете говорить по-русски! — подняв голову, сверкнул веселыми глазами солидный грек. — Димитрий! — Он повернулся к стоящему за стойкой невысокому сухощавому парню. — Дай батюшке большую бутылку воды из холодильника!

— Без газа! — уточнил я.

— Пожалуйста, — также по-русски ответил Димитрий, доставая из холодильника большую запотевшую бутылку минеральной воды, — вот, стаканы возьмите! С вас один евро.

«Везде наши!» — отметил я про себя, доставая из кармана портмоне.

— Вы русские? — поинтересовался я у хозяина, напоив Флавиана и убедившись, что он, вероятно, всё-таки выживет после нашего марш-броска под палящим солнцем.

— Почему русские? Мы греки, понтийские греки! Просто жили раньше в Советском Союзе, потому и говорим по-русски! — ответил мне он.

— А! Вы, наверное, тоже из Грузии! — вспомнив о Марии, предположил я.

— Почему из Грузии? — возмущился из-за стойки Дмитрий. — Почему все считают, что все понтийские греки приехали из Грузии?

— Ну, — смутился я. — Мария на набережной, водитель Григорий, они из Грузии...

— Янис из Казахстана. — Дмитрий показал рукой на хозяина заведения. — А я из Краснодарского края России! Но мы все — понтийские греки!

— Простите-извините, — поднял я руки, — я думал, что слово «понтийские» означает какой-то район в Грузии, где живут греки!

— Понтийские — значит морские, точнее, приморские, живущие около моря, — раздался голос Флавиана. — Изначально так называли греков, живущих в городах-колониях на побережье Черного моря, по-гречески — Понта Эвксинского. А уж с побережья Черного моря они и расселились по всей территории бывшей Российской империи, впоследствии ставшей СССР.

— Это правильно, батюшка все правильно говорит! — закивал Янис.

— А то все заладили — Грузия, Грузия, — да я там и не был никогда! — удовлетворенно проворчал Дмитрий.

— Вы не жалеете, что переехали сюда, в Грецию, — снова поинтересовался я, — все-таки жизнь пришлось начинать сначала, в новых условиях?

— Конечно не жалею! — удивился вопросу Янис. — Здесь хорошая жизнь, у меня бизнес хороший!

— Вы имеете в виду эту таверну? — уточнил я.

— Почему только таверну? — рассмеялся он. — У меня здесь маленькая гостиница есть, два катаера скоростных как такси ходят! Надо будет по морю быстро куда-нибудь доплыть, обращайтесь! Звоните, и Янис вас из любого места на Афоне куда надо доставит!

— Вот! Это актуально! — зашевелился в углу Флавиан. — Янис! Вы разрешите записать ваш телефон?

— Конечно! Вот, возьмите. — Янис подал Флавиану листок с телефоном. Его небритое округлое лицо светилось довольством и самоуважением.

— А можно ли попросить... — Флавиан осторожно покосился на меня.

— Не можно, — отрезал я со сталью в голосе, — я тиран и самодур, поэтому никакого кофе тебе, батюшка, не будет! После такой прогулки по жаре! Да, мать Серафима...

— Все! Сдаюсь! Не надо про мать Серафиму! — грустно вздохнул Флавиан.

— То-то же! — победно резюмировал я.

Янис и Димитрий заулыбались.

То было в прошлый визит. А нынче, подплывая к Дафни, я сразу увидел на пристани величественную фигуру с курчавой шевелюрой, в которой заметно прибавилось седины. Янис был в фиолетовой, слегка вылинявшей, футболке и тех же выдавших виды спортивных штанах, однако достоинство, с каким он отдавал кому-то распоряжения, одновременно разговаривая по радиотелефону и держа под мышкой пакет, скорее соответствовало бы наличию на нем генеральского мундира и брюк с лампасами.

— Почетному генерал-губернатору Дафни наше почтение! — приветствовал его я, сойдя по трапу на набережную (Флавиан с Игорем, сидя в машине, ожидали своей очереди съехать с парома).

— Ну ты уж скажешь! — сверкнув веселыми глазами, изобразил смущение на своем широком небритом лице «генерал-губернатор». — Здравствуй, здравствуй!

— Пирожки слоеные с картошкой есть? — спросил я.

— Есть! Конечно есть!

— А со шпинатом? И с луком?

— Все есть, дорогой! Заходи, там Димитрий за стойкой!

— Катера плавают? Как с клиентом?

— Хорошо с клиентом! Только успеваем поворачиваться!

— А экономический кризис?

— Какой кризис? Не знаю никакого кризиса! У меня здесь нет кризиса! — Янис мечтательно вздохнул. — Я тут хотел вертолет прикупить, хороших людей перевозить, даже Димитрия на летные права выучил! Не разрешили...

— Ну не беда! — утешил его я. — Можно не вертолет, другое что-нибудь, подводную лодку например...

— Подводную лодку? — поднял брови Янис. — Надо подумать...

Пока Игорь свез с парома на афонскую землю моего дорогого батюшку, я уже успел отовариться у Димитрия пакетом со слоеными пирожками: с картошкой, шпинатом, луком, сыром и с яблоками!

Пикап медленно пробрался сквозь толпу оживленно загружающихся на микро- и просто автобусы, а также в пикапы и джипы отнюдь не лощеного новорусского вида паломников и монахов с их рюкзаками, сумками и коробками. Дорога начала подниматься вверх, обогнула Ксиропотам, поползла дальше к Кариесу.

— Батюшка! Давайте заедем по дороге в Семионовскую келью, к нашим русским ребятам? — Игорь повернулся к Флавиану. — Тут недалеко, рядом с Кариесом!

— А кто эти ребята, Игорь? — поинтересовался Флавиан.

— Русские, иеромонах Херувим москвич, пятнадцать лет на Святой горе, иеродиакон Фома из Сибири, тоже более десяти лет здесь. А еще с ними сейчас монах Лука, старичок занятный, бывший сиромеха, год назад к ним прибил, тот и вовсе около тридцати лет на Афоне. Он уже и сам забыл, откуда он, или говорит, что забыл, но «г» у него конкретно украинское!

— Игорь! — вмешался я. — А что есть «сиромеха»?

— Бродячие монахи, Леша, бомжи, можно сказать, афонские, которые не живут в каком-то конкретном месте, монастыре, скиту или келье, а путешествуют по всему Афону от одной обители в другую, в основном по панегирам.

— Панегирам? — переспросил я.

— Панегир — это праздничная служба, — пояснил Игорь, — что-то вроде наших престольных праздников. В этот день, по афонской традиции, в обители, где панегир, обязательно принимают всех. Разместят, накормят, причем в панегиры и трапеза ставится праздничная, побогаче, чем обычно, даже с вином. Вот многие сиромехи этой традицией и пользуются, там подкормятся, тут выпьют за здоровье насельников, здесь отоспят, глядишь, и год прошел!

— А зимой-то как же? — удивился я.

— А что зимой, — ответил Игорь, — зимы здесь короткие, снег всего на несколько дней в году выпадает. Уж если у нас, в России, бомжи находят, как перезимовать, то тут это вообще не проблема! Бывалые сиромехи всегда знают, где строительный вагончик пустует, где ничейная келья не сильно разрушена, где какой-нибудь келиот за харчи и кров работенку подбросит и т.д. и т.п. А по теплу так тебе под любым кустом келья!

— А чего же они в монастырях не живут? — продолжал удивляться я. — Там и стол, и кров, и молитва!

— Добавь еще и послушание, и терпение немощей братии, и жизнь не по своей воле, а по благословию! — добавил Флавиан.

— Так, батюшка, — поддержал его Игорь, — хотя есть и среди сиромехов истинные подвижники, которые саму идею сиромашества — «не иметь где главу преклонить» — в реальный подвиг претворяют. Такие сиромехи этот подвиг по благословию своих старцев несут, у них же и окормляются регулярно. Но я больше таких «подвижников» встречал, у кого психология бомжа: пусть быт неустроен, зато никому не подчиняюсь и никакой ответственности ни перед кем не имею! Сам себе монастырь!

— А что же этот Лука, он монах? Священник? — спросил Игоря Флавиан. — Какой он жизни?

— Да я его почти и не знаю! И сами ребята толком ничего сказать не могут — он добрый, не ленивый, не болтлив, все время улыбается, но не «блаженненький», глаза умные. Спит в бытовке на огороде, ковыряется все время на грядках и в теплице, ну и на подхвате, если чего надо — безотказен! На все службы ходит, сидит в уголке в стасидии, дремлет, ест мало, вина не пьет... Даже и не знаю, что еще сказать!

— Ну, кое-что ты уже сказал, — задумчиво протянул Флавиан.

— Только, батюшка, — восторженно воскликнул Игорь, — хорошо бы по дороге к ним в Кариесе продуктовый магазин посетить, а то у ребят, поди, вас и угостить нечем, голодно живут!

— Как голодно? — удивился я.

— Элементарно голодно! Едят, почитай, одну траву с огорода, какая там у них сейчас по весне уже выросла! Спонсоров у них стабильных нет, был один, келью им хорошо отремонтировал, храмик келейный отреставрировал в лучшем виде да и разорился в кризис этот. Теперь они живут в евроремонте и едят траву с огорода. Иеродьякон Фома по дереву режет, как продается в Кариесе что-нибудь из его рукоделья, у них праздник — хлеба купят, крупы какой-нибудь, масла. Так и живут!

— Вот дела! — поскреб затылок «постник и воздержанец» Алексей (это я). — Как я теперь в Критикос зайду?

— Ногами, — ответил батюшка, — заворачивай, Игорек, к магазину!

^ Глава 6. Гун-фу-ча

— Вот эти кексы, кажется, свежие! — Я вытащил со стеллажа продуктовой лавки в Кариесе ароматно пахнущую упаковку. — Отче, берем?

— Зачем им кексы? Давай лучше блок консервов «Тунец в собственном соку» возьмем! — Игорь отобрал у меня выпечку. — Для ребят банка тунца это кастрюля супа на троих!

— Хорошо! Давай тогда два блока тунца, и блок горбуши, и еще осьминогов пару баночек в томатной заливке!

Словом, наш диспут завершился несколькими объемистыми пакетами с макаронами, крупами, консервами, бутылками с оливковым маслом и еще какими-то продуктами. Венцом стал свежемороженый упитанный октопус килограмма на полтора весом. Флавиан расплатился пластиковой картой, выданной ему перед отъездом Семеновым сыном (моим начальником) Гришей «на карманные расходы».

Приложившись к главе апостола Андрея в Андреевском скиту на выезде из Кариеса, мы двинулись в сторону Семионовской кельи. Покрутившись минут пятнадцать по серпантину вычищенных грейдером грунтовок, мы вынырнули из леса на небольшую полянку. В центре маленького огорода с подмосковного вида грядками и большой пленочной теплицей, посреди полянки, стояло приземистое двухэтажное здание. Пристроенная к нему небольшая церковка-экклесия была покрыта новой чешуйчатой крышей из серой каменной плитки.

— Приехали! — объявил Игорь, остановив машину против двери и вылезая из-за руля. — Вон они, батюшка, у теплицы! Пойдемте, я вас познакомлю!

— Пойдем! — отозвался Флавиан, вылезая из машины.

— Батюшка! — воззвал я. — Вы идите знакомьтесь, а я пока сумки разгружу, октопуса надо в морозильник убрать, пока не подтаял!

— Кухня в коридоре направо, вторая дверь, — сказал Игорь, уводя Флавиана к теплице.

— О'кей! — бодренько отозвался я и, нагрузившись пакетами, вошел в двери кельи.

Кухню я нашел сразу, из открытой второй справа двери мягко мурлыкало то ли радио, то ли что-то на него похожее на иностранном языке. Подойдя ближе к двери, я услышал:

— Ни хао лао, дзынь, дзынь, дзынь! Сейчас мы будем пить лундзынь! Дзынь, дзынь, дзынь!

Встряхнув головой, я прислушался повнимательнее, не заходя в кухню.

— Ни хао лао, дзынь, дзынь, дзынь! Сейчас мы будем пить лундзынь! Дзынь, дзынь, дзынь!

Пение было тихим и нежным, я бы даже сказал — проникновенным.

Не укладывая в голове слышимое (мало ли, может, я уже стяжал такую афонскую харизму, что меня бесы звуковыми «прилогами» искушают!), я просунул голову в дверной проем и осторожненько заглянул в помещение кухни, предполагая увидеть что-нибудь духовно опасное.

Увидел я нечто похожее на призрак — высокого худого монаха, в полинялом подряснике, безрукавке-полурясе, фетровой шапочке-капе и стандартном афонском поясе с большой круглой пряжкой. Луч света, проходящий сквозь полузашторенное окно, освещал его некими мистическими бликами.

Взгляд прищуренных, поблескивающих хитринкой глаз из-под густых черных бровей был устремлен на лежавшую перед ним на столе горку малюсеньких загадочных чашечек, плосечек и чайничков. Мистический монах любовно перетирал их полотенцем и, таинственно улыбаясь из-под черных усов над негустой, черной же бородкой, нежно мяукал:

— Ни хао лао, дзынь, дзынь, дзынь...

Мне стало как-то не по себе — мало ли какое искушение! — и я, тихонько поставив пакеты со снедью под двери, пятясь задом, удалился в недоумении.

Выйдя на улицу, я сразу же столкнулся нос к носу с подходящим к дверям Флавианом и тремя незнакомыми мне монахами, очевидно хозяевами кельи, сопровождаемыми Игорем, несущим оставшиеся в багажнике сумки.

Поклонившись и благословившись у настоятеля кельи иеромонаха отца Херувима, я заслонил собою дверь.

— Отцы! Там это... — Я запнулся, не зная, как описать свое видение. — Дзынь, дзынь, дзынь!

Флавиан удивленно поднял на меня брови.

— Словом, искушение! — выпалил наконец я.

Отцы-агиориты переглянулись и рассмеялись.

— Это не искушение! — ответил отец Херувим. — Это Лао Ди — отец Димитрий, наш гость, духовник одного провинциального женского монастыря в России. Активно занимается апостольской проповедью употребления «правильного» китайского чая среди афонского монашества. И небезуспешно, обрел уже немало адептов! — Отцы снова рассмеялись. — Пойдем, он и вас с отцом Флавианом приобщит к своему «дао ча»!

— А-а-а! — протянул я. — А я подумал...

Но я не стал говорить, о чем я подумал. А просто смиренно отступил в сторону, пропуская в двери кельи отцов-агиоритов.

Знаете ли вы, что такое...

Нет, лучше так: «Лао Ди взял ча-ху и поставил его на чабань. Затем окатил ча-ху кипятком снаружи и внутри. Затем взял ча-хэ с улуном и всыпал улун в ча-ху. Затем залил улун в ча-ху кипятком и, закрыв ча-ху, опрокинул его в гундаобэй. Из гундаобэя (он же чахай) Лао Ди разлил улун по вэнсянбэям и покрыл их пинминбэями. Затем перевернул пинминбэй вверх вэнсянбэем, вынул вэнсянбэй и начал нюхать пар».

Это все называется гун-фу-ча, то есть, в переводе на русский язык, высокое искусство чаепития.

Вот чего я теперь знаю! Афон!

Словом, пока Игорь, стоя у плиты, занимался приготовлением тушеных овощей с креветками для всей братии и салата из зелени, принесенной тихим улыбчивым отцом Лукой, Лао Ди, он же иеромонах Димитрий, провел с Флавианом и насельниками кельи мастер-класс по китайскому чаепитию.

Сначала расставил на привезенном в подарок келиотам чайном столике («чабань») чайничек из исинской глины («ча-ху»), плоску с отверстием сбоку для «знакомства с чаем» («ча-хэ»), кувшинчик, куда сливается чай из чайничка («гундаобэй, он же ча-хай») и несколько чайных пар, состоящих из высокого узкого стаканчика («вэнсянбэй») и широкой низкой пиалушки («пинминбэй»). Потом батюшка вкратце рассказал нам назначение каждого предмета и, заварив привезенный им же чай-улун, показал, как надо правильно вдыхать чайные пары из высокого стаканчика, а затем пить сам чай из пиалушки.

Отцы улыбались, но нюхали, а мне понравилось! Особенно после разъяснения отца Димитрия, что в процессе вдыхания чайного пара из «вэнсянбэя» происходит не только наслаждение ароматом, но и полезная ингаляция носоглотки эфирными маслами, содержащимися в чайном пару, я просто почувствовал себя в глубине души уже почти «этническим китайцем»! Естественно, я сразу же записал адрес чайного магазина в Первопрестольной, где можно приобрести в придачу к чаю все необходимые аксессуары.

«Гун! Фу! Ча!» — звучит прямо как музыка! И чего это мой батюшка так ехидно улыбается, глядя на меня?

— Отче, а ты в каком женском монастыре подвизаешься? — поинтересовался отец Флавиан у Лао Ди.

— В Северо-Холмском монастыре в честь Иверской иконы Божьей матери, — смиренно ответил отец Димитрий, мягко улыбнувшись из-под усов.

— Иверской! — не удержавшись, воскликнул я. — Нашей, Афонской!

— Отец Димитрий уже спасен, — вставил слово иеродьякон Фома, — у нас здесь говорят, что священника, служащего в женском монастыре, ангелы вводят сразу в рай, минуя мытарства, так как свои мытарства такой священник уже прошел в женской обители!

Отец Димитрий опять смиренно улыбнулся.

— Отче, а сестер у вас в обители много? — вновь поинтересовался Флавиан.

— Чуть больше двадцати, — ответил отец Димитрий.

— Молодых много?

— Средний возраст за шестьдесят, мать настоятельница недавно подсчитала.

— Ого! — воскликнул отец Херувим. — Это же прямо дом престарелых!

— А мать игуменья у вас какая? — спросил Флавиан.

— А что, разве бывают разные? — удивился я, вспомнив нашу Т-скую игуменью, добрейшую мать Лидию, духовного друга отца Флавиана.

— Ох бывают! — вздохнул отец Димитрий. — Нынешняя игуменья слава Богу! А вот предыдущая была — беда...

— Накуролесила?

— Да уж! — опять вздохнул отец Димитрий. — Нынешняя матушка пятый год сестер реабилитирует, и то еще некоторые не до конца «оттаяли». Предыдущая настоятельница так им души перековеркала, что иные в психушке побывали после ее экспериментов, а иные чуть веру не потеряли. Да и ушло из монастыря немало...

— Зато ты, отче, наверное, при ней «жировал»? — хохотнул отец Херувим.

— А как же! — продолжая кротко улыбаться, ответил отец Димитрий. — В последние три года ее правления сестрам ко мне даже под благословение подходить запрещалось, не то что за советом или на исповедь.

— Подожди, отче, — откликнулся Флавиан, — а как же таинство покаяния у вас совершалось?

— Очень просто! Исповедоваться сестер игуменья заставляла самой себе, вроде святоотеческого «откровения помыслов», а ко мне те, кого она к причастию допускала, подходили лишь под епитрахиль для разрешительной молитвы.

— Однако! — вздохнул мой батюшка. — Нескучно у вас было!

— Слава Богу за все! — с улыбкой отозвался отец Димитрий. — Я за тот период многому научился, главное — внутрь себя глядеть и не осуждать никого, так что я той игуменье по большому счету благодарен даже. Бог весть, что бы со мной было, если бы меня там одним «елеем поливали»! Сестер вот тех жалко...

— Ну а нынешняя игуменья как ситуацию исправляет? — вновь спросил отец Херувим.

— Она правильно начала, со службы и с молитвы общей. Раньше у нас литургия только по воскресеньям и праздникам совершалась, как на сельском приходе каком-нибудь. Правило сестры по кельям читали, у кого еще силы после послушаний оставались, утренние молитвы с полунощницей и молебен перед чтимой Иверской иконой кое-как исполняли — да и то хорошо, если половина сестер на них приходила. Все равно сразу после полунощницы мать благочинная всех, кто в храме был, кроме регента, на послушания угоняла.

А сама игуменья на сестринские правила и вообще никогда не ходила, «келейно подвизалась».

Она и на всенощных только к полиелею являлась, а после помазания уходила, самое большое — канон выстаивала. Да нередко и просто вместо службы разъезжала где-то по своим игуменским важным делам.

«Я ваша мать и кормилица! Вы, дуры неблагодарные, не знаете, скольких трудов мне вас, дур, содержать стоит! А мне еще и обитель восстанавливать надо», — это было ее обычное игуменское наставление.

— А реставрация-то хоть интенсивно шла? — поинтересовался Флавиан.

— Да где там! — вздохнул отец Димитрий. — Вроде и спонсоры возникали, и какие-то средства появлялись, а все как в песок уходило, стройка еле-еле шевелилась, а потом и спонсоры куда-то пропали. Сестры сами и кирпичи таскали, и на грядках по десять—двенадцать часов вкалывали, и в коровнике, и со свиньями...

— Что? — удивился отец Херувим. — У вас свиней при монастыре держали?

— Держали, — подтвердил отец Димитрий, — прямо на территории монастыря.

— Так монашки же свинину не едят! Понятно, коровы, молоко свое, творог, сметана, — продолжал удивляться скитоначальник, — но свиней-то зачем? Салом, что ли, торговать?

— И салом, и мясом, — кивнул отец Димитрий, — и «молочкой», всем торговали, прямо в воротах монастыря.

— Хм! Однако, — покрутил головой отец Херувим, — я еще понимаю, «молочкой»! Но мясокомбинат из монастыря устраивать... Чего-то я, наверное, отстал от жизни...

— Конечно, отстал, отче! — поддержал разговор Флавиан. — Это у вас тут, на Афоне, в церковных лавках только иконы да крестики, книжки духовные да иной церковный товар. А у нас в России-матушке в монастырях да и приходах некоторых чем только не торгуют! Не говоря уже про так называемые «православные ярмарки»...

У меня сосед был, молодой иеромонах отец Моисей, тот тоже чем только не торговал, хотя и приход у него не сказать чтобы уж совсем бедный был. При мне разговор был у него с одним бизнесменом, неверующим, которому отец Моисей совместный бизнес предлагал организовать на приходской земле. Выспрашивал он все у бизнесмена: «Какой лучше бизнес на этом участке сделать, чтобы побыстрее и побольше денег получить?» А бизнесмен посмотрел на отца Моисея и отвечает: «Быстрее и больше всего денег будет, батюшка, если на этом участке земли публичный дом для «новых русских» поставить, только я не уверен, что эти деньги будут вашему Богу угодны!» И не стал делать бизнес с отцом Моисеем.

— Забываем мы, монахи, прости нас Господи, — раздался вдруг тихий голос отца Луки, до этого молча сидевшего у краешка стола, — что кормит нас не бизнес, а Господь! Что главный наш «продукт» — молитва! Есть молитва — будет и содержание от Господа! Нет молитвы — хоть все спонсоры мира все свои деньги отдадут — не будет благоденствия в обители! Про пример нашего батюшки Афанасия Афонского позабыли!

— А что с ним было? — не удержавшись, спросил я.

— Да отправился он как-то, когда казна монастырская оскудела в Великой лавре, просить денег у императора в Константинополь. Не дольше часа прошел он, как является ему Матерь Божия и спрашивает: «Куда идешь, Афанасий?» — «В Константинополь, к императору, денег

для обители просить!» — смутившись, отвечает авва Афанасий. «А разве нет у тебя Царицы Небесной, что ты не у нее, а у земного царя помощи просить хочешь? А ну-ка, ударь по скале своим посохом!» Авва Афанасий в страхе ударил. Как забьет источник чистой воды из скалы! Смутился он совсем, пал ниц. «Иди в свой монастырь, Афанасий, и молись прилежно! А я своих монахов, если они усердно молятся, никогда бедствовать не оставлю!» — повелела ему Владычица.

Вернулся авва Афанасий в монастырь, а там уже корабль с зерном и другими продуктами на пристани разгружают. А источник тот, где Матерь Божья авву Афанасия вразумила, до сих пор обильно проистекает, церковка при нем есть и беседка для отдыха паломников, коли Бог даст — посетите!

— Посетим, батюшка? — обратился я к Флавиану.

— Постараемся, а там — как Бог благословит, — ответил он и вновь обратился к отцу Димитрию. — Ну а сейчас-то что изменилось в обители, отче?

— Многое изменилось, отче, слава Богу! — отозвался тот. — Новая игуменья, мать Елисавета, на второй день своего появления в обители пришла к нам в священнический домик, где мы обитаем с отцом Леонидом.

Напоили мы ее «правильным» чаем, и она говорит: «Отцы, помогайте! Я хоть и в постриге двенадцать лет, но из них девять у владыки делопроизводителем в епархиальном управлении просидела, монастырскую «кухню» плохо знаю. Но раз владыка благословил после матери Фотинии положение исправлять, то хочу понять, с чего и как начинать правильной. А лучше вас, духовников, сестер и проблем с ними никто не знает, так что давайте дружить духовно! Мне еще только предстоит сестрам матерью стать, если сумею, а вы уже им «отцы», и вас они уважают и любят, нам с вами надо в единомыслии жить».

— Однако, разумное начало! — похвалил отец Херувим.

— Мы с игуменьей тогда пять часов просидели, все монастырские проблемы обсуждали, подходы к их решению вырабатывали, после чего она ряд кардинальных изменений в распорядок монастырской жизни внесла. Время послушаний пятью часами ограничила, из двадцати шести коров четыре самых лучших оставила для монастырской кухни, остальных вместе со свиньями соседнему фермеру продала.

Литургию благословила служить каждые среду, пятницу, субботу и воскресенье и на каждой литургии вместе с сестрами сама причащаться начала. Кроме того, каждый день утреннее и вечернее правило с сестрами в череду на клиросе читает. Раньше конца правила и молебна с акафистом чтимой иконе сестер на послушание не отправляет, кроме кухонных. По воскресным дням и праздникам «чин о панагии» ввела. «Неусыпаемую» Псалтирь возродила с чтением синодиком.

Благословила нас, священников, на каждой литургии по две проповеди говорить — одну после Евангелия, на евангельскую тему, и вторую после отпуска, на житие святого дня или на тему праздника. Кроме того, по воскресным дням, сразу после вечерней трапезы, благословила нас с сестрами духовные беседы проводить о монашеской жизни, по Святым Отцам, по молитвенному опыту подвижников. Сама всегда на беседах присутствует, вопросы вместе с сестрами задает, причем не как начальствующая, а как равная.

И вообще за четыре с лишним года она еще ни на кого голоса не повысила, не наорала, как предыдущая, хотя сестры порой повод еще какой дают... Крест игуменский только на службы и

выезд к начальству надевает, келейницы при себе не держит, чтобы наушников не плодить, «открывать помыслы» себе самой не принуждает: «Для этого у вас, сестры, батюшки есть». Никаких «раздеваний» и прочих унижительных «смирняний» сестрам не устраивает, а если кому поклоны и благословит, то сама тут же рядом с наказанной сестрой становится и столько же поклонов кладет.

— Вы где такую «ангелоподобную святую» добыли?! — воскликнул отец Херувим.

— Владыка прислал, — смиренно ответил отец Димитрий.

— Повезло вашим сестрам, — отметил Флавиан.

— Бог милостив, — улыбнулся отец Димитрий, — «наказует и не умерщвляет», вразумляет и утешает. Теперь у нас в обители настоящим монастырем пахнет, а то была какая-то «исправительно-трудовая богадельня лагерного типа». Паломниц сейчас намного больше стало, уже три молодых девушки трудницами пришли. Благодетели как-то незаметно возникли, один из них стройку сам возглавил, процесс реставрации шустрой пошел. В общем, слава Богу за все!..

— Да... — тихо вздохнул отец Лука, — есть молитва, есть и Божье благоволение...

— Дело еще в том, — продолжил отец Флавиан, обращаясь к отцу Димитрию, — что вашу предыдущую настоятельницу ведь тот же владыка в свое время прислал! Скажи-ка, отче Никифоре, как здесь, на Афоне, настоятелями монастырей становятся?

— Настоятеля братия из своей среды выбирает, нередко против его воли, после смерти предыдущего игумена, — ответил отец Никифор. — Причем выбирают монаха наиболее духовно опытного, зрелого, добродетельного, ведь игумен — звание пожизненное. Братия себе до конца жизни настоятеля, в его лице для себя пастыря, духовника и наставника в монашеском подвиге избирает, понимая, какая ответственность на их выборе лежит.

На Святой горе настоятель — прежде всего духовный лидер, более других в монашеском подвиге умудренный, братию по пути этого духовного подвига за собой вести способный.

— А у нас, в России, настоятель — это прежде всего администратор, строитель, финансист, порой предприниматель, причем поставленный на это место волей архиерея, — сказал отец Димитрий. — Особенно так было в девяностые годы, когда монастыри массово возвращались Церкви светскими властями. Надо было налаживать в них хоть какую-нибудь монашескую жизнь, вот и отправляли на такие развалины в качестве настоятелей порой новопостриженных семинаристов, никакого вообще опыта монашеской жизни не имеющих. Либо просто новопостриженных бывших алтарников, регентов, певчих, а то и обычных верующих, не имеющих даже практического опыта церковной жизни, бывших инженеров, военных, интеллигентов, милиционеров...

Кстати, немало их стали весьма достойными пастырями и отцами своей братии. А иные, конечно, «начудотворили» и сейчас еще «чудотворят»...

Здесь, на Святой горе, монастыри существуют для монахов, для организации наиболее эффективных условий осуществления монашеского молитвенного подвига. А у нас, в России, многие монастыри как будто созданы не для монахов, а для паломников, туристов, приезжающих в исторически значимое место и оставляющих там свои деньги, для приема архиереев и светского начальства, для исполнения функций приходских храмов и т.д. и т.п. А собственно монашеская молитвенная жизнь в этих монастырях едва теплится, если вообще

имеет место быть.

Конечно, есть для этого и объективные причины. Перед перестройкой в нашей области было шестьдесят два храма и ни одного монастыря, а через десять лет стало шестьсот сорок храмов и восемнадцать монастырей! Одних только священников сколько сразу понадобилось, тем более настоятелей монастырей, к которым требования на порядок выше, чем к приходскому настоятелю!

— Ну, кстати, многие из тех настоятелей монастырей, которые понимают, что такое настоящее монашество, и хотят свои обители истинными местами подвига и молитвы сделать, — вступил в беседу отец Никифор, — сейчас к опыту греческих, преимущественно афонских, обителей обращаются. Сами сюда за опытом приезжают, своих монахов пожить на Афоне командируют. Мне кажется, что это правильный подход!

— Конечно правильный, — согласился отец Димитрий. — Я лично знаю настоятеля, ныне в сане епископа, одного известного русского монастыря, который, подружившись с Ватопедом и немало переняв оттуда афонского опыта, собрал братию своей обители и объявил: «Если у кого из вас послушание будет становиться препятствием молитвенной жизни, обращайтесь лично ко мне, и мы будем решать вопрос с заменой послушания!» А в иных российских монастырях «колхозно-лагерного» типа такие слова просто кощунством бы прозвучали! Ох как любят у нас козырять фразой, что «послушание паче поста и молитвы», имея в виду не послушание как отсечение самоволия и преданность себя в руководство наставника, а послушание как род занятий в монастыре, как работу, которую ты обязан выполнить, несмотря ни на что!

— Отцы и братие! — рявкнул по-военному Игорь. — Монаха байками не кормят! У меня креветки остывают и салат заветривается!

Ну что можно вам сказать о скитской трапезе? Вроде и просто все было приготовлено, без изысков, но...

Кто на монастырской трапезе не бывал, тот вкусной пищи не едал!

Когда я снова уселся в Игореvu L200, блаженное состояние моей насытившейся утробы столь явно отражалось на «вдохновенном» лице, что Флавиан, едва взглянув на меня, заметил:

— Кажется, Леша, ты уже познал истинное «дао ча»!

— О да! — лишь смог умиленно вздохнуть грешный я. — И «дао креветок» тоже!

^ Глава 7. Монашество

Скит, в который мы держали путь, состоял из нескольких небольших зданий, к одному из которых примыкала довольно просторная для таких скитов церковка с традиционным афонским куполом-крышей, крытым чешуей из серой каменной плитки. Все это было огорожено невысоким каменным забором со старыми деревянными воротами, висящими на красивых некогда, ныне изъеденных ржавчиной, кованых больших петлях. За забором виднелись верхушки выстриженных «чашами» оливковых деревьев, несколько стрельчатых кипарисов и огромный древний платан, помнящий, наверное, еще основателей скита.

Находился скит на земле Великой лавры и был арендован у лавры русскими монахами уже более двадцати лет.

В воротах нас встречал оповещенный Игорем о нашем приближении по мобильнику добрейший настоятель иеромонах Никифор, широко улыбающийся почти беззубым ртом из зарослей седой, густоющей, как он сам смеется, карл-марксовской бороды. Широкий душой и телом, с умными блестящими карими глазами, тоже в прошлом физтеховец.

— Авва Флавиан, эвлогите! — шагнул он с распростертыми объятиями к вылезавшему из пикапа моему батюшке.

— О, Кириос, геронда! — ответил Флавиан, троекратно лобызая скитонадминистра.

— Чистое сумо! — прокомментировал я Игорю зрелище двух обнявшихся, словно на татами, крупногабаритных батюшек.

— Мой победит! — уверенно заявил Игорь. — Он отца Флавиана еще в вашем физтехе всегда побеждал!

— Конечно! — вступился я за своего духовника. — Наш-то отца Никифора на два курса младше был, и, когда в секцию борьбы записался, отец Никифор уже норму кандидата в мастера спорта выполнял!

— Ладно, у них, кажется, ничья, — примирительно сказал Игорь. Расцепившие наконец мощные объятия батюшки отправились внутрь скита. — Бензопилу не прихватишь?

— Давай! — согласился я.

Когда мы с Игорем перетащили из кузова пикапа привезенный груз и наши с Флавианом пожитки, потом разнесли все это по кладовкам и кельям, то, войдя в архондарик, обнаружили, что Флавиан с отцом Никифором уже вовсю утешаются «евлогией» — афонским угощением, состоящим из холодной воды, лукума, наперсточка «Узо» и кофе.

— Отцу Флавиану маленькую и некрепкого! — несмирненно возопил я с порога, увидев, как долговязый послушник Илларион наливает из турки дымящийся кофе в большой чайный бокал для моего батюшки.

— Хорошо, хорошо, — кротко ответил Флавиан, переливая кофе из бокала в стоящую рядом маленькую чашечку, — давай свои две беленькие и красненькую...

— Держи, отче. — Я подал ему таблетки.

— Однако! — улыбнулся отец Никифор. — Теперь я вижу, что такое «послушание паче поста и молитвы»!

— Я справедлив, но строг, — сдвинув брови, ответил я, — и во гневе бываю страшен! Так что во мне нельзя «будить желчь»! Иначе мне мать Серафима, как говорит Шамиль-Николай, секир-башка сделает...

— Как она? — поинтересовался отец Никифор. — Крепкая старица ваша!

— Старчествует, хоть и слабеет все ощутимее, — отозвался Флавиан, — она у нас теперь вроде как «геронда», у нее в послушании кроме инокини Клавдии сейчас еще и послушница Галина, беглянка из Б-ского монастыря.

— Владыка знает?

— Знает! Благословил пока оставить ее у себя в качестве певчей. А там видно будет!

— Да! Смотри-ка, целый женский монастырь теперь у тебя, — подивился отец Никифор.

— А куда ж деваться, коли Господь их у нас собрал! — вздохнул Флавиан.

— Да... Ты уж только следи, чтобы у них монашество «монастырством» не подменилось! — заметил скитоначальник.

— Это как, это как? — не удержавшись, встрял я в беседу отцов. — Это что такое, отче, — «монастырство»?

— Видишь ли, Леша, — ответил отец Никифор, — некоторые люди, пришедшие в монастыри и сподобившиеся пострига, на самом деле любят не монашество как таковое, а только монастырскую жизнь!

— Не понял! — удивился я.

— Дело в том, что подлинное монашество (а само слово «монах» происходит от слова «моно» — один) есть сокровенное, «один на один», общение с Богом в уединенной келье своего сердца. Сам Христос сказал нам: «Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно».

Это наставление о молитве относится ко всем христианам, призывая их молиться не напоказ, не для стяжания тщетной славы от людей, но искренне обращаться к Богу из глубины души, стяжая через это молитвенное общение главное небесное сокровище — благодать Святого Духа.

Особенно же эта фраза относится к нам, монахам, людям, которые ради общения с Богом и служения Ему отказались от обычной мирской жизни с ее радостями и удовольствиями, пусть даже чистыми и благословенными, и удалились для этого в монастыри.

И вот тут-то, в монастырях, многие из нас столкнулись с искушением, к которому не были готовы и которое не смогли преодолеть, — с искушением монастырской жизнью!

Сама жизнь в монастыре, особенно здесь, на Афоне, с ее возвышенным настроем, уставными благоговейными богослужениями, сама обстановка монастыря с его храмами, святынями, монашескими одеждами и прочими ее составляющими способна доставлять человеку верующему огромное душевное удовольствие, давая ощущение причастности ко всей этой монастырской благодати и святости.

Человек живет в монастыре, носит монашескую одежду, участвует в службах, вычитывает келейное правило, исполняет монастырские послушания, старается вести себя благочестиво и привыкает к мысли, что вот это все, собственно, и есть — монашеская жизнь.

Он может пребывать в такой уверенности многие годы и даже умереть в ней, так и не познав, что есть другое, настоящее монашество, в его непрестанном внутреннем напряжении, мысленной брани, сердечном горении, мучительных искушениях и нечастых благодатных утешениях.

Порой такой обитатель монастыря почти и не имеет особых искушений, живет в мире с самим собой и братией, в самодостаточности и довольстве своей жизнью, даже пользуется уважением

от других за свое незлобие и видимое благочестие. Дьявол особо и не трогает его, поскольку тот, удовлетворившись внешней видимостью монашеского жития, по существу, далек от настоящего подвижничества и не доставляет, в отличие от истинных монахов, лукавому никаких неприятностей.

Живя в благодатной среде монастыря, чувствуя, пусть даже в незначительной степени, благодать, намоленную другими подвижниками, а порой не имея даже и этого, подобный горе-монах лишает себя Божественной благодати, лично стяжаемой от Бога в процессе покаянного, молитвенного и постнического подвига. Поэтому дьявол совсем не боится такого «солдата, стреляющего холостыми патронами», а потихоньку подбирает к нему «ключик».

Смотришь, а один монах уже просит паломника, чтобы тот переслал ему видеоплеер — исключительно для «просмотра православных фильмов» или ай-под для прослушивания духовной музыки во время послушаний. Другой потихоньку от настоятеля заводит себе ноутбук и начинает гулять по ночам в Интернете — «исключительно на православных сайтах»!

А через какое-то время православные фильмы заменяются художественными, в ай-поде звучит уже мирская музыка, а сайты открываются уже такие, что «срамно есть и глаголати»! И все оттого, что «свято место пусто не бывает»! Если монах не возвращает в своей душе зерна истинно духовной молитвенной жизни, дающей его душе благодатное насыщение и ощущение полноты и радости в Боге, то вакуум быстро заполняется страстями, разжигающими в монахе потребность их удовлетворения в реальных грехах.

Так и гибнут души. Пришел человек в монастырь за спасением, а обрел там погибель. Причем исключительно по собственному свободному произволению и выбору. Между любовью Божьей и любовью к себе.

— Да, такую же картину мы подчас видим и в миру, — вступил в разговор Флавиан. — Внешняя видимость благочестивой жизни мирян, что соблюдают все посты, вычитывают все каноны и акафисты перед причастием, носят бросающуюся в глаза «православную» одежду, осаждают своих духовников длинными мелочно-подробными исповедями, прикрывает собой лишь самодовольство и душевную пустоту.

А затем, и весьма часто, такое лжеблагочестие перерождается и в абсолютное фарисейство. Отсюда и рождается евангельское: «Благодарю тебя, Господи, за то, что я такой хороший! Не то что вон тот мытарь»! И появляются в наших храмах те, кого точно охарактеризовал известный московский пастырь: «православные ведьмы в длинных черных облачениях, готовые склевать» все, что не соответствует их стандарту «благочестия».

Они-то и налетают в храмах на молоденьких девчонок, зашедших в церковь в джинсах или без платка, на мужичка, пахнущего алкоголем, в первый раз в жизни, с «помощью» рюмки, героически заставившего себя перешагнуть церковный порог, чтобы поставить свечку за новопреставленную мать. На всякого, кого они видят «хуже» себя и кого считают себя вправе «обличить», «призвать к порядку», «смирить»!

Сколько же народу они повышибали за ограды Церкви, и какую страшную ответственность за каждую отвращенную от Церкви и Бога душу они взвалили на свои горделивые плечи! Вразуми их, Господи, и не дай им умереть без искреннего покаяния!

— Однако! — поежился я. — Умеете же вы, батюшка, «нагрузить», духовное зеркало мне перед фейсом поставить! Ясно, что я в нем ничего хорошего не увижу!

— Зато есть повод для покаянной молитвы! — похлопал меня по плечу вставший из-за стола

отец Никифор. — Идите, братие, отдохните по кельям, через полтора часа вечерня!

— Благословите, отче, — подошел к нему я с протянутыми ладонями, — как же у вас здесь хорошо! Словно в родной дом издалека вернулся!

— В дом Пресвятой Владычицы нашей Богородицы! — благословляя, уточнил отец скитоначальник.

Мы отправились по кельям разбирать рюкзаки, переодеваться и готовиться к вечерне.

Глава 8. Рай

За недолгой, около часа по времени, вечерней последовала полноценная трапеза, состоявшая из борща, квашеной капусты и макарон с подливкой из тушеных овощей (еще, с учетом непостного дня, каждый получил по яйцу и кусочку сыра!). А затем мы с Флавианом вышли на широкий деревянный балкон второго этажа и уселись на стоящую вдоль стены старинную деревянную лавку, ладно сколоченную из толстых, грубо оструганных досок.

Справа от нас высилась изрезанная трещинами и разломами громада Святой горы, нависала, не подавляя собою приютившийся у ее подножия маленький скит.

Вершина горы, с невидимым снизу храмом Преображения на ней, ярко освещалась быстро заходящим южным солнцем. Ветра не было, пахло какими-то неизвестными мне терпкими запахами местных растений. Тихо щебетала одинокая пичужка.

— Отче честный! — обратился я к отцу Флавиану. — Я все думаю о разговоре в архондарике! Страшновато как-то: вроде и верующие люди, и даже вон — монахи! — и то как искушаются и погибают! Как же спастись-то, как миновать все эти ямы и рытвины на духовном пути, в которых люди себе и ноги и головы ломают?

— Леша! — повернулся ко мне мой духовник. — А ты как себе рай представляешь? Какой бы ты себе в нем жизни хотел?

— Ого! Ну ты и скажешь — рай! — смутился я. — Рай же не отель, его под себя не закажешь!

— Ну а все-таки! — настаивал батюшка. — Если бы можно было заказать, что бы ты там хотел иметь?

— Фантазировать можно? — спросил я.

— Можно! Смелей! — подбодрил меня Флавиан.

— Ну, я бы себе представлял рай чем-то вроде Афона, только на который женщин пускают, чтобы нам с Иринкой быть там вместе, ну и маму покойную там встретить, бабушку, всех родных, всех, кого люблю — Семена с Ниной и так далее.

Чтобы также, как здесь, море было, горы, зелень, цветы, тепло, кипарисы, оливы, ну и березки наши русские тоже, елки — словом, всякая красивая растительность.

Солнышко чтобы светило побольше, вода текла в родниках прозрачная, чистая, птички чтобы пели, животные там разные ходили ручные и не кусались...

Представляешь, как бы мои огольцы настоящего льва затискали!

Чтобы у нас с Иришкой домик был, светлый такой, беленный известью, с черепичной крышей, как в Греции!

Веранда большая, вся увитая виноградом, на ней кресла плетеные для нас с Иришкой и детей, ну и (тут я немного замялся) собачка Марсик, что в детстве у меня была...

Храм чтобы наш Покровский был рядышком, с тобою в алтаре, само собой разумеется, все афонские храмы, и наши русские тоже, чтобы мы все общались между собой, в гости друг к другу ходили, радовались друг о друге, любили друг друга... Даже не знаю, чего еще придумать навскидку! Ну как тебе мой рай?

— Хороший такой рай, уютный, нормальный, как раз так должны бы люди жить в этой земной жизни — любить друг друга, радоваться, домик с виноградом на веранде... Только ты заметил, кого в нем не хватает?

— Кого? Вроде я всех знакомых имел в виду!

— В нем нет Христа! Самого Живого Господа Иисуса Христа! Как одного из обитателей твоего уютного рая!

— Да, — поразился я, — точно! Как это я...

— Не только ты, Леша! — утешительно сказал Флавиан. — Почти все люди, мечтая о райской жизни, о благах, приготовленных для них Христом, забывают о Нем Самом! И ищут, что в этой земной жизни, так и в вечности, не самого Господа Иисуса Христа, не соединения с Ним в Его Божественной любви, а тех благ и утешений, которые он всегда готов излить и обильно изливает на весь род человеческий! Можно сказать, мы — дети, ждущие не Отца, а принесенных им подарков!

— Однако, отче, — протянул я, — ты меня озадачил... Я никогда не думал об этом вот так! Ты прав на все сто процентов, я действительно никогда не искал Самого Христа, но только Его даров, пусть даже и не только материальных...

Ну и как быть теперь? Как вообще можно настроить себя на взыскание Самого Господа? Как можно искренне, от всего сердца захотеть с Ним познакомиться лично? Ведь Он...

Ну, жил Он давно, везде вон на иконах, на распятиях изображен, опять же сказал: «Суд Мой праведен есть!», — боязно от этого как-то...

Когда я молюсь Ему от души, особенно когда молитва хорошо идет, я чувствую Его рядом, чувствую Его любовь ко мне, но тот, Кого я в этот момент ощущаю рядом, как-то слабо ассоциируется у меня с евангельским Христом, тем, который в хитоне, в сандалиях...

Не знаю, как тебе это объяснить, но, наверное, мне действительно не хватает ощущения Христа, как тебя, например!

Как реального живого человека, которого я мог бы знать и любить и хотеть быть с ним вместе! Ты знаешь, отче, кажется, я начинаю этого хотеть! Слушай, только это не слишком дерзновенно, не нагло с моей стороны такого желать?

— Да нет! Я думаю, не нагло, нормально это. Ты желай и проси у Господа, чтобы тебе с Ним «поближе познакомиться». Он ведь сказал: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете...» и «..всё, чего ни попросите в молитве с верою, получите». Он ведь это как раз о взыскании

Истины сказал, а Истина и есть Христос — Путь, Истина и Жизнь! Так что ищи и обретешь!

— Попробую... Благослови!

— Бог благословит и поможет тебе, Алексей!

Снизу раздался стук деревянного молотка по ручному билу — «талантосу» — напоминающей байдарочное весло доске, стуком по ней созывают монахов на богослужение.

Считается, что подобный стук деревянного молотка праотца Ноя, строившего Ковчег Спасения, созывал всю тварь земную в этот огромный корабль. Так и теперь, стук в талантос созывает всех ищущих спасения в храм Божий — новый Корабль Спасения, ведомый сквозь бурное житейское море в тихую спасительную гавань Небесного Царства опытным Кормчим Христом.

Мы с Флавианом встали со скамейки и снова вошли внутрь, в благодатную тишину храма. Началось «малое повечерие».

Забившись в старенькую скрипучую стасидию в углу небольшой скитской церкви, слушая, как отец Никифор поочередно с отцом Флавианом неторопливо, внятно читают каноны повечерия, я вновь вернулся мыслями к предыдущему разговору о Христе.

«Однако! Уже несколько лет я осознанно считаю себя христианином, пытаюсь вести какую-то духовную жизнь и в то же время вполне обхожусь без Христа, довольствуясь Его Именем, призываемым мною в молитвах, образами на святых иконах и фресках.

Я пользуюсь Его милостью и любовью, наслаждаюсь Его бесчисленными дарами, обращаюсь за помощью и получаю эту помощь. И за все это время я даже не подумал о том, чтобы узнать Его ближе, узнать настолько, насколько Он сам позволяет это сделать всем искренне ищущим Его...

А ведь многое множество людей две тысячи лет назад, а многие и в течение этих двух тысяч лет видели Его, слышали Его слова, осязали Его, ели с Ним за одним столом, молились с Ним в храме и в синагогах, делили с ним кров, восторженно приветствовали или хулили Его, распинали Его или радовались, видя Его воскресшим! Лично общались с Богочеловеком Иисусом Христом!

А я даже в собственный «рай» Его не пригласил...

«Господи! Ты все знаешь; Ты знаешь, что я люблю Тебя!» — вырвались вдруг из моего сердца слова апостола Петра.

Господи! Можно ли мне, непотребному и мерзкому в страстях моих, дерзко искать Твоего познания?

Господи! Но ведь Ты даже блуднице не воспретил прикоснуться к Тебе? Ты не брезговал общаться ни с прокаженными, ни с фарисеями, ни с Иудой, предавшим Тебя!

Господи! Не отвергни и меня, много худшего их! Они тогда еще не видели тебя воскресшим, не понимали до конца того, Кто снизошел своей любовью до общения с ними!

А я, зная, что Ты — Бог, и Спаситель мой, и самый близкий и родной, самый искренний Друг,

подтвердивший Свою любовь ко мне страшными муками на Кресте, муками, которых достоин именно я! За все, что сделал в своей бестолковой, праздной и греховной жизни, и продолжаю жить все той же, наполненной суетой и страстями, жизнью плотского человека!

Я не стремлюсь стать лучше ради Тебя, я не стараюсь измениться настолько, чтобы приблизиться к Тебе хоть чуть-чуть! Я лишь хочу продолжать получать от Тебя те неисчислимы блага, которыми Ты меня и так одариваешь непрестанно...

Господи! Но я хочу обрести Тебя! Я хочу, чтобы Ты стал для меня живым и близким, родным и необходимым! Я настолько поражен себялюбием, что не способен измениться собственными силами, но я прошу Тебя, Господи, изменить меня, Твоею благодатною силою, Твоею неисчерпаемою любовью! Я хочу и прошу Тебя, Господи, сделать меня таким, чтобы я смог лицезреть Тебя в вечности, чтобы я не лишился общения Твоего!

Я хочу быть с Тобой, Господи! Я знаю, что недостойн этого и никогда не смогу быть достоин, но ведь Ты пришел на землю, чтобы приблизить меня к Себе! Чтобы дать мне возможность обрести то счастье, которое может дать только единение с Тобой в Твоей любви!

Господи! Я предаю себя в Твои милостивые руки, сотвори надо мною спасительную волю Твою, Ты сам, если хочешь, очисти и спаси меня! Но я, Господи, я хочу быть с Тобой!»

— Леша! — Флавиан осторожно потряс меня за плечо. — Служба кончилась, идем отдыхать до утрени!

— Что, а? — Я очнулся и начал приходить в себя. — Ах да! Пойдем, отче, пойдем отдыхать...

Отдых в эту ночь у меня получился, как бы это сказать...

Ну, лучше по порядку!

Келья, в которой меня поселили, была настоящей одноместной монашеской кельей, построенной вместе со всем келейным зданием несколько веков назад.

Сами понимаете, никакого еврокомфорта: узкий «пенал» два на четыре метра, маленькое оконце в нише стены, простая деревянная кровать с «солдатским» ватным матрасом и застиранным, но чистым бельем, небольшой столик у стены, стул, вешалка из четырех крючков на стене у дверей и... все!

Обычно я ложусь спать всегда головой к окну, а тут, поскольку подушка уже лежала на противоположном от окна конце кровати, поленился я ее переключать, и, почувствовав после активно прожитого дня внезапное утомление, лег как леглось — ногами к окну, и провалился в сон.

Спал я крепко, можно сказать, с удовольствием, но вот под утро, около трех часов ночи, примерно за полчаса до обычной афонской «побудки»... Начал я просыпаться от необычного ощущения в ногах: словно на них сильным холодом веет, как из кондиционера, и словно они сами как-то в воздух поднимаются и тянутся по направлению к окну.

Все более приходя в сознание, пытаюсь разлепить сонные глаза и повернуть голову так, чтобы посмотреть — что это у моих ног за проблемы с гравитацией начались?

Разлепляю очи и вижу (зрелище — реально не для слабонервных) реющее над моими ногами существо — наподобие киношных, женского полу, вампиров — синюшно-сероватого цвета в лунных отблесках, наполовину всунувшееся в мою келью из окошка и тянущее свои трупные лапы с длиннющими когтями прямо к моим ногам.

Глаза у этой твари узкие и злющие, пасть приоткрыта и классические «вампирские» клыки из нее торчат. А ноги мои, все более леденеющие, так в воздух и поднимаются и к этой гадине, словно к магниту, тянутся! Веселенькое такое пробуждение!

Понимаю, что надо начинать молиться, так ни одна молитва на ум не идет! Пытаюсь осенить себя крестным знаменем, а руки, словно наручниками, скованы! А уже чувствую, как и тело начинает подползать в сторону окна...

Кое-как вдруг «Живый в помощи Вышняго» вспоминать стал, бормочу по слогам, рука правая чуть-чуть освободилась, крещу себя, крещу свои ноги — так и грохнулись они о край кровати, словно вернулась к ним тяжесть; молюсь уже яснее, крещу окно, глядь — вынесло из него мерзкую гадину, словно кто-то ее снаружи пылесосом всосал! Тут уж я и «Да воскреснет Бог» вспомнил и «Отче наш» и «Помилуй мя Боже»...

А вскоре и к утрени в талантос застучали.

Пойманный мною в коридоре перед входом в церковь отец Никифор пожал плечами: «Ну бывает! Да ты не бойся — молись, и все отойдет...» И пошел в алтарь, где уже позвякивал разжигаемым кадилом пономарь.

Да уж! Афон...

Надо сказать, молился я в то утро весьма усердно, с усилием сердца и почти не рассеянно умом. Подхлестывал меня в молитвенном напряжении периодически встававший перед глазами образ мерзкой твари, пытавшейся ночью вытащить меня из окна.

Однако ближе к Херувимской песни этот образ отошел от меня, смазался и рассеялся. А уж после евхаристического канона и причащения совсем мне радостно стало, легко как-то и даже весело на душе, вся ночная хмарь стала «яко не бывшая».

Но в памяти событие зафиксировалось.

Глава 9. Феологос

Знаете ли вы, как отомстить старому другу сразу и за все (особенно если этот старый друг в детстве посещал художественную школу и увлекался фотографией)?

Не знаете? Сейчас научу!

Подарите ему «зеркалку» — приличный, хотя бы полупрофессиональный, цифровой фотоаппарат! И все!

Дальше у вашего друга начнутся поиски и подбор объективов, фильтров, карт памяти, штативов, очистителей линз, фотосумок и пр. и пр. «им же несть числа!» И пропал человек!

Начинается у него горячка по выбору освещения, погоды и времени года для съемок природы, портретов друзей и замученной этими съемками семьи, ловля интересного жанрового кадра, падения с неудобных мест, «откуда лучше видно» и т.д. Словом, вся жизнь новоиспеченного

фотографа превращается в сплошной кошмар. Что, собственно, и требуется для грамотной мести!

Именно так и поступил со мной не какой-нибудь там враг и недоброжелатель, а старый институтский товарищ, духовник (!) и просто лучший друг — батюшка Флавиан! И все потому, что ему, видите ли, эта полупрофессиональная цифровая камера «кэнон», подаренная каким-то «благодетелем», не нужна! «Леша! Ты любил снимать когда-то, а мне некогда этим заниматься, вот и бери ее себе! Будешь нашим приходским фотолетописцем!»

Ага! Это вдобавок ко всем моим прочим церковным и семейным обязанностям?! И это — любовь?

Но, вообще-то, камера, конечно, хороша... А возможностей у нее!..

Ладно! Как там у архиереев положено говорить при поставлении: «Благодарю, приемлю, и ничтоже вопреки глаголю!» Кажется, так!

Так вот! После описанных выше событий с ночными «ужасиками», после литургии, причастия и очень «вдохновляющей» скитской трапезы, я оставил Флавиана с отцом Никифором утешаться духовной беседой за чашкой кофе (помните какой? Правильно — маленькой с некрепким! Таблетки были проглочены под моим контролем). А сам, прихватив сумку со сменными объективами, отправился побродить вокруг скита с фотоаппаратом в целях...

Ну, сами понимаете!

— Лешка! Под ноги смотри, сейчас змеи активны, у них брачный период еще не закончился! — напутствовал меня Игорь.

— Йес, сэр! — не оборачиваясь, крикнул я, уже весь занятый волшебным словом «экспозиция»!

Мыканье и шараханье по камням и кустам вокруг скита в поисках наиболее выгодного панорамного вида обители заняли у меня около двух с половиной часов. Но я сделал это! Я таки нашел очень выгодную точку на небольшой площадке рядом с малозаметной тропинкой, проходящей метрах в восьмидесяти выше западной, полуразрушенной каменной стены, ограждающей скит по периметру.

Вид был просто потрясающий! Удерживая композицию кадра в видеоискателе, я начал медленно перемещаться назад и влево, уходя от попадающей в кадр ветки какого-то дерева...

— Осторожно, брат! Сзади змея! — раздался вдруг голос у меня за спиной.

Я мгновенно отреагировал, остановившись и быстро оглянувшись назад и вниз. Там действительно ползла змея, небольшая, серо-коричневая какая-то, и я действительно имел реальный шанс наступить на нее, сделав назад еще пару шагов. Змея, не обращая на меня внимания, проползла мимо и скрылась в кустах. Я выдохнул и поднял глаза на своего спасителя.

Спаситель оказался сидящим на муле темноволосым монахом. Лет тридцати с небольшим, с правильными чертами приветливо улыбающегося и чем-то знакомого лица. Одет он был в вылинявший льняной подрясник, подпоясанный афонским монашеским поясом, и вылинявшую безрукавку-полурясу. На голове у него была вязанная из хлопчатобумажной черной нитки круглая шапочка-скуфейка, какие я видел в иконной лавке в Ивероне, тоже со следами

многодневного пребывания под солнцем. На ногах обычные кожаные сандалии, через плечо свисала домотканая шерстяная сумка на сплетенном косичкой шерстяном шнуре. Словом, типичный афонский инок.

— Спаси тебя Господь, отче честный! — еще с волнением в голосе проговорил я и, спохватившись, произнес обычное афонское приветствие. — Эвлогите!

— О, Кириос! — улыбнувшись, ответил монах. — Как твое имя, брат?

— Алексей! А твое, отче?

— Мое имя? Феологос, — также улыбнувшись, ответил агиорит, легко соскочив с мула.

— Феологос! Ты эллин, отче (греки обычно называют себя эллинами)? — поинтересовался я. — Как хорошо ты говоришь по-русски!

— Во Христе нет ни эллина, ни русского, — вновь улыбнулся Феологос, — разве это важно?

— Да нет! В общем, конечно, не важно! Ты, отче, мне прямо Богом послан, а то лежал бы я тут сейчас, змеей укушенный! Даже в скит сообщить было бы некому!

— Ты, Алексей, не бойся, — монах посмотрел на меня внимательным взглядом своих карих, светящихся искренним расположением глаз, — ты же читал в Евангелии, что без воли Божьей и лист с дерева не падает, так, тем более, без нее и змея не укусит! А если укусит, значит, и это тоже необходимо для твоего спасения! Богу видней, доверяй Ему, брат!

— Я доверяю, — искренне ответил я, — просто легче принимать волю Божью, когда Господь «по головке гладит», а не против шерсти! Тут мое себялюбие просто дыбом встает! Хочется ведь в Царство Небесное, но без страданий, лучше вообще на «мерседесе» с кондиционером и стереосистемой! И с октопусами на гриле...

— Алексей! Это принадлежит отцу Никифору. — Монах протянул мне небольшой серебряный образок Божьей Матери, сквозь петельку которого свисал разорванный кожаный ремешок. — Передай ему, он потерял это около второго креста по тропе на вершину и сильно огорчается, потому что это благословение его любимой, очень верующей бабушки! Пусть утешится и носит его на более крепком шнуре!

— Ты с ним знаком, отче? — обрадовался я. — Может быть, мы пойдем вместе в скит и ты сам порадуешь отца Никифора?

— Мне надо идти в другое место! — улыбнулся в ответ Феологос. — Я могу проводить тебя только до поворота, дальше ты пойдешь сам! Смотри под ноги и не забывай о молитве!

— Где ты подвизаешься, отче? — спросил я, когда мы двинулись вниз по тропинке, сопровождаемые смиренным мулашкой. — Мы можем с отцом Флавианом прийти в твою обитель и увидеть тебя там?

— Можете, конечно, если захотите и потрудитесь! Твой духовник знает туда дорогу, — Феологос посмотрел на меня с доброй улыбкой, — правда «мерседес» туда не проедет, придется ногами по камушкам карабкаться, но я буду вас ждать!

Мы подошли к развилке тропы и остановились. От этого монаха Феологоса исходила какая-то непривычная благодатная тишина, какое-то спокойствие и доброта, я еще ни разу не

чувствовал такого ни от одного человека. Расставаться мне с ним категорически не хотелось, но и повторять свое приглашение посетить отца Никифора я уже не дерзнул.

— Отче! — вдруг сообразил я. — Благослови запечатлеть тебя на память! — я взялся за висящий на шее фотоаппарат.

— Попробуй! — улыбнулся Феологос. — Я не всегда хорошо получаюсь на изображениях.

— Это же «кэнон», отче! Десять мегапикселей! — Я отошел и прицелился объективом. — Будет не хуже, чем в «Нэшнл джиографик»!

Монах улыбнулся, подождал, пока я не щелкну затвором, затем поднял руку в знак прощания, легко поднялся в седло, и смиренный мулашка вскоре скрылся вместе с седоком за поворотом.

Удивлению отца Никифора не было предела.

— Я потерял этот образок несколько лет назад, когда ходил на вершину, — растерянно говорил он, любовно поглаживая пальцами вновь обретенную святыню, — но откуда этот Феологос мог узнать про мою бабушку? Я никому на горе не говорил о ней и не показывал этот образок.

— Имя какое интересное, Феологос: Божий Логос, Богослов, Бог Слово... — задумчиво размышлял Флавиан. — Ты, отче, с этим монахом не знаком? — обратился он к отцу Никифору.

— Что-то вообще не припомню здесь никого из русскоговорящих монахов с таким именем, разве только кто-то недавно постриженный? — недоуменно отвечал отец Никифор. — Опиши его поподробней, Леша, на кого он похож?

— На кого похож? — Я огляделся. — Да вот! На Спасителя вот этого даже очень похож.

Я показал на висящий на стене архондарика большой русский церковный календарь с репродукцией Спаса Нерукотворного на нем.

— Подождите! — вдруг осенило меня. — Я же его сфотографировал!

Вытащив из фотосумки дорожный ноутбук и включив его, я вставил в «картридер» извлеченную из фотоаппарата карту памяти, открыл на экране нужную папку.

— Так! Вот входные ворота с котом на них, вот экклесия, телевичком взятая, вот панорама, после которой я чуть на змею не наступил, а вот... — Я замер вместе со сгрудившимися вокруг экрана отцами. — Ничего себе!

Снимок, на котором должно было быть изображение улыбающегося монаха Феологоса, запечатлел только свет! Яркий, непонятно из какого источника исходящий свет! И больше ничего!

— Леш, — осторожно предположил Игорь, — может, это у тебя вспышка так сработала?

— Вспышка отключена, Игорь, — обескураженно протянул я, — и потом, вспышка могла осветить лишь объект передо мной, но не меня в объектив! Такое ощущение, что я сфотографировал крупным планом солнце!

— Кажется, ты Его и сфотографировал, — задумчиво произнес Флавиан.

— Ты думаешь... — повернулся к нему отец Никифор.

— Похоже на то! И имя, и... Что ты ощущал, Леша, в Его присутствии? — Флавиан посмотрел на меня внимательно.

— Ощущал? Ну, даже не знаю, как сказать... Хорошо мне было... Расставаться с Ним не хотелось... Словно мы с Ним знакомы давно, ощущал... Подожди! Ты полагаешь... — вдруг потрясла меня догадка.

— Так! Отцы и братия! — вдруг решительно произнес отец Никифор. — Кажется, наступил момент, когда всем лучше умолчать! Давайте оставим про себя наши мысли и догадки, Богу известно, кто это был и почему, а нам, я думаю, в загадки играть не полезно!

— Аминь! — вставая, подтвердил Флавиан.

Позже, когда я сидел на уединенной скамейке среди оливковых деревьев в монастырском саду, скорее переживая, чем обдумывая все происшедшее со мной сегодня, ко мне тихо подошел Флавиан и присел рядышком на скамью.

— Однако! — сказал я, посмотрев на него.

— Ну ты же просил, — ответил он, глядя на виднеющееся вдали море.

— Но чтобы так...

— Ему виднее, — вздохнул мой батюшка.

^ Глава 10. Схимник Александр

У каждого христианина, наверное, есть свой любимый храм, в котором он чувствует себя более дома, чем дома. Для кого-то это храм, в который он впервые осознанно пришел познакомиться с Богом, для кого-то — храм, где он был крещен или куда ходили его родители, деды и прадеды. Для кого-то любимым становится храм, в котором он полнее чувствует благодатный Божий ответ на искреннюю сердечную молитву.

У меня тоже есть любимый храм, даже два! Оба во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Один находится на моей «духовной родине» в селе Покровском, другой на Святой горе Афон в русском Свято-Пантелеимоновом монастыре.

Первый я люблю потому, что с ним у меня связано все, что есть ценного в моей жизни — обретения Бога, духовного отца, жены, семьи, новой во Христе жизни, потому что в нем я несу церковные послушания, «пою Богу моему дондеже есмь»! Словом, понятно, почему я люблю Покровский храм в селе Покровском.

Почему я люблю Покровский храм в Пантелеимоне, я понять не могу. Там есть и более величественный главный собор монастыря — «кириакон» во имя святого великомученика Пантелеимона, вообще на Афоне есть множество самых разнообразных храмов, величественных соборов и маленьких экклесий. Но ни один из них не притягивает меня к себе так, как венчающий собою келейный корпус северной стены монастыря, не примечательный ни архитектурой, ни харизмой древности и многовековой намоленности, длинный и широкий как ангар двухпридельный храм Покрова.

Но... лучше по порядку!

Погостив пару дней в скиту у радушного отца Никифора, отец Флавиан собрался отправиться в Пантелеймон, тем более что диамонитирионы у нас были выправлены на этот монастырь, к тому же мы везли туда из Москвы различные посылки и передачи. После службы и трапезы мы с Игорем вновь загрузили нашу с Флавианом поклажу в кузов пикапа, отцы Флавиан и Никифор вновь исполнили прощальный «вальс бегемотиков», троекратно обнявшись и расцеловавшись в заросшие седыми бородами щеки, мы залезли на свои сиденья в машине и поехали!

— Батюшка! — повернулся сидящий за рулем Игорь к Флавиану. — Отец Никифор благословил меня с вами на гору идти, если соберетесь! Для помощи и вообще! Так что звоните, когда пойдете, я приеду!

— Спаси его, Господи! — перекрестился Флавиан. — Мне ведь, старый медведь, ничего не сказал, чтобы избежать благодарностей! Ну да ладно, будем в долгу!

Полтора часа по афонскому серпантину, то пыльному, то каменистому, то бетонированному, с подъемами и резкими поворотами, спусками на тормозах и медленным переваливанием колес через водостоки в ущельях, прилично утомили моего батюшку. Поэтому, когда на очередном спуске Игорь приостановил машину, показал вправо на видневшуюся сквозь листву крышу и сказал: «Смотрите, отче! Это мельница преподобного Силуана! Не хотите выйти и посмотреть поближе?», — Флавиан только вздохнул:

— Что-то я притомился, брат Игорь! Вы с Алексеем ходите, если хотите, а я как-нибудь потом...

— Отче честный! — встрепенулся я. — Значит, потом вместе и придем или приедем. Поехали, Игорек!

— Сюда можно и пешком от Пантелеймона, до него метров шестьсот осталось! — сказал Игорь, трогая машину с места.

— Вот и хорошо, — отозвался Флавиан, — значит, потом вместе пешочком и притопаем!

Наконец-то мы добрались до Пантелеймона! В архондарике деликатный послушник Георгий поставил нам на стол «евлогию» (какой был рассыпчатый лукум, ну просто таял во рту!), пока седой, взлохмаченный архондаричий, добрый отец Иннокентий, оформлял наши диамонитирионы и подбирал нам кельи. Едва мы закончили с лукумом и кофе, как он позвал нас и выдал ключи.

— Вам, батюшка, как монаху и священнику, естественно — одноместная келья на этом этаже! Вам, — он протянул мне ключ, — как не монаху и не священнику, тоже одноместная и тоже на этом этаже. Сейчас свободных келий хватает, так что располагайтесь и отдыхайте до службы!

Игорь понес Флавианову поклажу к нему в келью, я свои пожитки в свою. Войдя в помещение, предназначенное быть мне жилищем в течение нескольких следующих дней, я положил рюкзак на пол и огляделся. Келья показалась мне знакомой. Кровать у окна, в изголовье небольшие софринские иконы Казанской Божьей Матери и Великомученика Пантелеймона...

Вспомнил!

Это же та самая келья, которая досталась в прошлый раз Флавиану и благоухала миром из так и не найденного нами источника! В этот раз миром не пахло...

Пахло свежим морским воздухом из открытого окна, разбавленным дизельным выхлопом трактора, с грохотом сгребающего прямо под моим окном щебенку — в монастыре активно шли строительно-восстановительные работы.

Разложив по местам временной «дислокации» свой немногочисленный скарб, я вышел в коридор и направился в келью к Флавиану, чтобы успеть попрощаться с отъезжающим в свой скит Игорем. Однако Игоря я уже не застал.

— Аминь! — в ответ на мое традиционное молитвенное приветствие при входе в келью ответил мне Флавиан. — Игорь уехал! Кланялся тебе, просил извинить за то, что торопится. Тебе не кажется, что здесь какой-то знакомый запах...

Я принялся. Конечно! В келье у Флавиана опять пахло миром!

Едва мы рассортировали посылки и передачи, отложили отдельно те, которые предназначались друзьям в Пантелеймоне, убрали обратно в сумку все остальное и Флавиан вознамерился прилечь, чтобы успеть отдохнуть перед вечерней, как в дверь постучали и знакомый голос произнес уставную молитву:

— Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас!

— Аминь! — ответил Флавиан, открывая дверь.

В келью вошел радостно улыбающийся отец К-ма.

— Ну, здравствуйте, здравствуйте, отцы! — приветствовал он нас, обнимая поочередно. — Слава Богу, добрались!

— Я всего лишь «сын», — вздохнул я, — зато «духовный»!

— Да ладно прибедняться, — засмеялся отец К-ма, — а пять детей у кого?

— Ах да, — ретировался я, — с этой точки зрения, конечно...

— Отец К-ма! — обратился к нашему гостю Флавиан. — Тут тебе посылки передали, вот, держи, это пакет с дисками, это книги, а это письмо.

— Спаси, Христос, отче Флавиане! Только я теперь не К-ма, а схимонах Александр! Уже третий месяц пошел, как постригли.

— Ого! — не смог я сдержать удивленный возглас. — Как это, как это, отче? К тебе теперь прикасаться-то можно?

— Можно! — улыбнулся схимонах Александр. — Нечаянно так получилось, сверзился я со строительных лесов немножко, ну и думали, что не выживу. Решили, пока в сознании, в схиму постричь и постригли. А я, видишь ли, теперь опять по лесам лазаю! Такое уж у меня послушание! Пойдемте ко мне в «каптерку», пока до вечерней службы время есть, я вас настоящим китайским чаем угощу! Вы такого небось еще и не пробовали, «улун» называется! Мне его один иеромонах из России привез!

— Лао Ди?! — воскликнул я. — То есть отец Димитрий?

— Точно! — удивился отец Александр. — А вы его знаете?

— Три дня назад в Семионовской келье познакомились, — ответил Флавиан, — он там для нас мастер-класс по чайной церемонии устроил. Алексей, мне кажется, сразу горячим сторонником гун-фу-ча стал!

— А что? Между прочим, в чайном листе содержится пятьсот восемьдесят четыре микроэлемента, столько ни в одном растении больше нет! — откликнулся я. — Это мне сам авва Димитрий сказал!

— Ну, тогда пошли эти микроэлементы в «исинском» чайничке заварим! — засмеялся схимонах Александр.

— Пошли! — со вздохом поднявшись со стула, согласился Флавиан.

«Каптерка» схимонаха Александра оказалась достаточно просторным помещением, с балконом и отдельным туалетом (что немаловажно при серьезном чаепитии). Увидев на столе уже знакомый чайный столик чабань со стоящими на нем «правильными сосудами», я удовлетворенно отметил: «И здесь воссиял свет просвещения «великого Лао Ди!»»

Отцы снисходительно улынулись.

Когда настоящий северофудзянский улун был заварен и налит по чашечкам уже примерно по четвертому разу, благоговейную тишину чайного действия нарушил Флавиан:

— Я заметил, отче, — обратился он к отцу схимонаху, — за эти полтора года вы многое успели отреставрировать и отстроить заново!

— С Божьей помощью, отче! — ответил отец Александр, прихлебывая чай из пиалушки. — Кризис этот, конечно, несколько расстроил наши планы на реставрацию, но в целом процесс идет стабильно. Ты бы видел, какой теперь у нас келейный корпус! Сплошной евростандарт! Кельи отделаны по высшему классу, с отоплением, с умывальниками! Не хуже, чем в Ватопеде!

— Да! — подтвердил, кивнув, мой батюшка. — В Ватопеде круто, сам видел! А вообще-то, как ты мыслишь... Монахам-то оно надо, это самое «евро»?

— Да знаешь, отче, — поставив чашечку на чабань, ответил схимонах, — ты, честно говоря, прямо в десяточку попал! В самое больное мое место! Я с этим вопросом и сам никак не разберусь. Ведь и Сергей Радонежский, и Серафим Саровский, и наш Силуан Афонский без всякого «евростандарта» спасались и святости достигали. Уже не говоря про пустынников и отшельников, включая здешних «карулиотов» (отшельников, живущих на труднодоступных скалах афонской Карули).

Даже, напротив, вся традиция монашеского подвижничества категорически противится излишнему комфорту для монахов, считая этот комфорт явлением расслабляющим, обмирщвляющим, пагубным для аскетов, чей девиз относительно плоти точно выражен батюшкой Саровским Серафимом: «угнетаю угнетающего мя».

А нынешняя жизнь в монастырях, причем как на Афоне, так и в России, да, возможно, и по другим местам, все больше тяготеет к удобствам и комфорту вроде бы для того, «чтобы мирские заботы не отвлекали от духовной жизни!» Центральное отопление и водопровод давно отменили колку дров и таскание воды из колодцев, не говоря уже про теплые туалеты,

электроплиты и холодильники.

Вы ведь читали в житии, сколько мешков муки старец Силуан на своих плечах по лестницам на мельнице перетаскал? Сейчас этого не нужно, муку готовую покупаем, а сама мельница заброшенная стоит. А если и нужно грузы куда-нибудь наверх поднимать, то сейчас каких только электроподъемников не придумано! Только кнопки нажимай!

Потихоньку превращаются многие монастыри из обителей подвига в этакие «дома молитвы и отдыха», и новоприходящие в них братия часто ищут не такое место, где наставники молитвы сильнее или богослужения благодатнее, а такое, где удобств больше, трапеза обильнее и разнообразнее, где настоятель мобильники не запрещает, аудиовидеоплееры да ноутбуки!

Поэтому, как уже многие монахи-греки мне говорили, сейчас греческие юноши не очень-то в дальние скиты да бедные монастыри идут, больше норовят в большие, прибрежные обители, где посытнее да покомфортнее и куда родственникам проще приехать их навестить.

Ты думаешь, почему сейчас почти все греческие монастыри к себе русских послушников брать начали, ведь еще недавно не было так? А сейчас практически в каждом из афонских монастырей — где двое, где пятеро, а в Дохиаре около десяти русских иноков подвизаются! Карули недавно и вовсе русской стала, после того как там последний из сербских монахов скончался!

Причем если из деревень греческих еще приходят молодые ребята на Афон и остаются, то из Афин или Салоников редко кто больше года на Святой горе удерживается — очень уж изнеженная миром нынче молодежь пошла! Для них уже и «еврокелья» недостаточно комфортна.

— Однако грустно! — не выдержав, вздохнул я.

— Не то слово, Алексей! — с болью в голосе отозвался отец схимонах. — Глядя, как наша обитель и другие афонские монастыри все комфортнее обустраиваются, я уже не раз думал — а для монахов ли строим? Не пойдут ли наши строительные труды на потребу греховному миру, когда он сюда, как отцами предсказано, перед концом ворвется?

Не станут ли эти «еврокельи» номерами отелей и «апартаментами»? Не грядет ли уже это время столь скоро, что и помолиться-то как следует не успеем в этих строительных заботах? Не для того ли и мир сейчас столь щедро все эти строительные работы спонсирует, под предлогом заботы о сохранении Афона как всемирного культурного наследия?

Ведь один только Евросоюз уже сколько миллионов евро сюда загнал, не считая других, участвующих и частных фондов и «благотворителей»! Все ли они так во Христа уверовали, что громадные деньги на ремонт афонских монастырей сюда переводят? А не является ли это для многих из них перспективным вложением средств в будущий туристический бизнес? Ведь по законам того же Евросоюза, если его средства в какой-либо недвижимости некий процент превышают, то Евросоюз на эту недвижимость право собственности предъявить может!

С другой стороны, раз дает нам Господь возможность отремонтировать все получше, так разве не должны мы, монахи, эту возможность сполна использовать? Где тут грань, за которую переходить нельзя? Вот и крутятся в голове все эти мучительные для меня вопросы, и не нахожу я пока на них ответов, отцы!

— Да уж! Нарисовал ты, отче, таких «страшилок», что я теперь спать не смогу! — откровенно загрузил я.

— Знаешь, отче, — неторопливо заговорил Флавиан, повернувшись к отцу Александру, — я так думаю, что чего уж Господь нам во спасение пошлет, того мы отворотить не сможем, как бы ни хотелось. Главное — помнить, что все, что к нам извне приходит, есть лишь проявление Его Божественной к нам любви, каким бы оно скорбным для нас ни было!

— И ГУЛАГ сталинский тоже? — не утерпев, вставил я.

— И ГУЛАГ тоже, Леша, — ответил Флавиан, — я и сам вместить этого не способен был, пока не изучил подробно состояние церковной и мирской жизни в России перед революцией. Пока не увидел, какой ужасающий уровень бездуховности, а порой и просто безверия царил в среде русского духовенства и монашества, не говоря уже о мирянах.

А Господь все это духовное болото так встряхнул, что многие безбожники от скорбей да мучений в лагерях взмолились да покаяться и от всей души к Богу обратились!

— Ну а те, кто веру имел тогда, кто пострадал вообще невинно? — не мог я успокоиться.

— Те, кто за веру пострадать сподобился или невинно гонения со смирением претерпел, те вообще от Бога венец славы мученический получили! Мы им теперь молимся и их ходатайства за себя перед Господом просим, новомучеников и исповедников российских!

Наше дело — исполнять Божью заповедь любви везде, куда бы нас Господь ни привел. В миру ли, в монастыре или в лагере, в каких бы внешних обстоятельствах мы ни очутились, и тогда Царство Божие будет «внутри нас»!

— Понял, отче! — смирился я с неоспоримой логикой батюшкиных слов, — ты прав, как всегда...

— Дело не в моей правоте, Леша! — спокойно продолжал Флавиан. — Дело в непостижимом для нас, но непреложно благом Промысле Божьем! Надо искреннее доверять Богу и не сомневаться в Его любви к нам, этой любви недостойным!

— Ну да! — вспомнил я. — Он мне также сказал: «Богу виднее, доверяй Ему...»

— Кто сказал? — не понял отец Александр.

— Феологос! — вздохнув, ответил я.

— А кто этот Феологос? — переспросил схимонах. — Он здешний или там, в России?

— Это Лешкино очень личное, отче, — ответил за меня Флавиан, — не стоит об этом.

— Ну прости, — смутился схимник, — я не знал...

— Да что ты, ничего! Это ты меня прости за смущение, отче! — смутился теперь я.

— Так, братие! — поднял палец Флавиан. — Если не ошибаюсь, то это к службе звонят!

За окном «каптерки» раздался зычный звук монастырского колокола.

— Сегодня служба в твоём любимом Покровском храме, — с улыбкой похлопал меня по плечу отец схимонах.

— Слава Богу! — с искренней радостью воскликнул я.

^ Глава 11. Покровский храм

Покровский храм!

Большой, широкий и длинный вглубь — от входа до алтаря — с двумя рядами соединенных спинками стасидий, что стоят между украшенных с четырех сторон иконами опорными колоннами. Храм разделен на два неравных по ширине придела: справа более широкий — Покровский, слева, поуже, — Святого благоверного князя Александра Невского.

Светлый и напоенный воздухом днем, загадочный, словно распахнувшийся в глубину бездонного неба ночью, гулко откликающийся на шаги толстенными досками пола. С ажурным золотом иконостасов и киотов, богато изукрашенными окладами чудотворных икон, увесистыми гроздьями паникадил и своей неповторимой, тонко ощущаемой атмосферой непрекращающейся молитвы. Словно сам храм, или его хранитель ангел, или входящие в него через свои святые образа угодники Божьи не прекращают в нем молитвенного предстояния перед Творцом даже тогда, когда храм покидают закончившие службу монахи.

В Покровском храме есть у меня любимая стасидия, стоящая лицом к алтарю, в приделе благоверного князя Александра, прямо перед большим проскинитарием — увенчанным сенью столиком, напоминающим алтарный жертвенник, со стоящими на нем серебряными ковчегами с мощами святых, чья память празднуется на текущей неделе. В мой первый приезд в центре проскинитария стоял нехитрый ковчег с главою преподобного афонского старца Силуана, но в этот раз...

Как мне сказали, некто благочестивый паломник, кажется даже получивший от преподобного Силуана благодатную помощь по молитве перед его честною главою, в знак благодарности святому создал прекрасный драгоценный ларец, изукрашенный самоцветами, в который и переложили честную главу преподобного, и, ради сохранности ларца, убрали его в параклис (маленькую церковку), используемый как хранилище святынь и открываемый лишь для поклонения этим святыням паломников.

Так что...

Ну, значит, так надо!

Чтобы попасть в Покровский храм, необходимо подняться по семи лестничным пролетам, три из которых, начинаясь на северной стороне центральной площади монастыря, проходят по открытой части здания и приводят к площадке с фреской. Она изображает коленопреклоненную молитву старца Силуана, у которого (на фреске) зацелован молящимися весь локоток правой руки.

Затем лестница продолжается внутри здания келейного корпуса, поднимая вас через три этажа на четвертый и приводя на площадку с тремя дверями: прямо — в тот самый параклис со святынями, направо — на балкон с великолепной панорамой всего монастыря на фоне моря и налево — в сам Покровский храм.

Войдя в высокие застекленные двери, вы попадаете в высокий гулкий коридор с висящими по стенам на вешалках монашескими мантиями и рясами, и, пройдя его, сквозь вторые стеклянные двери попадаете в сам храм. Точнее, в некий особый благодатный возвышенный мир, возвышенный не только над поверхностью земли, но и над всею суетностью лежащего в его подножии земного бытия.

Вечерня была обычной, будничной, пронеслась незаметно, я даже не успел захотеть присесть и простоял всю службу в любимой стасидии с поднятым вверх сиденьем. Только-только настроил себя на молитву, и уже — отпуст! Ну да ладно, ночь впереди, даст Бог — помолимся!

Когда я, перецеловав все полюбившиеся мне еще в первый приезд иконы, спустился наконец одним из последних на площадь, лежащую между соборным храмом-кириаконом Великомученика Пантелеймона и увенчанным самой красивой на Афоне колокольной зданием трапезной, дверь в трапезную уже была открыта. Большинство братии и паломников уже заканчивало рассадку за большими деревянными столами, на такие же внушительные деревянные лавки по местам, указываемым деловитыми «трапезниками».

Едва я занял указанное мне место за паломническим столом, как зазвучала молитва, священническое благословение пищи, и началась трапеза, сопровождаемая чтением жития дневного святого, гулко отдававшимся эхом в огромном, на три четверти пустом, здании трапезной.

Кормили просто, но, как и за утренней трапезой, давали первое, второе и десерт (обычно в афонских монастырях трапеза бывает дважды в день, после литургии утром и после вечерни вечером).

На первое были классические русские щи со сметаной, на второе макароны с подливкой из овощей, кусочек сыра, чай, яблочное повидло, очень вкусный пшеничный хлеб собственной выпечки и всегда стоящие на столе в мисках из нержавеющей стали великолепные солено-подкопченные черные маслины.

Вкус... Этого не передать, это не «Критикос» какой-нибудь! Это можно только ощутить самому и только за монастырским столом.

Дождавшись после трапезы на площади Флавиана и увидев, что он взят в пленение еще одним пантелеимоновским иноком, которого во Флавиановой спортивной сумке ожидал присланный из России пакет с книгой, я быстренько благословился у своего батюшки на фотосессию монастыря со стороны набережной. Это единственная зона, откуда разрешают снимать Пантелеймон без специального «благословения», и, чтобы не упустить вечернее освещение, с возможно приличной скоростью я зашагал в сторону архондарика за фотоаппаратом.

Фотосессия удалась! Правда, я едва не искупался в море, почти уже кувыркнувшись в него с высокого парапета, ограждающего набережную, когда тянулся захватить в кадр весьма фотогеничный балкон на фоне купола колокольни. Но для настоящего искусства это мелочи!

Зато я «забабахал» такие панорамы монастыря с конца пристани-арсаны широкоугольным объективом! А чайка, «схваченная» телевиком около печной трубы на крыше архондарика! А шикарная полупрозрачная тень в гроте со святым источником!

О! Отщелкав с полторы сотни кадров своим «Кэнон 1000Д», я чувствовал себя почти Вадимом Гиппенрейтером, спускающимся с отснятого им собственноручно изготовленной деревянной камерой огнедышащего камчатского вулкана...

И тут!..

Мимо меня прошел высокий сухопарый монах, лет так около пятидесяти с небольшим, в надвинутой на очки вязаной черной шапочке, серьезных горных кроссовках, с рюкзачком на плечах. А на груди у него висел...

О! Нет, это надо обрисовать поярче!

Был такой фильм, американский, «Трэ амигос» — то есть три товарища по-испански. Там три голливудских актера, снимавшихся в вестернах в конце девятнадцатого века в ролях героев, приехали в глухую мексиканскую провинцию, думая, что их пригласили показать шоу со стрельбой и гарцеванием на лошадях.

И попали в лапы абсолютно реального бандита Эль Гуапо (кажется, это имя переводится как-то неприлично), который вынуждает одного из них, по имени Ник... стреляться на «ковбойской» дуэли с немцем — летчиком-контрабандистом, поставлявшим этому Гуапе оружие.

Причем с немцем-киноманом, выросшим на вестернах с этим самым Ником и с детства мечтавшим не только научиться, подобно Нику, крутить кольт на пальце, но и стрелять из этого колта не хуже своего кумира. Сами понимаете, когда ему представилась возможность посоревноваться...

Словом, ставят бандиты бедного актера в его опереточном мексиканском «прикиде» против реального стрелка-контрабандиста, и тут один из эль-гуаповских «шестерок», увидев блестящий хромом с перламутром револьверчик Ника, забирает у него эту игрушку и подает актеру здоровенный тяжелый кольтище, произнося при этом: «Выкинь эту писюльку, умри с револьвером, из которого стреляют настоящие мужчины!»

Так вот! «Никонище» с громадным объективом, висевший на груди у того высокого монаха, напомнил мне то самое, из чего «стреляют настоящие мужчины», а мой «кэнончик», соответственно...

Ну, я думаю, вы поняли!

В архондарик я вернулся в более смиренном состоянии духа, нежели то, в котором я уходил с набережной.

Кстати, в том фильме Ник все-таки «завалил» своего поклонника-немца из того страшного колта.

^ Глава 12. Афонская ночь

Не успел я толком отдохнуть после фотосессии, то есть проглядеть отснятые кадры на дорожном ноутбуке, как в гулком коридоре архондарика раздался громкий звон маленького ручного колокола, по пробуждающему эффекту скорее похожему на корабельную «рынду», и громкий голос архондаричего привычно воскричал:

— Бдению время, молитве час! Прилежно возопием Богу: «Господи, Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас!»

Пора было идти на малое повечерие. Выйдя из кельи в коридор, я обнаружил в нем Флавиана, уже закрывшего на ключ свою келью и идущего к выходу из архондарика. Я последовал за ним.

— Отче! Я все думаю про мельницу преподобного Силуана. Как насчет завтра, после утренней трапезы, прогуляться туда?

— Если даст Бог дожить до завтра, то прогуляемся, Леша! — ответил мой батюшка. — Я уже узнал, у кого нужно попросить ключ от церковки, в которой Силуану явился Господь, выйдя из местной иконы в иконостасе.

— Ну слава Богу! — обрадовался я. — Очень уж хочется повидать живьем место подвигов такого великого старца!

— Греки на Афоне говорят: «Россия в девятнадцатом веке дала мировому монашеству преподобного Серафима Саровского, а в двадцатом веке преподобного Силуана Афонского!»

За разговором мы подошли к воротам монастыря, помолились образу великомученика Пантелеймона над входом, приложились к его образу и к иконе Божией Матери под аркой ворот, здесь же Флавиана остановил с каким-то вопросом молодой невысокий монах. Флавиан махнул мне рукой в сторону храма, я кивнул и, не дожидаясь его, отправился в Покровский храм.

Ну вот так!

В «моей» стасидии уже стоял какой-то озирающийся во все стороны, видно впервые оказавшийся здесь, немолодой паломник в светлом льняном костюме.

«Обидно, досадно, но — ладно!»

Можно было, конечно помолиться о том, чтобы Господь его куда-нибудь в другое место перевел, ведь этому паломнику «моя» стасидия еще не так дорога, как мне, но...

«Может быть, ему здесь молиться нужнее, — подумал я. — Господь ведь знает, что я люблю это место, но раз Он решил поставить сюда этого человека, значит, так всем полезнее!»

Я, уже смирившись, начал приглядывать себе другую «точку дислокации», как вдруг паломник в льняном костюме, увидев кого-то, очевидно, ему знакомого, в другом конце храма, покинул «мою» стасидию и, перейдя туда, встал рядом со своим знакомым.

Я еще постоял немного, проверяя — точно ли Господь благословляет меня занять мое любимое место, и, увидев, что все проходят мимо «моей» стасидии, не занимая ее, «с чувством глубокого удовлетворения» водрузил свою плоть на вожденное седалище и возблагодарил Бога, балующего Своих непослушных детей даже в таких мелочах...

Повечерие пролетело почти незаметно, молился я, надо признаться, достаточно рассеянно, образы пережитого за последние дни все время вставали перед глазами, множество новых мыслей, новой духовной информации роилось у меня в голове, и я никак не мог сосредоточиться на словах молитв. В общем, я вышел из храма весьма недовольный самим собой.

Начинало темнеть. Оглядевшись и не найдя в зоне видимости Флавиана, я не торопясь вышел из ворот монастыря, прошел по длинной прямой аллее, спускающейся к архондарнику, и, решив сегодня уже не беспокоить батюшку, отправился напрямик в свою келью.

Ветра не было, море почти неслышно плескалось о прибрежную гальку, вдали в темноте поблескивали огоньки курортных городков на побережье Ситонии, там уже начинался курортный сезон. Кратко помолившись перед иконами, висящими в изголовье моей кровати, пожелав Божьего благословения на сон грядущий Иришке с детками и всем, кого я помню и люблю, я лег на свою простую, достаточно жесткую койку и моментально «отрубился».

Ночью я проснулся от какого-то не сразу распознаваемого, но раздражающего своей назойливостью звука. Прислушался, где-то внутри моей головы отдавалось: «Думц! Думц!

Думц! Тр-р-р-р! Думц! Думц! Думц...»

Словно дискотечный дебилизирующий рейв, от которого, как еще юморист Задорнов очень точно сказал, «извилины мозга слипаются, а нижняя «чакра» начинает вибрировать». Следуя привычке сразу анализировать происходящее, спросонок пытаюсь понять происхождение звука. Может, это работающий дизельный двигатель?

Смотрю на часы — два «с хвостиком» ночи, в это время уже никакой двигатель не должен работать, да и звук не вполне похож... Вчера вечером рабочие, живущие на первом этаже архондарика, явно отмечали какое-то событие, может быть, они заотмечались и врубили на магнитоле эту дурь на полную громкость? Да нет, ну не совсем же они сошли с ума и перестали дорожить хорошо оплачиваемой работой, чтобы так себя вести? На всякий случай я высунулся из окна — звук послышался громче, но явно не со стороны первого этажа, да и в окнах у рабочих не было света...

Попытался опять уснуть, повторяя в уме молитву. Не выходит! Этот проклятый «думц» просто долбит по мозгам! Оделся, вышел в коридор, звук притих, но не пропал. Вышел на балкон, смотрящий, как и окна моей кельи, в сторону моря, — звук заметно усилился. Вгляделся в темноту моря. Вдалеке все так же виднелись огни курортных городков второго «пальца» Халкидиков — полуострова Ситонии. Кажется, звук шел оттуда...

Стоп! Меня осенила догадка — а вдруг это и вправду дискотека? Да, да, да... Я ведь где-то читал, что в тихую погоду на западном побережье Афона слышны дискотеки Ситонии!

Ох! Ни... чего ж себе! Вот так «исихия» («тишина» по-гречески)! Бедные монахи! Ведь сейчас многие из них как раз творят келейную умную молитву... Вот ведь «рогатая» мерзость! Ну, не так, так эдак — лишь бы нагадить монахам, лишить их возможности уединенной тишины, в которой лучше всего слышен тихий голос отвечающего на молитву Бога!

«Думц! Думц! Думц! Думц! Тр-р-р-р-р-р! Думц! Думц! Думц, думц!»

Уснул я лишь через час, приняв таблетку «от головы» .

Еще через полчаса в коридоре архондарика зазвенел колоколец и звонкий голос архондаричего прокричал:

— Бдению — время, молитве — час! Прилежно возопиим Богу: «Господи, Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас!»

Подскочил я, на удивление, бодрым, словно и не сражался полночи с этим проклятым «думцем», прислушался — было тихо. Быстренько умылся, оделся в «приличное» и вышел из архондарика.

Как описать афонскую ночь, напоенную запахами цветущих растений, сверкающую на тебя мириадами ярких бриллиантовых звезд из звонкой темноты такого близкого южного неба!

Как описать этот волнующий путь по ночной, фантастически красивой дороге от архондарика к открытым старым воротам Пантелеймона, сделанным из окованных толстым железом крепких деревянных досок, с мерцающей над ними в куполе крыльца лампадой!

Гоголя бы сюда, Николая Васильевича, с его великим даром слова и такой же великой верой во Христа Господа! Вот кому бы описать сказочное волшебство афонской ночи, а не мне, жалкому «буагомараке»... Но, видно, на «безгоголье» придется пробовать мне самому.

Терпите!

Когда глубокой ночью ты выходишь из длинного, просторного и гулкого коридора архондарика, слабо освещенного редкими «дежурными» фонариками, шагая по хорошо подогнанным друг к другу, крупным каменным плиткам отшлифованного прошедшим столетием пола... Когда ты открываешь старинную крюковую защелку на покрытой многими слоями краски дощатой входной двери, изнутри скрепленной, подобно древним иконам, тремя врезанными «ласточкинским хвостом» перемычками, распахиваешь эту дверь и делаешь шаг за порог, то сразу оказываешься в совершенно невероятном, абсолютно неземном (в привычном нам понимании), волнующем и одновременно успокаивающем мире.

Лунное освещение создает невообразимую игру теней и бликов на монастырских зданиях, каменных плитах или брусчатке дорожек, космических «ракетах» кипарисов, разлапистых чашах выстриженных в середине олив, каких-то неизвестных мне благоухающих в ночи кустов и кустиков. Чего стоит только лишь одна громадина столетней сосны, с какой-то «африканской» раскидистой кроной, встревоженным великаном стоящей у поворота дорожки от архондарика на длинную, прямую как стрела аллею, ведущую к таинственному отверстию ворот в величественной и торжественной крепостной стене монастыря.

Увенчанный ажурными коваными крестами, словно султанами гусарских киверов, встречает входящего на аллею «почетный караул» из двух невысоких, простых, но совершенных в этой простоте каменных колонн — словно ангельская стража охраняет дорогу, ведущую к Небу. Двое точно таких же каменных часовых-близнецов стоят на страже аллеи и со стороны монастыря.

Свет луны придает всему пейзажу некое контрастное напряжение за счет игры теней и освещенных пятен камня и растительности, настраивает человеческую душу, созерцающую это дивное зрелище, на внутреннюю внимательность, молитвенную активность и торжественное предвкушение встречи со Всевышним Творцом.

А если ночь безлунна, то все вокруг покрыто загадочным мраком, лишь изредка пробиваемым огоньками редких, горящих ночниками окошек, лампадами над входом в монастырь и дверями храмов, да маленькими галогенными светлячками налобных и ручных фонариков, мелькающих в руках паломников, стремящихся на ночное богослужение.

А как сладко дышится этой ночной порой! Какой удивительный воздух, смешавший в себе соленый привкус моря, тягучий аромат прогретой за день скудной каменистой почвы и невозможные, бесчисленные запахи множества ночных цветов и неизвестных мне растений!

Уже одна только дорога от архондарика до ворот и от ворот до соборной площади, окруженной торжественно-суровой красотой величественных каменных строений, настраивает душу богомольца на предстоящий ему трепетный молитвенный разговор с Господом.

Затем последние усилия подъема по уже описанным семи пролетам лестницы и... Благодатное пространство Покровского храма распахивается для тебя, словно материнские объятия.

Ах, ночная афонская молитва! Да разве можно ее как-то описать? Это уж кому как Бог даст почувствовать...

Словом, глядя на темнеющие в стасидиях фигуры монахов с опущенными в молитве головами, я понимал, для чего они приехали сюда и почему здесь остались.

Афон!

^ Глава 13. Папа Герасим

Ночь прошла в разговоре с Богом. Этот разговор протекал то в форме монолога, когда я тщательно пытался сформулировать скорее для себя самого (Господь и так все знает) какие-то мысли, чувства и переживания, то вдруг ощущал присутствие рядом со мною или даже, точнее — во мне — Слушающего и Слышащего, Любящего и Покрывающего.

В такие минуты передо мною вставало кроткое лицо «монаха» Феологоса, его понимающий взгляд, его добрая открытая улыбка, его умиротворяющий голос, напоминавший: «Ты, Алексей, не бойся... Богу видней, доверяй ему...»

Вспоминая о необходимости безообразной молитвы, я пытался отключиться от видения, оно отходило, но ощущение присутствия рядом со мной Того, Кто спас меня недавно от укуса змеи, оставалось...

В общем, как сказал батюшка Флавиан: «Это Лешкино, очень личное», и потому, пока не обвинили в «прелести», «ереси» и еще в чем-нибудь (А все равно — обвинят!), тему закрываю, тем более что о молитве на Афоне уже писано-переписано (и мной в том числе)!

Просто молиться надо чаще, больше и горячее, остальное все в свое время само придет...

И не забывать о том, кто — ты и Кто — Тот, к Кому ты обращаешься!

А Он — «есть Любовь»!

Как всегда! Только вошел во вкус молитвы, как этот отец Исидор, уже с амвона отпуст литургии возглашает, своим высоким, звонким, летящим голосом! Опять толком и помолиться-то не успел, как уже ночь прошла!

После трапезы, уже прикидывая, хватит ли у меня места на карте памяти в фотоаппарате для Силуановой мельницы, или лучше скинуть с нее все отснятое в ноутбук и не заморачиваться этой проблемой, выхожу я вслед за Флавианом, опять ведущим на ходу беседу с кем-то из монахов, как вдруг!..

— Батюшка! Алексей! — прямо на площадке у монастырского крыльца рядом с «мечтой джипера» стоит и окликает нас послушник Игорь!

Мы с Флавианом подошли к нему.

— Отче! Простите, что срываю с места, но надо срочно ехать! Отец Никифор каким-то образом договорился, чтобы Папу Герасима, которого сегодня из Лакку-Скити в Великую лавру перевозят, к нам в скит до завтрашнего утра погостить завезли! Это просто чуду подобно, так что садитесь и «на рывок»!

— А как же это... — растерялся я, — у меня только фотоаппарат с собой, а ноутбук в келье, успею сбежать?

— Какой ноутбук! — возмутился Игорь. — Такое событие, может, раз в жизни бывает, такой старец и у нас до утра!

— По коням! — коротко скомандовал Флавиан, и сам первый быстро влез на свое

«командирское» место.

— Вперед!

Ох уж эти афонские «раллисты»! Помните мое скромное описание езды с рыжим послушником Сергием в наш первый приезд на Афон?

Так вот!

Когда за рулем послушник Игорь, послушник Сергей, как сейчас говорит молодежь (и не только молодежь), «сидит и нервно курит»!

Что самое интересное, Флавиан, измучившийся от той же дороги, когда мы ехали по ней из скита в Пантелеймон, в этот раз дорогу словно и не заметил! И это при том, что пронесли мы по ней (хотел сказать «пролетели», но это бы не соответствовало истине, все-таки L200 не самолет) раза в четыре быстрее, чем тогда. Нереально, но факт, сам смотрел по часам и по Флавиану. Доехал свежий и живой!

Судя по стоящему во дворе скита «лендрроверудискавери» с греческими номерами, я догадался, что, скорее всего, Папу Герасима уже привезли в скит на этой машине, и, как выяснилось чуть позже, я не ошибся.

Едва мы въехали за ворота и припарковались рядом с «дискавери», как из дверей келейного корпуса вышли отец Никифор и с ним два греческих монаха, о чем-то оживленно по-гречески разговаривая. Греки подошли к своей машине как раз в тот момент, когда мы вылезали из своей, и, обменявшись с Флавианом и Игорем традиционными приветствиями, сели в свой «лендрровер» и укатили.

Отец Никифор подошел к нам.

— Ну, отцы и братия! Подлинно, что «человек предполагает, а Господь располагает»! Только я вчера перед повечерием позвонил в Кавсокалию, чтобы договориться о вашем визите к батюшке Герасиму, как мне говорят, что он в румынском Лакку-Скити и что его сегодня мимо нашего скита повезут в Великую лавру!

Я тут же перезвонил румынам в Лакку и попросил спросить у старца, не откажется ли он провести время до завтрашнего утра у нас в скиту, и через некоторое время мне сообщили, что Папа Герасим благословил привезти его к нам и оставить здесь до окончания утренней трапезы.

Самим румынам это, правда, не сильно понравилось, но против благословения старца никто и пикнуть не посмел!

— Отче! А где он сейчас? — не выдержал от радости я.

— Он... — не успел ответить отец Никифор.

— Здесь! Эвлогите, отцы! — раздался голос с крыльца.

— О, Кириос! — одновременно ответили обернувшиеся на этот голос отцы Флавиан и Никифор.

Мы все повернулись к крыльцу. Там, словно в раме картины или, точнее, иконы, в темном квадрате дверного проема стоял старец.

Это зрелище я не забуду до конца своих дней. Я увидел ожившую икону. Причем ожившую не только в том отношении, что писанное красками изображение вдруг зашевелилось.

Нет!

Икона ожила тем, что привычный для нас строгососредоточенный одухотворенный лик святого вдруг расцвел (я не смог подобрать другого, более точного слова, именно расцвел) непередаваемым светом любви. Величественного внутреннего достоинства и в то же время поистине неисчерпаемой отеческой любви.

Старец был высок, худ, слегка согбен в плечах, но в то же время чувствовалась в его осанке какая-то особая стройность, словно неизгладимая дореволюционная офицерская выправка. Лицо его было правильным, иконописно красивым и словно каким-то забытознакомым. Где-то я такое лицо встречал, причем недавно...

Догадка вдруг озарила меня! Конечно! Сквозь старческие морщины, сквозь ореол сияющей седины я узнал черты незабываемого лика «монаха» Феологоса. И тот же самый взгляд!

Наверное, таким же взглядом, каким смотрел на нас в тот момент Папа Герасим, смотрел евангельский отец, встречая у ворот своих возвратившегося блудного сына...

Мы подошли к старцу под благословение, он както просто и ласково благословил нас, и мы прошли в архондарик. Отец Никифор усадил Папу Герасима во главе стола, тот, не придавая этому какого-либо значения, спокойно сел на указанное место и улыбнулся.

— Отче Никифоре! — обратился он с улыбкой к отцу скитоначальнику. — Где же «евлогия» для братии? У тебя же гости! — Старец указал взглядом на нас с Флавианом.

— Они, отче, не гости, — отшутился отец Никифор, сделав, однако, знак послушнику Иллариону, — они здесь почти что свои насельники! Да и уехали от нас только позавчера!

— Здесь все «насельники» и все «свои» в Доме Пречистой Богородицы, — молвил Папа Герасим, глядя на нас с Флавианом, — на сколько бы дней паломник ни приехал в Святой удел, если он приехал сюда за пищей духовной, в гости к нашей Владычице. В какой бы он монастырь или скит ни пришел, пока он под крышей этой обители, он ее насельник и послушник Игумений горы Афонской!

Старец снова улыбнулся.

— Значит, батюшка, — не выдержав, обратился к старцу я, забыв всякую «субординацию», — пока я здесь, я что же, вроде как монах? Несмотря на оставшихся в России жену и детей?

— А чем ты здесь занимаешься? — спросил в ответ старец.

— Как «чем»? — немного растерялся я. — Ну, молюсь с монахами на службах и сам по себе тоже молюсь, посещаю святыни разные, там тоже молюсь, фотографирую немного...

— Живешь по распорядку монастырскому, постишься с братией, посещаешь службы с братией, порою и послушания какие-нибудь монастырские выполняешь, так? — снова спросил Папа Герасим.

— Так! — согласился я.

— Ну а братия-то чем здесь занимается? — продолжал старец. — Тем же: молитвой, постом, послушаниями! А некоторые монахи тоже фотографируют, — старец, прищурившись, посмотрел на меня, — во-от такими фотоаппаратами! — Он с улыбкой развел руки в стороны на полметра.

Я почему-то сразу вспомнил «никонище», виденный мною у монаха на пристани.

— Стало быть, если ты здесь, — Папа Герасим показал себе на грудь в области сердца, — и здесь, — он обвел рукой окружающее пространство, словно охватывая этим жестом весь Афон, — живешь как монах, то ты и есть монах! Разница лишь в одежде! Бывает и так, что по одежде монах, а в душе — мирской, поболее любого мирянина...

Послушник Илларион внес на подносе «евлогию».

Все присутствовавшие при этом разговоре разобрали с подноса чашки с кофе (Флавиану Илларион сварил отдельно, некрепкого, таблетки были проглочены), стаканы с ключевой водой. Большое блюдо с прекрасным тающим во рту лукумом быстро опустело (ох, видно, прав мой батюшка про мытарство чревоугодия!).

Чувствовалась какая-то радостно праздничная атмосфера, тихая, мирная, словно благоухающая...

— Алексей, — вдруг обратился ко мне старец.

Я сразу вспомнил, что имя мое ему еще никто не говорил.

— Пойдем, пока братия утешается, пошепчемся в экклесии, тебе ведь надо было о чем-то меня спросить?

— Мне? — от неожиданности растерялся я. — Это батюшке моему надо! Он ради этого и приехал к вам!

— С батюшкой твоим мы после вечерни побеседуем, — улыбнулся Папа Герасим, — а сейчас пойдем с тобой некоторые вопросы обсудим!

Мы со старцем встали, помолились, он жестом оставил всех сидеть, а я последовал за ним под благодатные своды скитской церкви.

^ Глава 14. Папа Герасим и я

— Ну что, Алеша? — улыбнулся Папа Герасим, когда мы сели в уголке храма в две стоящие под прямым углом одна к другой стасидии таким образом, что могли видеть лица друг друга. В улыбке старца и тихой ласке его взгляда мне вновь увиделись навсегда врезавшиеся в память черты лица «монаха» Феологоса. — Вспомнил, что хотел спросить?

— Да, батюшка! — сообразил вдруг я. — Сюда ехал, даже и мыслей никаких не было, у меня же есть духовник — отец Флавиан, я с ним привык уже все вопросы решать. А тут, за эти несколько дней, такие впечатления навалились, что голова кругом идет, даже мой батюшка, мне кажется, в некотором недоумении...

Во-первых, встреча с «монахом» Феологосом! Неужели это был Он сам?

Старец молча кивнул.

— Но почему мне? Сколько достойных, чистых душой и телом, подвизающихся в добродетелях, почему не им? Почему такое дерьмо, как я, прости меня Господи за такое слово в святом храме, почему я сподобился такой встречи? У меня голова свихивается от непонимания! За что, почему, для чего?

— Я думаю, — неторопливо начал старец, — эта встреча была тебе дана для того, чтобы ты сам, лично убедился, насколько Он близок всем нам, насколько Он человечен, Богочеловек! А ты, получив такой опыт, рассказал бы о нем другим людям, ведь тебе не зря дарован дар слова и возможность воплощать этот дар в своих книжках и статьях, которые люди читают и получают через них возможность теснее познакомиться с Тем, Кто есть Любовь!

Это твое послушание — воспринимать открытым сердцем все, что открывает тебе Господь, и доносить это до людей, чьи сердца тоже способны открыться навстречу Ему. Почему Его выбор остановился на тебе, я не знаю, да это и неважно. «Богу виднее! Доверяй Ему, Леша!» — вновь улыбнулся мне старец.

— Кажется, я понял, — вздохнул я, — теперь все это надо еще переварить и осознать во всей полноте... Господи! Какая же на мне теперь ответственность лежит, как ее понести?

— С Богом, Лешенька, сынок, только с Богом, — старец утешительно коснулся моего плеча, — «невозможное человекам возможно Богу». Вот и Павел апостол говорит: «...все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе»!

Уповай на помощь Божью, старайся свою часть работы делать старательно, добросовестно, остальное Господь сам восполнит! Проси Его, чтобы тебе стать орудием Его, чтобы не твое страстное человеческое естество довлело в исполнении этого послушания, но чтобы отъял Он от тебя всякую самость и сотворил тебя проводником Его любви к прочим людям! Тако и Богу послужишь, и сам спасеши!

— Понял! — снова вздохнул я, и словно что-то мешавшее отошло от меня с этим вздохом. — Благослови меня на этот труд, отче честный, и помолись о моей немощи!

— Бог благословит и укрепит тебя, Алексей! — сказал Папа Герасим, осенив меня крестным знаменем. — А ведь есть и еще нечто, волнующее твою душу, так?

— Так и есть, батюшка! — отозвался я. — Очень я запереживал от разговоров, услышанных мною от отцов в этот приезд. Про последние времена, заражение Афона вторжением мира, про «еврокельи» эти, что номерами отелей станут, про то, что сюда женщин могут пустить... Страшно мне от этого, просто сердце кровью обливается: неужели Господь попустит такую великую святыню осквернить?

— Не нам рассуждать о судьбах Промысла Божьего, Алешенька, — вздохнул старец, — что Богом Святой горе уготовано, того она не минует. Только ты вспомни о том, что Он ради нашего спасения и собственное Тело не пожалел, отдал на поругание и истязание злым человекам. Сперва было поругание, а потом и Воскресение во славе! Так и с Афоном будет...

— Трудно мне, батюшка, все это уложить в моем греховном сознании, даже представить себе такого не могу, — тяжело вздохнул я из глубины души.

— Представишь, Алеша, — старец вдруг посмотрел на меня каким-то проникающим насквозь взглядом, — все, что тебе будет необходимо, то и представишь и узиришь...

Он встал и снова улыбнулся, словно окатив меня волной тепла и любви.

— Пойдем, Лешенька! Скоро вечерня, отдохнем перед службой!

Мы вышли из экклесии.

Я был так переполнен чувствами и мыслями, требующими осмысления и разложения по полочкам в моей вспученной от их переизбытка голове, что автоматически направился в сторону кельи, где жил еще пару дней назад, и, уходя, услышал голос Папы Герасима:

— Отец Никифор! Еще немного времени есть до вечерни, пойдём-ка, пошепчемся в экклесии!

«Ага! — успел сообразить я. — Это он так отдыхает!»

Впрочем, я и сам отдохнуть толком не успел. Едва прилег на жесткое монашеское ложе в своем «пенальчике», едва почувствовал, как на перегруженное впечатлениями сознание накатывает спасительная волна засыпания, как — «то-та-та-та, то-та-та-та» — застучал деревянный молоток в ручной талантос, созывая братию на соборную молитву. Хотя, может быть, полчаса я и продремал...

Вечерня прошла для меня благодатно-невнятно. То есть мне было необыкновенно мирно, тихо и радостно как-то, молитва словно сама творилась в моей душе без всякого напряжения воли и сознания. Как раз сознание-то и подводило меня всю службу, постоянно норовя уплыть куда-то, где ему явно было бы комфортнее обходиться без меня самого.

Словом, к концу вечерни я тихим младенческим сном почил в угловой стасидии, отгороженной к тому же двумя большими иконами от основной части церкви так, что увидеть там спящего меня можно было, только специально заглянув в этот укромный уголок. Очевидно, туда после вечерни никто не заглянул, а мое отсутствие на трапезе, скорее всего, объяснили «опочиванием» в келье «с устатку».

Проснулся я в той же стасидии от звука двух знакомых голосов, негромко ведущих беседу прямо за перегородкой из икон, отделявшей мое местоположение от разговаривающих. Один голос принадлежал отцу Флавиану, другой Папе Герасиму. Я замер, не зная, как себя повести. Встать и выйти? Возможно, так и надо было бы сделать, но я побоялся разрушить своим появлением ту особую интимную атмосферу, которую я сразу почувствовал, услышав лишь первые звуки голосов, мне показалось, что Флавиан исповедует. Решив, что старец наверняка своим благодатным даром знает о моем присутствии и выгнал бы меня, если бы счел это необходимым, я тихонько, стараясь не скрипеть стасидией, размотал с левого запястья четки и попробовал углубиться в молитву. Однако мозг мой упорно не желал отключать слуховой аппарат, и я вынужденно стал свидетелем того сокровенного разговора.

^ Глава 15. Папа Герасим и Флавиан

— Батюшка! — говорил Флавиан, и в голосе его послышалась настолько неподдельная горечь, которой я и предположить не мог в своем духовнике. — Батюшка! Я в глубоком духовном кризисе, мне очень тяжело, и я с трудом справляюсь с искушением впасть в отчаяние!

Услышав эти слова, я просто вошел в ступор! Мой добрый, любвеобильный и терпеливейший духовник, мудрый и внимательный, говорит такие слова, причем явно с трудом сдерживая слезы?!

— Внешне у меня все благополучно, — продолжал Флавиан, — вокруг меня стабильная, постоянно растущая община, Господь приводит ко мне множество прекрасных людей, с душами, способными познавать и глубоко ощущать Бога, с большим потенциалом духовного роста. Господь дает мне ниву, которую необходимо возделывать разумно и добросовестно! Но я не успеваю «идти впереди своей паствы» ни в духовном, ни в интеллектуальном развитии!

Порой я больше учусь у прихожан, чем они у меня! Текучка пастырской работы настолько отнимает у меня и физические и душевные силы, что этих сил мне уже не хватает порой даже для совершения обычного монашеского молитвенного правила, не говоря уже о какой-либо сугубой молитве за самого себя и за тех же духовных чад и прихожан!

Я вообще ощущаю себя монахом только здесь, на Святой горе! Это что-то неестественное — быть монахом и одновременно приходским священником. Монашество призывает тебя в келью, в уединение, в глубину сердца, а священство выталкивает тебя к людям и понуждает служить им.

А новые люди все приходят и приходят, и я не могу отгородиться от них своим монашеством, так как ношу, по благодати священства, образ Христа, сказавшего: «Грядущего ко мне не иждену вон!» Но у меня уже не хватает ни сил, ни ума, чтобы давать людям ту духовную пищу, которая необходима им, я перестаю понимать, зачем они приходят, что они находят во мне, как в пастыре, как в духовнике, кроме усталого, еле шевелящего мозгами и словами стареющего больного попа?

От усталости и изнеможения мне все тяжелее справляться с нападками раздражения и нетерпеливости, особенно когда приходится во сколько-то тысячный раз объяснять очередному пришедшему, что дважды два равняется четырем и что нельзя совать палец в розетку с электричеством, чтобы при этом тебя самого не ударило! А тот еще и не желает воспринимать, казалось бы, таких простых истин!

Я больше отдаю, чем собираю, и потому чувство глубокой опустошенности давит и преследует меня.

Только чудная милость Божия и Его Божественная благодать через совершаемые мною таинства еще поддерживают меня на плаву!

Что делать, отче? Мои человеческие силы на пределе, и я боюсь, что скоро стану совсем неспособным давать людям то, зачем их присылает ко мне Господь!

— Отченька, дорогой! — с какой-то особой родительской нежностью заговорил Папа Герасим. — Да какие же у нас силы-то человеческие — немощь одна! Слава Господу, что Он дает тебе сейчас ощутить это в такой полноте, это есть великая Его к тебе милость! Помни, что «сила Божия в немощех наших совершается» и что люди идут к тебе не потому, что видят в тебе умного и опытного наставника и учителя, а потому, что видят воочию в тебе образ Божий и чувствуют исходящую через тебя Божью благодать и любовь! За ней, за любовью-то, и идут к тебе страждущие, в миру этой любовью обделенные!

Так ты и проси Бога не об одном лишь том, чтобы Он тебе давал силы, ума и опыта, а еще и о том, чтобы Он сам действовал в тебе и через тебя не только при совершении тобою священнодействий, но и при каждом твоём соприкосновении с живой человеческой душой! Нам, пастырям, надлежит стать лишь орудиями в руках Божиих, через которые Господь сам будет питать алчущих Истины и поить жаждущих Жизни «водою текущей в жизнь вечную»! «Не нам, Господи, не нам, но Имени Твоему» даждь действовать через нас, пастырей Твоих, и

прославляться в людях!

Любви! Любви Божьей проси себе, как драгоценного сокровища, которое чем больше будешь ты раздавать, тем больше будет в тебе умножаться! А любовь Божья, приходя в твою душу, сама тебя и умудрит, и слово даст действенное, проникающее до глубины сердца человеческого и производящее в нем благодатное преображение!

Проси у Бога главного — сотворить тебя любвеобильным! Остальное приложится...

Пастырь без любви — фарисей и наемник, каким бы он умным, образованным и опытным ни был! Бог есть Любовь, и соединение с ним, обожение, только в Его любви и происходит! Чем больше ты отдашь любви людям, тем большее благодатное утешение получишь и сам, вон как та епитрахиль, — старец указал на висящую у Царских врат иконостаса по афонскому обычаю епитрахиль, — чем больше ты в ней служишь, тем сильнее она ладаном пахнет! Понял меня, пастырь Христовых овец?

— Кажется, понял, отче честный! — с глубоким вздохом, в котором явно слышалось облегчение, ответил Флавиан.

— О чем ты еще посоветоваться хотел, батюшка Флавианушка? — со вновь зазвучавшей отеческой нежностью спросил старец.

— О евхаристии, отче!

— О чем, о чем? — казалось бы, удивился старец.

— О причащении Святых Христовых Тайн, отче! За двадцать с лишним лет священнического служения, наблюдая и анализируя жизнь своих прихожан и чад духовных, я пришел к выводу, что причащение Святых Христовых Тайн в наше время должно стать главным средством соединения людей с Господом!

— Оно таким всегда и было, с апостольских времен, отче! — живо отозвался Папа Герасим. — Что же сейчас изменилось?

— Изменилось отношение христиан к этому таинству, отче, особенно у нас в России, — ответил Флавиан.

— Сейчас в России удивительное время! — закрыв глаза, сказал старец. — Моя семья бежала из России в тот момент, когда казалось, что не только Россия, но и весь мир сошел с ума, и рушилось все, что было дорого и ценно для русского верующего человека!

Я вырос в эмиграции, жил в разных странах, но везде тосковал по родине, и нашел свою Россию здесь, на Святой горе. Здесь есть то, что объединяет во все века Святую Русь и Святую гору — святость христианского идеала и святость жизни подвижников!

Ведь недаром и Афон и Россия являются тем, что здесь называется «Агион Орос» — Святой удел, место особого покровительства Пречистой Богородицы! Недаром и монашество, как совершенная жизнь во Христе, тоже пришло на Русь с Афона, из маленькой пещерки над монастырем Эсфигмену, в лице смиренного инока Антония!

Думаю, что и сейчас Святой горе есть чем поделиться с моей далекой родиной, чудесно восстающей из праха и попрапия духовного...

Папа Герасим умолк.

— Именно так, батюшка! — горячо продолжил разговор Флавиан. — Именно так! Нам в России сейчас остро не хватает того опыта церковной, в первую очередь монашеской жизни, который, даже несмотря на многолетнюю турецкую оккупацию, здесь сохранился во много раз полнее, чем в многострадальной России. Ведь у нас, даже не беря в расчет последние семьдесят лет господства воинствующего безбожия, вся церковная жизнь в синодальный период после Петра насильно перекраивалась на западный, формальный и бездуховный манер!

А что творилось с русским монашеством в те времена! У меня волосы дыбом вставали, когда я глубже вник в изучение монашеской жизни в России восемнадцатого и начала девятнадцатого века! Монашество просто истреблялось, как форма подвижнической христианской жизни!

Чудом Божиим являлись на Руси такие светила, как Серафим Саровский, Оптинские старцы, еще немногие отдельные подвижники по разным местам. Именно чудом!

И именно вопреки, а не благодаря той бездуховной атмосфере русской религиозной жизни, в которой им довелось нести свой подвиг, сопровождающийся непониманием, а подчас поруганиями и гонениями от «своих»!

А что уж говорить о приходской жизни в стране, где монашество перестало быть светом и примером для мирян! Уже при жизни самого императора Петра развращенное его «всешутейшими и всепьянейшими соборами», этими кощунственными и богохульными языческими оргиями, да и всей его антирусской и антиправославной деятельностью, так называемое «образованное общество» отвергло Евангелие как смысл и путь жизни, стало относиться к церковной жизни как к чему-то формально-обязательному, внешнему и малозначительному.

Соответственно и отношение к таинствам Церкви у многих людей тоже утратило благоговейность и превратилось в чистую «отмечаловку». Империя была православной, и только православные в ней были полноценными гражданами без ограничений в правах, какие имели представители других религий. Вот для подтверждения своей «православности» каждый и обязан был, сначала царским указом, а потом и постановлением Синода, раз в год поучаствовать в таинстве покаяния и принять Святое причастие.

То есть человек, который мог весь год не поститься ни в среду, ни в пятницу, ни в многодневные посты, не ходить в церковь на богослужения, не молиться и вообще быть «вольтерьянцем»-атеистом, раз в году приходил в приход, к которому он был приписан и где был занесен в метрические книги, формально исповедовал грехи, причащался, — и еще год мог спокойно продолжать вполне языческую жизнь.

Причем бывали случаи, когда «просвещенные» люди, не желая «отметиться» даже таким образом, нанимали за небольшие деньги какого-нибудь бессовестного проходимца! Он — за полученные деньги! — шел в церковь, исповедовался, причащался и отмечался под именем заплатившего в «исповедальных» книгах!

Войдя в обиход Русской Церкви, такая практика привела к тому, что даже искренне верующие люди стали считать достаточным раз в году поговорить несколько дней в течение Великого поста, исповедаться и причаститься. Те же, кто повторял такой «подвиг» в другие многодневные посты, считались просто «подвижниками»!

А уж если кто из «образованных» мирян регулярно посещал по воскресеньям церковь, соблюдал все посты и часто причащался, такового почитали чуть ли не «еретиком»!

Именно так и случилось в студенческие годы со святителем Игнатием Брянчаниновым, когда о его посещении Божественной литургии каждое воскресенье и частом причащении, как о подозрительном поведении, начальству написал донос сам священник, у которого будущий святитель исповедовался и причащался!

Да и само богослужение старательно превращали из молитвенного общения с Богом в некое театральное действо — с оперным пением, сокращенным уставом и внешней помпезностью. Одна из императриц чуть не ввела в богослужение оркестр! Только искренняя вера простого народа, в основном крестьян, была тем противовесом, который не дал России скатиться к полному безбожию.

— Да, Флавианушко, милый, — вздохнул Папа Герасим. — Февральский и Октябрьский перевороты семнадцатого года не на пустом месте произошли, почва для них была давно приуготовлена и удобрена...

Но ты, отчинька, за прошлое-то не горюй — попустил Господь тому искушению быть, значит, и оно не без пользы для Русского Православия было, для спасения душ человеческих. Зато теперь вашему брату — русскому попу — только поворачивайся! Какая нива для жатвы созрела!

— Созрела, отче! — подтвердил Флавиан. — Только жнецов мало, да и работники мы неумелые...

— А с чего ж вам умелыми-то быть, — улыбнулся старец, — уменье с ученьем да с опытом приходит, а у вас и того и другого кот наплакал! Только ведь и Господь вашу немощь видит и незримо Своей благодатной силой восполняет. А иначе и вообще бы не было в России никакого возрождения церковной жизни!

^ Глава 16. Евхаристия

— Возрождение, батюшка, как сейчас говорят, «имеет место быть», — отозвался Флавиан, — только могло бы оно куда как быстрее идти! Кабы мы, священники, можно так сказать, не одним веслом только гребли, а двумя одновременно! Тогда бы и кораблик наш вперед бы двигался, а сейчас больше на одном месте крутится!

— Из чего ты, отчинька, такое заключаешь? — спросил Папа Герасим.

— Из практической приходской жизни, отче! — ответил Флавиан.

Одно «весло» у нас хорошо работает — распространение знаний о Боге, о Церкви, о духовной жизни. Книг хороших множество издается, Святых Отцов, церковно-исторических, житийных, современных хороших авторов немало появилось, и священников и мирян.

Любой желающий узнать больше о православии сейчас легко свое желание удовлетворит: хочешь — книги читай, хочешь — на аудионосителях те же книги слушай, будь то проповеди священников или записи богослужений. Фильмов православных много снимают: и о святых, и об угодниках Божьих, и о святых местах. Теоретически «подковаться» нынче несложно.

А вот «второе весло» — практическое стяжание православными благодати Духа Святаго — отстает, и сильно отстает! Ведь какие у нас способы стяжания Благодати: первое — молитва, второе — деятельное исполнение заповеди о любви к ближним и самое главное, без которого ни первое, ни второе как следует не исполнить, — благоговейное причастие Святых Тайн

Христовых! Так я говорю, отче?

— Так, Флавианушко, так, — кивнул старец.

— А вот с этим-то у нас и главная проблема, с причащением Святых Даров Тела и Крови Господних! В начале восьмидесятых, когда я только воцерковился, на большинстве приходо́в считалось нормальным причащаться четыре раза в году, во все большие посты, перед праздниками, а где настоятели разрешали, то и в самый день праздника.

Если человек во все двенадцать главных праздников причащался, то это уже казалось «высокой духовной жизнью», так часто в основном только «церковные» бабушки-пенсионерки причащались. Для работающего пять дней в неделю мирянина непросто и попоститься три—пять дней, и перед причастием на всюнощной побывать, и все каноны с акафистом да с молитвами вычитать. Да еще и к исповеди подготовиться, и непосредственно перед литургией или после всюнощной поисповедоваться и разрешение от грехов получить!

Потому и откладывали многие свое участие в таинстве причащения на большие посты, когда и так говеешь, храм чаще, чем обычно, посещаешь, за душой внимательнее следишь.

Когда я в конце восьмидесятых годов принял священный сан и вскоре был назначен настоятелем в Покровское, то поначалу придерживался такой же, общепринятой, практики причащения прихожан. И уже впоследствии, наблюдая в течение ряда лет процесс развития и совершенствования в духовной жизни многих своих прихожан и чад духовных, я обратил внимание на самую прямую взаимосвязь между частотой причащения и степенью активности духовной жизни нынешних православных христиан.

Мне стало совершенно очевидно, что чем чаще христианин приступает к таинству Святого причащения, тем лучше он защищен от любых форм демонических нападений и тем эффективнее идет процесс его собственного духовного развития и совершенствования в богоугодной жизни по заповедям Евангелия.

После этого я стал постепенно ориентировать своих прихожан на все более частое причащение Святых Христовых Тайн, сперва благословляя их причащаться во все двенадцатые праздники и в дни ангела, затем дойдя до регулярного причащения не реже чем раз в две недели. Результаты удивили меня! Многие из часто и регулярно причащающихся прихожан довольно быстро духовно окрепли, приобрели мирное и доброжелательное расположение духа, внимательную и сосредоточенную молитву, укрепились в борьбе с греховными помыслами, изжили в себе мучившие их, порой в течение долгих лет, страсти!

И тогда я всерьез задумался над вопросом, который раньше никогда не задавал себе, поскольку был воспитан с начала своей церковной жизни в уже устоявшейся традиции, считал само собой разумеющимся: как часто надо христианину приступать к таинству Святого причащения?

Ответа на этот вопрос я начал искать в святоотеческой литературе, в практике древней Церкви и в современной практике других православных Церквей. Результат поисков ошеломил меня.

Оказалось, что уже на Первом Апостольском соборе, в Иерусалиме в пятьдесят первом году от Рождества Христова, было установлено, что христианин, присутствовавший на Божественной литургии, слушавший Евангелие, а затем ушедший не причастившимся, должен просто отлучаться от Церкви! Но почему апостолы приняли такое жесткое установление?

И тут меня озарило — ведь вся внутренняя логика и смысл Божественной литургии не в

присутствии на ней, а именно в причащении! Мы ведь, будучи приглашенными дорогим для нас человеком на праздничную трапезу, приходим и садимся за стол именно для того, чтобы вкусить предложенных яств и возблагодарить хозяина, а не для того, чтобы только сидеть за столом, глядя, как вкушают другие, и лишь обонять ароматы этих яств!

А тут — Трапеза, уготованная Самим Господом, на которой он преподает нам Свои Тело и Кровь «во исцеление души и тела, во оставление грехов и в жизнь вечную»! И если наш отказ от угощения в гостях способен принести скорбь хозяину дома, то не большим ли оскорблением Хозяина жизни нашей является наш отказ от соединения с Ним в таинстве евхаристии, когда Он Сам призывает нас: «Со страхом Божиим, верою и любовью приступите! Примите, ядите, Сие есть Тело мое... Пийте от Нея вси, Сия есть Кровь моя... за вас и за многих изливаемая во оставление грехов!»

А ведь нередко в наших храмах бывает, когда священник, вышедший на амвон со святой чашей в руках и возглашающий: «Со страхом Божиим и верою приступите», — не обнаруживает «приступающих» ни одного, хотя в храме в это время может находиться немалое количество молящихся!

По внутренней логике таинства причащения получается, что каждый христианин, за исключением «оглашенных» и запрещенных от причастия епитимией, не просто может, а должен причащаться за каждой Божественной литургией, на которой он присутствует!

Соответственно для мирян, работающих в течение пяти дней в неделю и обязываемых заповедью седьмой день посвящать «Господу Богу своему», нормой является причащаться за каждой воскресной Божественной литургией! А если кто из них имеет возможность посетить еще и праздничное богослужение, пришедшееся на будний день, то таковой мирянин может причаститься и в праздник! Я правильно рассуждаю, отче?

— Правильно, Флавианушко, правильно! — кивнув, подтвердил Папа Герасим.

— Тогда встает вопрос, — продолжил Флавиан, — как готовиться к причастию современному работающему мирянину, начавшему причащаться в каждое воскресенье и в церковные праздники? Во всех молитвословах приведена норма приготовления к Святому причащению, установленная в восемнадцатом веке для тех, кто причащался раз в год Великим постом: говение в течение трех—пяти дней, включающее в себя воздержание от скоромной пищи и супружеского общения, обязательная исповедь перед причащением и вычитывание трех канонів с акафистом и «Последования ко Святому причащению».

Один или несколько раз в году работающий мирянин, может найти и выделить необходимое время для такого приготовления. Но если он начнет вести свою евхаристическую жизнь так, как это следует из вышеупомянутой логики таинства причащения, то есть причащаться в каждое воскресенье и в праздники, то вся его мирская и семейная жизнь придет в расстройство, потому что поститься ему придется практически круглый год!

А еще и необходимость «обязательной» исповеди перед причащением!

Опять-таки если мирянин приступает к таинствам покаяния и причащения редко, тогда эта необходимость очевидна. Но если он живет стабильной церковной жизнью, постоянно следит за мыслями и чувствами, старается исполнять заповеди Божьи, не совершает серьезных грехов, то порой такому мирянину приходится просто вымучивать из себя хоть что-нибудь, в чем можно было бы поисповедоваться, стоя у аналоя с Крестом и Евангелием, только для того, чтобы над ним прочитали разрешительную молитву и допустили к причастию.

Таким образом, происходит профанация таинства покаяния! Оно из сокровенного, преображающего душу действия, происходящего в сердце христианина, превращается в очередную «отмечаловку», в «так положено»!

А ведь апостол Павел пишет в Послании к коринфянам: «Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от Хлеба сего и пьет из Чаши сей». То есть христианин сам является главным цензором своей души, опираясь на совесть и заповеди Божьи.

И современный греческий богослов архимандрит Даниил Аэракис вторит апостолу: «Если верующий имеет благословение от духовника на частое (каждое воскресенье) причащение, пусть исследует свою совесть. Если она не обличает его в тяжких грехах, тогда пусть переходит к подготовке к Божественному причастию — нет необходимости исповедоваться перед каждым причащением».

То есть потребность в исповеди перед причащением должна определяться не «обязаловкой», а совестью самого христианина и благословением его духовника.

Тогда я начал размышлять — а ведь мы, священнослужители, причащаемся за каждой Божественной литургией, которую совершаем, исповедуемся по потребности души — так часто, как сами считаем необходимым, постимся только в среду, пятницу и в многодневные посты. Почему же мы тогда возлагаем на мирян те самые «бремена неудобноносимые», о которых говорил Спаситель книжникам и фарисеям, причем такие, которых не носим сами?

Не становимся ли мы теми, к кому обращались слова Христа: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам, ибо сами не входите и желающих войти не допускаете»?

А чем мы, пастыри, принципиально отличаемся от мирян? Только правом учить в Церкви, и властью совершать священнодействия силою Божественной благодати, данной нам при рукоположении! И все! В остальном мы ничем не «святей» мирян, тем более настолько, чтобы нам можно было допускать себе то, чего мы не допускаем мирянам!

Заинтересовавшись практикой причащения в других православных Церквях, в частности греческой, я увидел, что благочестивые верующие люди в Греции могут причащаться каждое воскресенье, исповедуясь только тогда, когда к этому их подталкивает собственная совесть. Постятся они в среду, пятницу и в большие посты, перед причащением соблюдают лишь обычный «евхаристический» пост — с полуночи и до причащения. Подобная практика имеет место отчасти и у сербов, и у болгар, и в других православных Церквях.

Тогда я начал искать ответ на свои вопросы о взаимосвязи исповеди, поста и причащения и о частоте принятия мирянами Святых Тайн у Святых Отцов. Господь послал мне прекрасное исследование на эту тему, книгу преподобного Никодима Святогорца и святителя Макария Коринфского под названием «Книга душеполезнейшая о непрестанном причащении Святых Христовых Тайн». В ней эти засвидетельствованные благодатными дарами Отцы, святоотеческим Преданием обосновывают необходимость для христианина, желающего иметь благодатную жизнь во Христе, частого причащения Тела и Крови Христовых.

Причем в своем исследовании преподобный Никодим и святитель Макарий опираются на мнение таких несомненных духовных авторитетов, как Иоанн Златоуст, Василий Великий, Григорий Богослов, Кирилл Александрийский, Симеон Солунский, Николай Кавасила, Ефрем Сирийский, и множества других богоносных Отцов. Все как один они утверждают необходимость возможно более частого причащения Святых Тайн для христиан.

Укрепившись авторитетным мнением Святых Отцов по вопросу о частоте причащения для мирян, я благословился у своего епархиального архиерея выступить на эту тему на епархиальном собрании духовенства. Что там было! После моего достаточно спокойного в эмоциональном отношении выступления просто поднялась буря! Многие, в большинстве своем молодые священники, горячо поддержали меня, но немалое количество отцов заняло и резко отрицательную позицию, приводя аргументы от: «Из-за частого причащения у мирян теряется благоговение к святыне» и до: «Тебе что, отец, больше всех надо? В благочинные рвешься?»

— А как воспринял твое выступление владыка? — поинтересовался Папа Герасим.

— На удивление спокойно, — ответил Флавиан. — Владыка выслушал мнения всех выступавших, а потом объявил: «Отцы! До тех пор, пока данный вопрос не изучен священноначалием и по нему нам не прислано рекомендаций от Священного Синода и Святейшего патриарха, благословляю всех настоятелей определять частоту причащения своей паствы в соответствии с собственной пастырской совестью! Не препятствуйте желающим причащаться часто, но и не гоните это делать насильно. Обращайте внимание на внутреннюю готовность конкретного человека приступить к святыне Тела и Крови. Так же и с исповедью, определяйте сами: кому она перед причащением необходима, а кого можно допустить к причастию и без исповеди, — вы должны лучше знать своих прихожан. А всем вам, отцы, я рекомендую ознакомиться с теми творениями Святых Отцов, на которые ссылается отец Флавиан в своем докладе, может быть, кто-то из вас и найдет в них для себя что-нибудь полезное!» На том и порешили пока.

— Ну что ж! Мудрый у вас владыка! — покачал головой старец.

— Мудрый, отче! Он уже старенький, в гонениях за веру пострадал, в лагерях сидел, и ко всем священникам очень доброжелательно относится...

— Так в чем вопрос-то, Флавианушко? — поднял голову Папа Герасим.

— Да вот смущают меня помыслы, отче. Не зря ли я всю эту бучу поднял, ведь получилось, что я священников между собою столкнул, в искушение многих ввел. А тут еще перед отъездом сюда из соседней епархии звонили, приглашают выступить на эту же тему на каком-то пастырском семинаре...

Может, мне надо было сидеть тихонько у себя на приходе, вести доверенную Богом паству, как совесть подсказывает, и не высовываться со своими мнениями на широкую аудиторию?

— Ну вот! — улыбнулся старец. — Мы тут у себя маленькое «царство Божье» будем строить в отдельно взятом приходе, а другие пусть сами как хотят? Все тело болеет, а мы только «свой мизинчик» лечить будем?

Нет, отче! Гони эти помыслы, они от лукавого. Христос не побоялся сказать: «...не мир пришел Я принести, но меч». И апостолы не побоялись проповедовать «Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие», и стать для кого-либо «искушением»! Вот и ты, отчинька, не бойся, что о тебе кто-то искутится, бойся промолчать там, где молчать нельзя: «молчанием предается Бог»!

Ты прав, без причащения Тела и Крови Христовых «тело» Церкви не может нормально существовать, как и любое живое тело при нарушении кровоснабжения. Тут, на Святой горе, большинство монахов причащается четыре раза в неделю, а есть кто и чаще. Время сейчас такое, что, если христиане не будут часто причащаться, не будет у них и сил противостоять врагудиаволу, который все лютее на овец Христовых нападает, чувствуя, что времена его

власти к концу подходят. Будет он и еще лютее нападать.

Потому мы, воины Христовы, должны каждый тем оружием, что ему Христос даровал — молитвой ли, словом ли, пастырским служением, — не щадя себя воинствовать, не оглядываясь, соблазнится ли кто о нас!

Вот и ты воинствуй, отче! Призывай чад церковных к теснейшему соединению со Христом в Его Святых Тайнах, и через то ко спасению, где и как можешь, тем и сам спасен будешь! Леша вон тебе помощником будет. Верно, Лешенька? — Старец повернул голову в мою сторону.

— Да, отче! Как благословите! — от неожиданности подпрыгнул я, загремев сиденьем стасидии.

— Ты, Лешенька, запомни получше все то, о чем мы тут с батюшкой твоим говорили, раз уж привел тебя Господь услышать, ну и запиши потом...

Снаружи раздался стук талантоса на повечерие.

^ Глава 17. Мельница преподобного Силуана

Сами понимаете, все повечерие я героически сражался с цунами чувств и мыслей, накатившим на меня после услышанного разговора между Флавианом и Папой Герасимом, да и мой собственный разговор со старцем тоже еще не успел перевариться и осесть в сознании. Словом, только с третьей четки мне кое-как удалось «зацепиться за молитву», а тут уже и повечерие вскоре закончилось.

Литургию утром возглавлял старец.

О! Этот подарок от Господа я не забуду никогда!

Я очень люблю службы, которые совершает Флавиан. У него красивый звучный голос, каждое слово он произносит четко, внятно, словно любовно «вычеканивая» слова молитв и священнических возгласов. В голосе служащего Флавиана всегда звучит искреннее молитвенное чувство, которое не оставляет равнодушным молящегося, но подхватывает, увлекает за собою, делается твоим собственным чувством и соединяет тебя с молящимся пастырем в то единство, о котором сказано «единими устами и единым сердцем».

Старец молился не так. Все его возгласы и молитвы, произносимые слабеющим, слегка хрипловатым голосом, не несли вообще никакой эмоциональной окраски. Поразительная простота, с которой Папа Герасим возносил свои молитвы, превращала их в искренний сердечный разговор двоих — старца и Бога — где его второй Участник, незримо присутствовавший в алтаре, ощущался настолько явственно, что мне хотелось заглянуть туда, за алтарную преграду, в надежде увидеть... Я думаю, вы сами догадываетесь Кого.

Старец служил, и в маленькой скитской церкви ощущалась такая концентрация Любви, что, казалось, сердце не выдержит того умиления, которое переполняло и охватывало все мое существо. Я оглядел сослужащих с Папой Герасимом отцов Флавиана и Никифора, молящихся рядом со мною монахов, и по их светящимся лицам и влажным глазам понял, что и они испытывают нечто схожее с моими ощущениями.

Слава Богу! Значит, я не свихнулся и не впал в прелесть! Слава Богу! Это просто Господь в очередной раз одарил меня Своей несказанной Любовью! Слава Богу! Этот дивный дар

благодати я навсегда сохраню в своем сердце. Слава Богу!

Причастились все.

Сразу после трапезы прикатившие на все том же «лендровере» греческие монахи увезли Папу Герасима в Великую лавру, перед отъездом он попрощался с каждым по отдельности, со мной тоже.

— Лешенька! — Старец посмотрел мне в глаза своим внимательным, исполненным отеческой заботой взглядом. — Ты только помни, что бы тебе ни пришлось пережить и увидеть, все это есть только — Его — к нам, грешным, неисчерпаемая Божественная Любовь! Что бы ни случилось! Богу виднее! Доверяй Ему, Алексей!

Старец улыбнулся, крепко сжал мою, подставленную под благословение ладонь, и в его улыбке вновь мелькнули незабываемые черты «монаха» Феологоса...

— Ну, уж на этот раз, батюшка, мы просто обязаны посетить мельницу преподобного Силуана! — начал я «наезд» на своего духовника, когда мы, взрывая пыль колесами любимого пикапа по дороге от скита к Пантелеймону, вновь приблизились к проглядывающей сквозь листву справа старой черепичной крыше неработающей мельницы.

— Хорошо! — неожиданно смиренно согласился Флавиан. — Давай посетим.

Игорь вывернул колеса на боковой съезд вправо и метров через тридцать остановил машину на небольшой площадке около довольно большого четырехэтажного здания, прилепившегося противоположной от площадки стороной к поднимающемуся резко вверх косоугору. Слева от площадки, вниз по склону, располагалось еще одно здание, поменьше, с белым каменным крестом, венчавшим четырехскатную, крытую серой каменной «чешуей» крышу. Очевидно, в нем располагалась домовая церковь.

Судя по всему, это был келейный корпус, а большое здание справа — сама мельница. Мы вылезли из машины. Игорь подошел к дверям келейного корпуса, они были закрыты.

— Жаль! — сказал он. — Здесь, как раз находится та домовая церковь, из иконостаса которой во время молитвы преподобного Силуана к нему вышел Спаситель. Там теперь икона такая висит на стене «Явление Спасителя преподобному Силуану». Ключ от этого здания только в Пантелеймоне, наверное, у отца-эконома...

— Ну что же! — примирительно сказал Флавиан. — Будет повод еще раз сюда приехать!

Игорь подошел к двери самой мельницы, на ней тоже висел, судя по виду, давно не открывавшийся замок.

— Не беда! Батюшка! С той стороны здания, с горы, есть еще один вход прямо на четвертый этаж мельницы, туда только пешая тропинка от дороги. Давайте поднимаемся, я знаю, где там, в потайном месте, ключ спрятан, там мы точно войдем!

Флавиан с сомнением посмотрел на круто поднимающуюся вокруг мельницы вверх по склону заросшую кустарником тропу.

— Да ладно, отче! — подзадорил его я. — Ты же на вершину подниматься хочешь, вот тебе и

тренировка!

Флавиан вздохнул и смиренно полез вверх по тропинке, мы с Игорем последовали за ним. Пару раз нам преграждали путь лианоподобные плети кустарника, и Игорь, орудуя большим десантным тесаком, всегда висевшим у него на поясе, словно мачете, прорубил нам сквозь них путь. Через несколько минут, слегка запыхавшись, мы уже стояли перед невысокой, деревенского вида дверью.

— Вон там, справа, — Игорь показал в сторону видневшегося сквозь старый сломанный заборчик каменного сооружения, — водосборник, искусственный водоем, куда собираются текущие с горы воды. Из него раньше через специальное отверстие вода подавалась на мельничное колесо сильной струей, которая это самое колесо и крутила. А колесо крутило жернова внутри здания, их-то мы сейчас с вами и посмотрим!

— Игорек! — Я схватился за фотоаппарат. — Ничего, если я сейчас по-быстрому водоем сфотографирую?

— Фотографируй на здоровье, только под ноги посматривай, в этом месте, говорят, змей много, а они в жару любят у воды отдыхать!

— Спаси Бог за предупреждение! — Я, осторожно глядя под ноги и вокруг по земле, подошел к искусственному бассейну, выложенному из крупных серых камней, сделал несколько снимков и вернулся к двери. Игорь уже достал откуда-то из потайного места ключ и открывал перед Флавианом старую дверь на скрипучих кованых петлях.

Мы вошли внутрь, перед нами был коридор с несколькими дверями. Я осторожно приоткрыл ближайшую из них.

— О! Да здесь, кажется, кто-то живет! — не удержался я от возгласа, увидев чисто прибранную келейку с убранной постельными принадлежностями кроватью и стоящими около кровати шлепанцами.

— Очень может быть, — подтвердил Игорь, заглянув в келью вслед за мной, — я уже давно здесь не был, возможно, кто-нибудь из пантелеимоновских получил благословение здесь отшельничать.

— Тогда не будем любопытничать в отсутствие хозяина, — сказал Флавиан, прикрывая дверь кельи, — а что это за лестница, идущая вниз? — обратился он к Игорю.

— Спускайтесь, отче! Там самое интересное, зал с жерновами! — отозвался наш провожатый.

Мы осторожно спустились по узкой старой, потрескивающей под нашим весом лестнице и оказались в просторном помещении, наполненном какими-то незнакомыми предметами и приспособлениями. Единственное, что я сразу опознал, были большие каменные жернова, установленные в двух местах около глухой стены.

Над ними нависали какие-то деревянные желоба, по которым, очевидно, к жерновам подавалось для помола зерно, везде на полу были разбросаны архаичного вида инструменты, не всегда понятного назначения. В приоткрытом люке виднелась часть большого зубчатого колеса, очевидно в прошлом приводившего в движение эти самые каменные жернова.

Быстро отщелкав все окружающее, я обратился к Игорю:

— Игорек! А давай еще ниже спустимся, отче, благословишь? — Я посмотрел на Флавиана.

Тот, еще не вполне отдышавшийся после подъема в горку и последующего спуска по лестнице, мотнул головой.

— Вы, ребята, спускайтесь, а я потихоньку выползу наружу и посижу, подожду вас у двери, вроде бы там какая-то приступочка была!

Мы послушно кивнули и отправились еще глубже в таинственные недра старой мельницы, а Флавиан вновь заскрипел лестницей, ведущей наверх. Недра встретили нас полумраком и запорхавшей прямо перед нашими носами летучей мышью.

— Смотри, Леха, — позвал меня Игорь, — какие интересные весы напольные, на колесиках!

Я, включив встроенную в фотоаппарат вспышку, старательно отснял старинные напольные весы с бронзовой шкалой непривычных делений, наверное, на фунты или пуды! Потом мы облазали еще несколько интригующих закоулков, я отснял центральный вал водяного колеса, шкивы, какую-то, вероятно, сушилку, еще много разных пышущих древностью артефактов.

— Пора вылезать, брат Алексей, а то батюшка уже, наверное, заснул, нас ожидая! — воззвал наконец-то ко мне Игорь. — Хватит снимать, аккумулятор посадишь!

— У меня запасной есть! — со вздохом ответил я. — Все великие фотохудожники, не будем показывать пальцем, обычно люди запасливые! Ну да ладно! Все отснять все равно не удастся, хотя стремиться к этому необходимо! — И я первым стал вылезать наверх.

Оказавшись в дверях, я выглянул на улицу и замер. Игорь был прав! Наш батюшка действительно заснул, сидя на каком-то камушке и привалившись к стволу дерева.

Но!

К моему ничего не подозревавшему духовному отцу подползала змея!

Змея была метра в полтора длиною, коричневая, с ярким ромбическим орнаментом на спине. Кажется, такая тварь называется средиземноморской гадюкой или еще как-то...

Она подползала со спины к ничего не подозревавшему, по-детски положившему на ладонь седобородую щеку Флавиану. Кричать уже было поздно, между змеей и Флавианом оставалось меньше метра. Все, что я успел придумать и сделать, это прыгнуть к змее и, наступив ей на спину, прижать ее к земле.

Змее это, конечно, не понравилось, она мгновенно развернула голову в мою сторону, открыла пасть и тяпнула меня в лодыжку. Боли я сначала не почувствовал, видно, адреналин сработал анестетиком, но у меня начала «плыть» голова, потемнело в глазах.

Угасающим взором я успел заметить, как подскочивший Игорь отхватил укусившей меня гадине голову мгновенно выхваченным тесаком, как приподнялся начавший просыпаться Флавиан...

Тут я и вырубился.

Все, что со мной было потом, я знаю уже только со слов очевидцев, Флавиана, Игоря и нескольких пантелеимоновских монахов. Меня дотащил на себе до машины Игорь, они с

Флавианом, насколько было возможно быстро, доставили меня в Пантелеймонов монастырь, прямо к лазарету, там монах-врач вколол мне оказавшуюся на мое счастье в монастырской аптечке сыворотку и еще какие-то препараты, меня уложили в боксе под присмотром того врача-монаха по имени...

Потом скажу его имя.

В общем, пока не миновала реальная угроза моей жизни, мой добрый доктор сидел около меня, наблюдая за пульсом, дыханием и прочими одному ему понятными признаками жизнеспособности. И лишь только тогда, когда он совершенно уверился в том, что опасность миновала, доктор оставил меня одного и позволил себе прилечь отдохнуть в соседней комнате при открытых дверях.

Понятно, что Флавиан с Игорем были изгнаны бдительным эскулапом из медицинского учреждения и отправлены в храм творить с братией сугубую молитву «о болящем».

^ Глава 18. Триллер

Ночью я очнулся. Сознание возвращалось медленно, словно нехотя, вяло продираясь сквозь какую-то темную липкую субстанцию.

Постепенно я начал различать слабые отсветы в полуоткрытых немигающих глазах и далекий ритмичный тупой шум, периодически прерываемый каким-то шершавым рычаньем. Я попробовал пошевелить конечностями, они слабо отозвались на сигналы, посылаемые неохотно просыпающимся мозгом.

Где-то я уже слышал этот шум, с чем-то он у меня ассоциируется, почему он меня так раздражает? Я напряг внимание и прислушался.

«Думц-думц-думц-тр-р-р-р-р-думц-думц-думц...»

Сознание резко вернулось ко мне вместе с нахлынувшей волной раздраженного возмущения:

— Опять! Ну вконец «оборзели» эти курортники со своей «бесотекой»! Как же они, наверное, достали до глубины души бедных монахов!

Исполненный негодования, я, забыв о своем полупарализованном статусе, резко выпрямился на кровати и сел, сбросив ноги на пол. В глазах у меня замелькали красные, синие и зеленые отблески, чередуясь в хаотичной последовательности. Очевидно, действие змеиного яда проявляется в таких оптических эффектах...

Я почему-то помнил и понимал, как и почему я оказался на этой койке в полуживом состоянии, я даже помнил, как выглядела укусившая меня в ногу змея. Как она, словно в замедленном кадре, открыла свою капканоподобную пасть, откинула голову слегка назад, словно шпаги выставляя горизонтально наполненные смертью полупрозрачные шприцы ядоносных зубов, как отработанно точным броском она вонзила и разрядила эти «шприцы» в мою правую лодыжку чуть выше язычка кроссовки...

Почему грохот дискотеки доносится так ясно и близко, словно звук идет не с далекого берега Ситонии, а прямо из-за стены лазарета? И эти разноцветные блики... Они явно влетают поперек занавески больничного окна откуда-то снаружи!

Я встал на ноги, чуть качнул из стороны в сторону вновь ставшее послушным, но какое-то

непривычное по ощущению, словно почти невесомое тело. Вестибулярный аппарат работал отлично, я владел своим телом едва ли не лучше, чем до памятного змеиного укуса. Я сделал шаг в сторону окна, ощущение странной легкости, почти невесомости, не проходило, я словно бы проплыл этот шаг в безвоздушном пространстве. Но мне некогда было особо прислушиваться к собственным ощущениям, что-то нестандартное, происходящее за окном лазарета во дворе монастыря, волновало меня гораздо сильнее.

Я метнулся в соседнюю комнату, ища выход из своего бокса наружу, и обомлел.

Посреди устланной роскошным ковром комнаты, усыпанной разбросанными повсюду игральными картами, пустыми бутылками и интимными частями женского гардероба, стояла кровать. На ней, разметав по смятым простыням загорелые руки с длиннющими, наманикюренными диким цветом ногтями лежала полураздетая спящая женщина, распространяя вокруг себя резкий запах удушливо-приторных духов, смешанный с винным перегаром.

Я остолбенел.

«Наверное, это кошмарный сон, — подумал я, — я просто сплю и вижу вызывающие гадливость ужасы, очевидно, спровоцированные в моем спящем сознании действием гадючьего яда». Я посмотрел на себя, на окружающую меня бредовую реальность, на похотливо распластанное тело посреди бордельного интерьера, на окно с мечущимися в нем разноцветными отблесками, прислушался к колотящему по ушным перепонкам грохоту барабанов.

Наверное, это кошмарный сон! Или вызванная интоксикацией мозга галлюцинация! Или я просто сошел сума!

Ну и пусть! Пусть будет так! Пусть лучше безвозвратно разрушится моя торпедированная отравой психика, но только не ЭТО!

ЭТО не должно, не может стать РЕАЛЬНОСТЬЮ!

Я потрогал себя за рукав и ощутил знакомую шероховатость джинсовой рубашки. Пнул оказавшуюся под ногой бутылку из-под виски, горячо надеясь, что моя нога пройдет сквозь нее, как в каком-нибудь фантастическом голливудском фильме. Бутылка со звоном отлетела в угол комнаты, пьяная женщина на кровати пошевелилась, что-то невнятно пробурчав во сне. В ужасе я бросился к двери в противоположной стене и, распахнув ее, вырвался на улицу.

Кошмар продолжался.

Сразу за дверью лазарета я едва не столкнулся с группой громко хохочущей, едва стоящей на ногах, совершенно обкуренной какой-то дрянью молодежи. Парни и девчонки не старше семнадцати лет в пляжных цветных одежках передавали по кругу дымящуюся, с длинным чубуком, керамическую трубку.

Шарахнувшись от них налево, я прошел мимо яблоневых и грушевых невысоких деревьев с завядшей, скрученной и крошащейся листвой и нырнул в угол, где стояла выросшая из черенка погибшей при пожаре «дочки»-оливы святого великомученика Пантелеймона, ее бережно охраняемая оливочка-«внучка». Деревца не было. На его месте стоял переполненный мусором большой пластиковый контейнер.

Я повернулся к собору Пантелеймона. Из его раскрытых окон сверкали те самые яркие цветные отсветы и раздавался тот самый, колотящий по мозгам и душе адский грохот,

перемежаемый криками и визгом явно «отрывающейся по полной» разгоряченной публики.

Прижавшись к стене алтарной апсиды под самым окном алтаря, какой-то толстый бритый мужик с обнаженным татуированным торсом грубо обжимал извивающуюся в его объятиях сладострастно постанывающую тетку азиатского вида. У меня возникло непреодолимое желание шархнуть их по головам чем-нибудь тяжелым, я уже оглянулся вокруг, ища подходящий предмет, но...

Что-то остановило во мне этот нахлынувший приступ агрессии.

Я кинулся ко входу в собор, все еще не веря происходящему со мною, словно подсознательно ища внутри храма защиты от держащего меня наваждения. Распахнув дверь в застекленную галерею западной части собора, я вскочил внутрь и остановился. Резкий запах пота, алкоголя и не то серы, не то восточных курительных ароматов, смешанных с табачным дымом, шибанул по моему обонянию. У внутренней двери из галереи в храм стоял, изогнувшись, притопывающий в ритм барабанного грохота привратник в подряснике, с курчавой клочковатой бородой, безумными сверкающими глазами и шапочке, больше напоминающей иудейскую «кипу», чем монашескую скуфью. Увидев меня, он весь затрясся, забормотал что-то на неопределяемом мною языке и призывно замахал костлявой волосатой рукою, показывая внутрь собора.

Стараясь не прикоснуться к нему, я просочился вдоль стены в двери и очутился внутри храма. Вокруг меня бушевал ад.

Грохот звуков, которые у меня язык не повернется называть музыкой, отражаясь от гулких стен собора, бомбил мои уши со всех сторон. В передней части собора, притворе, слева от входа была сооружена аляповатая барная стойка, внутри которой «колдовали» с шейкерами и бутылками два обезьяноподобных бармена, выряженных в некое подобие монашеских подрясников с яркими блестящими перевернутыми пентаграммами на таких же блестящих цепях, свисающих спереди наподобие священнических наперсных крестов. Рожи их (не могу назвать это лицами) выражали глумливую радость и напыщенное самодовольство.

Справа, вместо стоявших ранее вдоль стены монашеских стасидии, было оборудовано некое каре из невысоких, обшитых кожей топчанов, на которых сидели, лежали, переползали с места на место какие-то очумелые фигуры. Периодически они присасывались к мундштукам, стоящим на низком столике в середине каре кальянов, дымящихся анашой, опиумом или еще какой-то курительной отравой. Между барной стойкой и курительными топчанами перемещались, толкаясь, плохо держащиеся на ногах люди, одуревшие от алкоголя, наркотического дыма и безумного грохота, несшегося из центральной части собора.

Я протолкнулся сквозь эту ошалелую тусовку и вошел в центральную часть. Здесь беснование достигло своего апогея. Все помещение было наполнено дергавшимися словно в эпилептическом припадке под разрывающий ушные перепонки ритмичный рокот рейва полуодетыми, татуированными, исколотыми пирсингами, пахнущими животными запахами пота и перегара телами. Женщины, мужчины, существа неопределяемого пола, в ярком макияже, с остекленевшими глазами, приоткрытыми ртами и судорожными, машиноподобными движениями, казалось, сливались в одно, лишенное разума и свободной воли, многоногое и многорукое существо, бессознательно дергающееся, словно от ударов электрошока или агонизирующее на раскаленной поверхности гигантской сковороды.

Полумрак помещения рассекался мечущимися по стенам и головам одержимой толпы яркими вспышками разноцветных ядовито-кислотных оттенков прожекторов, размещенных на

иконостасе и над пустыми киотами от чтимых икон. Паникадило, некогда раскручиваемое в праздничные богослужения вместе с окружающим его «хоросом» — короноподобным кольцом из бронзовых подсвечников, перемежающихся небольшими иконами, по образу движения небесных светил, сейчас беспорядочно качалось, облепленное осколками отражающих вспышки прожекторов зеркал.

Прямо в центре амвона, на возвышенности соли, «работала» на никелированном шесте змееподобно извивающаяся стриптизерша, единственной одеждой которой был клочковатый ярко-зеленый парик. За ней, в распахнутых «царских воротах», в глубине алтаря, на некогда святом престоле, словно одержимый злобой кукловод, дергался над своими электрическими орудиями и дергал через идущие от них ниточки проводов всех присутствовавших в помещении людей одетый с ног до головы в блестящую черную кожу костлявый диджей.

Выставленные в проемы иконостаса вместо «местных» икон Спасителя и Богородицы две большие черные колонки отсвечивали начерченными на их лицевых решетках флуоресцентной алой краской перевернутыми пятиконечными звездами.

Мое состояние в тот момент невозможно передать словами, то была какая-то отчаянная омертвелость, соединенная с беспомощной растерянностью, что ли. Странно, но, вспоминая то состояние, я до сих пор не могу понять, почему мне не пришло в голову хотя бы перекреститься? Может быть, тогда что-нибудь изменилось бы?

Еле сдерживая тошноту, я прорвался сквозь этот кошмар к выходу из собора и выскочил на улицу. Свежий воздух не принес мне ожидаемого облегчения. Казалось, что даже звезды сверкают с ночного неба каким-то неестественным синтетическим блеском.

Я бросился к выходу из монастыря. В арке перед воротами, слева, светились окна бывшей иконной лавки, дверь в нее была открыта. Я почему-то остановился и заглянул внутрь. Там, в глубине, на противоположной от входа стене, по-прежнему виднелись заставленные иконами полки, свисали гроздьями четки, видны были на вешалках церковные облачения. Не веря своим глазам, я вошел внутрь и пригляделся к выставленному на витринах «товару».

Да, это были «образа»...

Но какие!

Стоящее в центре большое, украшенное серебряной с камнями ризой изображение копировало классическую икону «Господь Вседержитель», даже рука, держащая книгу, была выписана в строгом соответствии с иконописной традицией.

Но лицо!

Вместо привычного, кротко-внимательного, исполненного внутренней силы любви образа Спасителя Христа в прорезь блестящей ризы смотрело... незнакомое мужское лицо, хищно улыбающееся змеиным извивом тонких губ, прожигающее взглядом прищуренных угольно-черных зрачков. Коротко выстриженные усы и квадратно выбритая на щеках борода.

«MESSIA», — гласила вычеканенная на окладе надпись.

Рядом стояли такие же «образа», но с уже узнаваемыми мною некоторыми персонажами: Оззи Осборн, Мерилин Мэнсон, Алистер Кроули, Рерих в тибетской тибетейке, жабоподобная Блаватская, Ванга, Маргарет Тэтчер и почему-то Сальвадор Дали. Все изображения сияли нимбами, позы тел и ракурсы лиц пародировали византийскую иконографию. Остальных я

разглядывать не стал.

Четки действительно оказались четками, плетенные из шелка, шерстяные, деревянные, из полудрагоценных камушков — типичная продукция афонских монашеских мастерских. Только крестики с распятым Спасителем везде были подвешены строго кверху ногами.

То, что с улицы мне показалось подрясниками, вблизи оказалось лишь пародирующими монашеские облачения кокетливыми халатиками. С разрезами от талии и вышитыми на нагрудном кармане значками из двух кружочков с торчащими из них крестиком и стрелочкой, символизирующими мужское и женское естества.

Рядом висели пляжные полотенца-подстилки, но уже с настоящими, отпечатанными на них образами Спасителя и Богоматери. Такие же священные изображения были на наружных плоскостях серфов, специальных досок для катания по волнам. По замыслу производителя, каждый серфингист, использующий для катания такую доску, автоматически попирает бы ногами святые лики.

Смысл изображения икон на подстилках-полотенцах в объяснениях не нуждается.

С трудом сдерживая клокочущее во мне негодование, я выскочил из опухавшего магазина, не тратя времени на знакомство с прочим «товаром». Выйдя за ворота и спустившись по ступенькам с крыльца, я оглянулся на покидаемый мною монастырь. В верхней части стены фиолетовыми неоновыми буквами сияло название HOTEL PANTELEY, а ниже, под названием, был натянут узкий и длинный плакат-баннер: «FANATISM DIED. WOMEN WELCOMED

— Фанатизм умер! Женщины, добро пожаловать! — зачем-то вслух перевел я.

Не соображая, что делать, я начал спускаться к морю. На углу монастырской стены, где раньше привычно стоял потускневший стенд, извещающий паломников о запрете находиться на территории монастыря в шортах, рубашках с короткими рукавами и фотографировать где-либо, кроме набережной, стоял новый большой стенд-указатель на нескольких языках, среди которых я нашел и текст на русском. Этот текст гласил:

«Увлекательная программа «Черная месса» на кладбище, на костях и черепах фанатиков-монахов, совершается каждую полночь. Желаящим принять участие записываться заранее на ресепшен.

Автобус в «Гей-центр» и «Лесби-клуб» в Кариес-таун ходит ежедневно в 11.00 и в 19.00 от пристани.

Столики в элитном приморском ресторане монашеской кухни со стриптизом «Дионис и ад» заказываются за три дня до посещения.

Экстремальные молодежные экскурсии с медитациями в пещерах фанатиков-отшельников на скалах Карули проводятся каждое нечетное число месяца...»

⤴ Глава 19. Иверская

Дальше я читать не смог. Надо было что-то делать. Иначе я мог просто взорваться изнутри, настолько меня разбирало бессильное отчаяние, смешанное с полыхающим гневом. Мне требовалось какое-то действие. Я должен был принять какое-то решение, найти выход из окружающего меня сумасшествия.

Вдруг меня озарило:

— Господи! Я же забыл о молитве! Матерь Божия! Спаси меня из этого кошмара! Это же твой удел, очисти его от скверны! Неужели ты бросишь Святую гору на поприще? Ведь ты обещала хранить монахов своей чудотворной Иверской иконой!

«Вот оно! То решение, то действие, которое я должен сделать, чтобы прекратить это безумие! Иверская! Где Иверская! Скорее к Иверской! — кричало у меня в мозгу. — Главное, чтобы не ушла Иверская! Тогда еще есть шанс! Тогда вся эта демоническая хмарь развеется, словно ключья тумана от внезапно подувшего теплого ветерка!»

Я бросился в сторону Иверона. То реально-нереальное пространство, в котором я находился, расступалось передо мной — не то бегущим, не то летящим, не то плывущим по вневременному неизведанному, в то же время хорошо известному мне миру.

Вот знакомая лесная дорога, когда-то мы ехали по ней в первый раз с послушником Сергием! Я помнил здесь сейчас каждый камешек, каждую выбоинку на ней... Так работало мое сознание, словно открыв мне доступ к своим «закромам», в которые закладывается все, с чем мы встречаемся в нашей жизни, и доступ к которым обычно затруднен перегруженностью нашей «оперативной» памяти.

Старый ФуссНК, Кариес, Андреевский скит, Ильинский, Ставроникита, — везде я встречал одну и ту же безудержную вакханалию разгула и бесовщины, словно вырвавшиеся на свободу демоны вседозволенности торопливо сгребали все живое на свою последнюю оргию.

Я пронесся мимо строений у набережной, взлетел к главным воротам Иверона, проскочил сквозь них и резко бросился налево, к Иверской часовне. Дверь в нее была распахнута, оттуда лилось несказанное благоухание.

— Слава Тебе, Господи! Я, кажется, успел! — Я остановился перед входом в часовню, истово перекрестился и поклонился, затем шагнул в притвор. В притворе благоухание было еще сильнее, какое-то мягкое, еле заметное свечение разливалось вокруг, словно светился сам воздух.

Я благоговейно перешагнул мраморный порог и вошел в часовню. Киот, в котором прежде стояла Иверская икона, зиял пустотой, только многочисленные благодарственные приношения были рассыпаны на коврике перед киотом.

Я остолбенело уставился на эту блестящую тусклым золотом россыпь колец, браслетов, орденов, пластинок с изображениями различных исцеленных по молитвам у Иверской частей тела. Все часы, от старинных на цепочках, до «Ролекса», лежавшего прямо у моих ног — показывали одно и то же время, двенадцать часов.

Что-то заставило меня обернуться. Я увидел, что благоухающий свет, разлитый в воздухе, покидает часовню, словно кадыльным дымком выплывая в открытые двери. Я кинулся вслед за ним.

Из раскрытых окон монастырского собора все гроыхало гипнотизирующее «Думц! Думц! Думц! Тр-р-р-р»... Отсветы флуоресцентных огней метались внутри, наружу неслись похотливо-пьяные вопли и визг — бесы праздновали свой час.

Я огляделся. Светящееся благоухающее облачко, медленно тая по пути, тянулось к задним воротам, находящимся возле сторожевой башни-пирги. Я кинулся туда. Выскочив за ворота, я

увидел спускавшееся вниз, к морю, нежное, какое-то неземное золотистое сияние, словно притушенное до самой малой мощности солнце плавно скатывалось по истоптанным веками каменным плитам дороги.

Я кинулся за ним.

Приблизившись, я увидел источник этого необыкновенного сияния. Им была небольшая группа по виду человеческих фигур в длинных монашеских одеждах, словно светящихся изнутри этим мягким золотистым светом. Медленно и благоговейно, в торжественном молчании, они несли на своих светящихся поднятых руках большую, источающую этот самый свет и благоухание икону Божией Матери — Иверскую!

Я бросился к ним, попытавшись опередить их и встать на пути этой процессии, но, едва я поравнялся с замыкающим шествие светлым «монахом», как он повернулся ко мне своим сияющим неземной красотой ликом. Обратив на меня взгляд исполненных любовью и нежным сочувствием ангельских глаз, он сделал останавливающий жест своей грациозной светящейся рукой.

Я все понял.

Поздно.

Время пришло, и я не должен «дерзать своей немощной рукой остановить действие Божьего Промысла».

Я мог только созерцать этот завершающий акт истории Святой горы.

Я смирился и медленно побрел вслед за покидающей Афон его Хозяйкой и Защитницей.

Сияющие «монахи»-ангелы подошли к кромке воды, вошли в море по колению, освещая собою водную толщу, бережно поставили на замершую поверхность воды чудотворный Иверский образ и замерли в благоговейном поклоне.

Свет, исходящий от Иверской иконы, усилился, начал разливаться вокруг, подниматься вверх все более расширяющимся лучом, икона незаметно тронулась с места и стала удаляться от берега, оставляя за собой на воде искрящийся бликами светлый след.

Когда икона удалилась от берега метров на сто, один из ангелов повернулся ко мне и, улыбнувшись, молча указал рукой на причаленную у берега небольшую шлюпку с лежащими на дне веслами.

Я понял это как разрешение проводить Владычицу, еще какое-то время созерцать дивное чудо ее оставления своего удела. Не размышляя, бросился я к шлюпке, оттолкнул ее от берега и, воткнув весла в уключины, начал грести по направлению к иконе. Обернувшись, я не увидел больше ангелов в монашеских одеяниях, только мягкий свет еще искрился будто бы маленькими звездочками на том месте, где они стояли минуту назад.

Я греб изо всех сил, не вполне понимая, зачем я это делаю, время словно остановилось в окружающем меня пространстве, состоящем из звездного неба и замершей морской глади. Икона, сколько бы я ни прилагал усилий на веслах, оставалась от меня на прежнем расстоянии, продолжая устремлять ввысь широкий столп дивного золотого света. Только увеличивающееся расстояние от берега свидетельствовало о том, что я все-таки плыву, а не стою на месте.

Внезапно очертания берега стали меняться, силуэт афонского хребта стал подвижным, словно позвоночник скачущего животного. Неоновые огни поруганных монастырей вдруг стали взрываться вспышками настоящего пламени, которое, разрастаясь, перебрасывалось на окружающий их лес, становясь очагами пожаров.

Ужасающий звук, словно лопнула гигантская каменная струна, пронесся над морем и оглушил меня, безмолвно созерцающего всю эту фантазмагорическую картину.

Я замер в ужасе.

Перед моим пораженным взором происходило нечто вселенское, чему невозможно дать описание немощным человеческим языком.

Полуостров стал оседать, проваливаться частями куда-то в разверзшуюся под ним водную бездну, и вместе с ним исчезало все, созданное когда-либо человеческими руками на его лесистых склонах.

Еще мгновение, и...

Афона не стало.

Громадная волна, прокатившаяся от места погружения оскверненной святыни, омыв с нее скверну, прокатилась по морю, подняв мою шлюпку на высоту десятиэтажного дома и плавно опустив на вновь ставшую необычно гладкой поверхность моря.

Я обернулся в сторону чудотворной иконы, но — меня окружала только темнота ночи.

Я очнулся.

^ Глава 20. Пробуждение

Знаете ли вы, что такое счастье?

Счастье — это когда приходишь в себя после пережитого вышеописанного «апокалипсиса» и видишь над собой слегка потрескавшуюся побелку на потолке монастырского лазарета. Повернув голову, обнаруживаешь сидящих возле твоей кровати со взволнованными глазами батюшку Флавиана и схимника Александра, стоящих чуть поодаль у освещенного ярким солнцем окна послушника Игоря и монаха-доктора (потом скажу, как его зовут). Когда начинаешь осознавать, что РЕАЛЬНОСТЬ — это то, что здесь и сейчас. А о том, откуда ты сейчас вывалился, как раз надо рассказать своему духовнику, чье немолодое одутловатое лицо хранит на себе явные следы бессонной, проведенной в молитве за тебя, ночи.

Вот такое бывает счастье...

Мой рассказ о пережитом видении занял около часа и за все это время никто из присутствовавших монахов не проронил ни звука. Рассказывая, я перестал видеть окружающих и внутренним взором вернулся в свой ночной кошмар, правда, теперь как бы со стороны, словно наблюдая происходившее из гигантского иллюминатора батискафа, защищавшего меня от воздействия видимого мною иного мира.

Закончив рассказ, я оглядел присутствующих со мной в боксе. Флавиан сидел с закрытыми глазами, весь погруженный в себя, только пальцы его левой руки ритмично перехватывали узелки старых «замоленных» четок. Игорь напряженно глядел в окно, словно пытаюсь увидеть

там признаки описанной мною «мерзости запустения», кисти его рук были сжаты в побелевшие от напряжения кулаки. Доктор как-то растерянно ходил взад и вперед по палате, иногда, останавливаясь, поправлял съезжающие на кончик носа очки, вытирал лоб рукавом и снова начинал ходить. Схимник Александр, весь ссутулившись на кончике табуретки, плакал, закрыв лицо большими натруженными ладонями.

Молчали долго.

— Батюшка, — прервав общее молчание, обратился к Флавиану Игорь, — оно что, неужели и вправду так будет? Или это просто глюк у Лехи?

— Не знаю, — вздохнул Флавиан, — может, так будет, может, так и не будет. Одному Богу известно. С учетом обстоятельств и характера Алексеевых ощущений, конечно, на обычный «плохой» сон это не похоже. Даже когда он рассказывал, у меня было такое чувство, что я и сам там нахожусь. Впечатление, бесспорно, жуткое...

— Братие! — оторвал от ладоней мокрое в слезах лицо схимонах Александр. — Сколько же времени и сил мы здесь все, и я в частности, тратим на пустые бытовые заботы, ненужные праздные разговоры, порой чисто мирские страсти! А ведь счетчик-то тикает! Думаешь: ну вот, сейчас решу эту «насущную» проблему, переделаю эти «необходимые» дела, продумаю и найду решение вот этих «актуальных» вопросов... А сразу после этого начну жить полноценной монашеской жизнью — молиться непрестанно, как положено настоящему монаху, смотреть внутрь себя, а не на поступки окружающих братьев, интересоваться не новостями внешнего мира, приносимыми через паломников, а «сокровищами вечными» духовного опыта, собранными здесь за тысячелетие монашества на Афоне, стану читать больше творений Святых Отцов, чем инструкций к перфораторам и аудиоплеерам...

И ведь так каждый день! А потом как жахнет вот это, то, что Алексею привиделось, и неважным станет все, о чем сейчас ломаешь голову в заботах! Поздно будет становиться подвижником и аскетом, ради чего сюда, собственно, и пришел когда-то...

А ведь, может быть, именно моей недостойной слабенькой молитвы и не хватит для того, чтобы весь этот ужас не стал явью!

— Батюшка! — вновь настойчиво обратился к Флавиану Игорь. — Так сбудется все это или нет?

— Собственно, Алексей не открыл ничего нового, — задумчиво протянул Флавиан, — запустение Афона и поругание его святынь в последние времена предсказывалось неоднократно, причем людьми весьма авторитетными в духовной жизни. Но только ведь и Иона был Божьим пророком, и разрушение Ниневии ему Сам Господь повелел предречь жителям этого осужденного Им города. А что в итоге?

Жители Ниневии взяли да и покаяться, изменили свою жизнь, свое отношение ко греху, взмолились из глубины сердец к Богу, и Он помиловал город. Неужели монахи Святой горы менее достойны милости в очах Божьих, чем жители Ниневии? Промысел Божий не есть нечто застывшее и неумолимое, подобно «року» или «фатуму».

Промысел Божий живой, гибкий и имеет целью спасение человеческих душ, а не просто «свершение предначертанного». Собственно, тому же пророку Ионе об этом Господь прямо и объявил: «Мне ли не пожалеть Ниневии, города великого, в котором более ста двадцати тысяч человек», — когда эти люди, покайсявшись, изменились и перестали быть теми, кто своими грехами навлекал на себя огонь с небес.

Ведь, по сути своей, все предсказания о грядущих ужасных событиях последних времен есть не объявление неминуемой Божьей кары за нарушение Его Закона, но только предупреждение Любящего Отца неразумным детям о последствиях искажения ими естественного для созданного по образу Божию человека пути обретения счастья.

Но Бог не может лишить нас дарованной Им же Самим свободной воли, и может только предупредить нас о том, что «огонь жжется». А уж совать в этот «огонь» руку или нет, решение принимается исключительно нами самими.

Возможно, и то, что сподобился видеть этой ночью Алеша, есть предупреждение о последствиях, которые мы сами можем навлечь на себя нерадивой греховной жизнью. А можем и не навлечь, если...

— Отче! — обратился вдруг к Флавиану доселе молчавший доктор. — Благословите рассказать обо всем этом духовнику монастыря?

— Конечно, обязательно! — ответил Флавиан. — Думаю, не одним нам, находящимся здесь, была дана через Алексия эта «информация к размышлению»! Да и не одним только афонским монахам. Мы там, в России, тоже в «духовных подвигах» погрязаем...

— Отче! — вновь решительно обратился к Флавиану послушник Игорь. — Благословите Леху, пусть запишет все, что видел, подробно и к нам в скит передаст! Я сам не смогу так подробно и точно все это отцу Никифору пересказать, а ведь это важно!

— Хорошо, Игорь! Как вернемся в Россию, засажу Алексея за компьютер, пусть опишет и пришлет вам по электронной почте.

— И мне копию пришлите! — вставая, сказал схимник Александр. — Я дам вам электронный адрес! Полезно будет память освежить, чтобы не расслабляться...

— Я у тебя, отец Александр, потом на принтере для себя экземпляр распечатаю? — спросил монах-доктор.

— Конечно! — ответил схимник.

— Спаси Христос! — Доктор кивнул благодарно и повернулся ко мне. — Вы, Алексей, пока лежите, рано вам вставать. Посмотрю вас после вечерни! — И вышел.

Хороший он такой, этот доктор.

Кстати, зовут его — Силуан!

^ Глава 21. Восхождение. Начало

И вот так всегда!

Только займешь своему батюшке удобное место в кондиционируемой кают-компании парома, как выясняется, что его еще по дороге сюда, прямо на палубе уже перехватил какой-то очередной «страждущий раб Божий», которому просто «кровь из носу» необходимо выяснить с моим батюшкой какую-то глобальную мировую проблему. И мой батюшка должен смиренно все выслушивать, стоя на почти сорокаградусной жаре на солнце и еще и отвечать что-нибудь душеполезное!

Ну и как мне после этого стяжать благое смирение?!

Хорошо еще, что плыть совсем недолго, всего одну остановку от Пантелеймона до Дафни...

В общем, свершилось! Мы таки отправились в «экстремальную экспедицию» на вершину Святой горы!

Через два дня после описанных в предыдущей главе событий добрый доктор Силуан вынес вердикт: я здоров, причем не вполне понятным медицине образом, что правильнее было бы назвать чудом.

По его словам, укус змеи, за трупом которой Игорь не поленился съездить к мельнице, должен был вызвать у меня отек и омертвление укушенной конечности, сопровождаемые нестерпимой болью, через пару часов могла начаться повышенная кровоточивость из места укуса и из желудочно-кишечного тракта, кровавая рвота. И закончиться все это могло шоком или острой почечной недостаточностью.

У меня же, кроме суточной потери сознания, если не брать в расчет мое путешествие в «апокалипсис», никаких симптомов интоксикации ядом (здесь он сказал латинское название той змеи, которое я не запомнил) не обнаружено. Конечно, сыворотка была введена своевременно, но...

— Вообще-то обычно так не бывает! — завершил доктор свое резюме.

Словом, два дня спустя только две маленькие точки в месте, где змея вонзила свои «шприцы» в мою лодыжку, напоминали о том, что это событие имело место быть.

Так вот! Не дождавшись любимого духовника на занятом для него месте у окна в прохладе кают-компаний, я спустился на палубу парома с горячим желанием «смирить до зела» батюшкиного собеседника за то, что он держит немолодого и нездорового человека на солнцепеке, и в этом самом собеседнике опознал старого знакомого — «латвийского исламофила» фотографа Эдуарда-Уара.

Вид у него был уже далеко не тот «понтово-нахрапистый», с каким он вещал о «кончине» христианства во время нашей первой с ним встречи. Выглядел он, я бы сказал, озабоченно-задумчивым! Я даже раздумал на него «наезжать» и ограничился дружелюбнострогим кивком в ответ на его приветствие.

Паром причалил к пристани Дафни, толпа паломников и монахов, как всегда оживленно, выгрузилась из чрева парома на набережную. Мы с Флавианом отправились в таверну к Янису, где у нас была назначена встреча с Игорем, который должен был подъехать из своего скита на машине для сопровождения нас с батюшкой до вершины Святой горы и обратно. Игорь уже сидел под навесом у Яниса и поджидал нас, попивая холодную минеральную водичку прямо из горлышка запотевшей трехсотграммовой пластиковой бутылочки.

— Эвлогите, отче! — поднялся он нам навстречу.

— Бог благословит, Игорь, — благословил его Флавиан, — вот, брат Эдуард хочет присоединиться к нашей компании при подъеме на гору!

«Уже «брат»? Однако!» — подумал я, но ничего не сказал.

— Отлично! — спокойно отреагировал Игорь и пожал руку нашему неожиданному спутнику.

— Пойдемте внутрь кафешки, — предложил я, — там попрохладней, к тому же мне чудится запах слоеных пирожков с луком...

— Давай! — согласился батюшка. — Мне возьми... — Он замешкался.

— Знаю, знаю! — закончил за него я. — Маленькую и некрепкого!

— Ну да! — виновато взглянул на меня мой духовник. — И воды без газа!

Мы вошли и заняли свободный столик в углу. «Губернатор» Янис, как всегда деловитый и кудрявый, что-то считал за соседним столиком на калькуляторе.

— Уважаемым бизнесменам от скромных паломников наше почтение! — приветствовал я его.

— Здравствуй, здравствуй! — заулыбался он в ответ и подколол скрепкой какую-то квитанцию к стопочке зеленых сотенных евро.

Я не стал отвлекать его от производственного процесса и подошел к стойке, за которой невысокий сухощавый Димитрий отточенными движениями накладывал выпечку в бумажный пакет пожилому паломнику греку. На витрине были выложены соблазны и искушения: слоеные пирожки с картошкой, с луком, со шпинатом, с яблоками, с сыром и с чем-то еще...

— Здравствуйте, Алексей!

Я обернулся. Сзади меня в очередь встал Владимир, тот самый, что рассказывал нам в Уранополисе про свое путешествие на Тибетские горы в поисках Шамбалы.

— Здравствуйте, брат Владимир! Рад вас видеть!

— Может быть, перейдем на ты, Алексей, мы ведь примерно одногодки?

— О'кей! Ты откуда и куда, брат Владимир?

— Сейчас из сербского Хиляндаря, собираюсь дожидаться «Агия Анну» и плыть в скит Святой Анны, а там подниматься на вершину Святой горы! — И ты, Брут!

— Не понял, Алексей!

— Вон тот коллектив попутчиков тебе подойдет? — Я кивком указал на стол, за которым располагалась наша паломническая компания.

— О! Вы тоже идете на вершину? — обрадовался Владимир. — Я ведь даже молился о попутчиках! Меня предупредили, что в одиночку туда лучше не ходить.

— Ну, тогда welcome в нашу команду!

— Вы что брать будете? — строгим тоном вернул меня к лежащим на витрине соблазнам и искушениям Димитрий.

— Значит, так: с картошкой, с луком, со шпинатом, с сыром, с яблоками и еще вот это, не знаю

с чем. Да! Всего по четыре, пожалуйста!

Флавиан с Игорем встретили Владимира словно старого доброго друга — феномен православия! Сколько раз уже приходилось наблюдать, как впервые встретившиеся истинно верующие христиане уже через несколько минут общения становятся друг другу порой даже ближе кровных, но неверующих родственников. Поистине, родство душ, объединенных любовью Небесного Отца, теснее всех других мирских связей и объединений.

Наш (вы уже заметили это «наш»?!) фотограф Эдуард-Уар был просто в шоке, узнав, что перед ним человек, который был почти «в той самой Шамбале», призрак которой будоражит сознание российского интеллигента с конца девятнадцатого века. Окончательно его добило обещание Владимира по возвращении домой выслать имейлом Эдуарду фотографии столицы Тибета Лхасы и окружающих ее пейзажей.

Вскоре подошла «Агия Анна», разгрузилась и осталась ждать времени отправления с временно перегороженным входом на палубу. До отплытия оставалось еще около сорока минут. Вновь возникшее с приходом мини-столпотворение начинало рассасываться; часть паломников и монахов, прибывших на «Агия Анне» с южной оконечности полуострова, на машинах и пешком отправилась в сторону Кариеса, оставшиеся, пройдя «бдительную» таможню, пересаживались на большой паром, чтобы плыть в сторону Уранополиса.

Минут через пятнадцать большой паром отошел от причала, и маленькая набережная опять опустела.

Только десятка полтора потенциальных пассажиров «Агия Анны» рассредоточились в ожидании начала посадки на паром за столиками на веранде у Яниса и по трем находящимся на набережной магазинчикам с иконами и сувенирами.

Отправившись прогуляться в маленький, всегда открытый домик в конце набережной (кто там был, знает, что это за домик), я на обратном пути обнаружил величественную фигуру «губернатора» Яниса, сидящего в одиночестве за крайним пустым столиком на веранде. Взгляд его, устремленный на море, был лишен обычной деловитости, в глубине карих глаз притаились грустинки.

— Не побеспокою? — Я присел на свободный стул рядом.

— Нет, нет, садись, конечно!

— Прости за нескромность, Янис, а ты каждый день приплываешь сюда на работу? У тебя есть дом в Уранополисе?

— Нет! Я уже два года не был там, — Янис показал на материковую Грецию, — живу здесь.

— Подожди, — удивился я, — а как же семья?

— Мои мама и сестра живут в Салониках, у них там все в порядке!

— А жена, дети?

— У меня никогда не было жены...

Я замолчал, поняв, что влез куда-то не туда со своими расспросами. Выручил меня гудок парома, началась посадка пассажиров.

— Янис! Мне сказали, что если мы не успеем спуститься с горы к отплытию «Агия Анны» в сторону Дафни, то можно позвонить тебе и вызвать катер, чтобы доплыть до Пантелеймона, так?

— Так, конечно так! Возьми мой номер телефона! — Янис, в глазах которого вновь сверкнула веселая деловая искорка, написал мне номер на обрывке бумаги, и я сунул этот обрывок в карман джинсов.

— Ну, пока, Янис, до встречи! — Я встал и направился к своим спутникам, выходящим с рюкзаками из таверны.

— До свиданья, до свиданья! — отозвался «губернатор» .

^ Глава 22. Восхождение. Агия Анна

Знаете ли вы, что такое цвет морской волны?

Я знаю!

Чтобы узнать это, достаточно посмотреть за борт парома, идущего вдоль берега Афона! Возможно, конечно, что и в других местах Эгейское море имеет такой же цвет... Потрясающий воображение, нежный и в то же время глубокий, легкий, прозрачный, зеленоватоголубоватый... Не знаю, какие еще слова подобрать, чтобы передать этот потрясающий цвет, каким я любовался, глядя за борт «Святой Анны», отплывающей от Дафни к южной оконечности Святой горы.

Пристань с несколькими двухэтажными домами на набережной осталась позади парома, соединяемая с ним какое-то время пенной бурунистой полосой от работающих гребных винтов. Полоса постепенно таяла, таяла и растаяла вдали, вслед за скрывшейся за очередной извилиной берега самой пристанью.

Запахнув-таки Флавиана в охлаждаемую кондиционером кают-компанию, в отдельное помещение для духовенства, и доверив ему стеречь наши рюкзаки, мы всем остальным коллективом выбрались на самую верхнюю палубу парома и расположились, кому где понравилось, на легких палубных скамейках, сделанных из покрашенных в яркий красный цвет деревянных брусков.

Слева по борту неторопливо проплывал высокий афонский берег, каменистый, покрытый то редким то густым лесом, периодически прорезаемый новой, пробитой в склоне горы грейдером дорогой, идущей от Дафни к монастырю Симонапетра. Вот показались и проплыли мимо нас расположенные на склоне небольшие здания русской кельи, которая по российским меркам считалась бы скитом. Вот возник на самом берегу какой-то брошенный двухэтажный «недострой».

Я прошел в носовую часть верхней палубы и залюбовался видом самой горы, возвышающейся голубой пирамидой в дальнем конце полуострова, с вершиной, покрытой, словно легкой дымкой, небольшими клочковатыми облаками. Красота — не то слово, которым можно было бы выразить притягательную силу наблюдавшегося мною пейзажа, что-то было в нем особенное, казалось, что некая незримая благодатная аура осеняла этот уступами простирающийся вдаль берег, и наш паром тоже охватывался ее сенью.

Вот из-за очередного уступа берега показался стоящий на головокружительной высоте,

величественный и строгий монастырь Симонапетра — «Симона на скале». Словно замерший рыцарь на страже удела Пречистой Владычицы!

Сами понимаете, мой боевой «Кэнон» просто раскалился в руках, я только успевал менять на нем объективы — с телевика на широкоугольник и обратно, и азарт фотоохотника несколько нарушал в моей душе навеваемые пейзажем умиротворение и созерцательность. Но когда я увидел аппарат, которым работал наш («наш», я в этом уже почему-то не сомневался) Эдуард!

Кажется, это была последняя модель «лейки» с объективом L-класса...

В общем, я отвернулся и не стал отвлекаться от процесса съемки постоянно меняющейся природы.

Паром причаливал к арсанам монастырей Симонапетра, Григориата, Дионисиата, Агия Павла, разбросанных «ласточкиными гнездами» домиков по скалам Неа-Скити, и, наконец, вот он — скит Святая Анна! Отправная точка, откуда на вершину Святой горы ведет наиболее используемая паломниками тропа. Есть еще, правда, тропы от Великой лавры и от Карули, но если от лавры тропа более пологая, чем от скита Святой Анны, то она и длиннее в несколько раз, а по самой короткой, но самой крутой тропе от Карули на вершину поднимаются только совсем уж «отмороженные» экстремалы, в основном русские...

Сходятся все эти три тропы в одном месте, у источника, рядом с которым стоит третий по счету, если идти от скита Святой Анны, крест. А от этого креста к скиту Панагии, находящемуся на высоте полутора тысяч метров над уровнем моря, и далее к самой вершине, достигающей двух тысяч тридцати трех метров, уже идет одна-единственная тропа.

Паром замедлил ход и начал медленно поворачивать налево.

Сперва показалась за очередным поворотом берега бухта с пристанью. Над ней обильной россыпью однодвухэтажных домиков-келий, разбросанных по заросшим обильной растительностью скалам, многие из которых были увенчаны куполами с крестами, поднимался вверх принадлежащий монастырю Великой лавры преподобного Афанасия Афонского скит Святой Анны.

Затем паром вошел в бухту, и стоявшие на пристани паломники засуетились, начали подбирать и надевать на плечи рюкзаки и сумки, подходить ближе к месту причаливания парома.

Паром причалил, опустив широкий носовой трап, по которому сразу же началось активное движение в обе стороны. Одни паломники и монахи, покидающие скит, садились на паром, другие, в том числе и наш «экспедиционный корпус», сходили на пристань и оглядывались.

Некоторых из прибывших встречали с транспортом. Транспорт был четырехкопытный, гнедой и чрезвычайно смиренный, как и положено обитателю скита. На морде у этого транспорта марки «мул», под местным ласковым именем «мулашка», была надета черная ременная сбруя, простроченная красным шнурочком, с цепочками около храпа, фигурными клепками и бронзовой бляхой с непонятным гербом на лбу. Чем-то этот убор сильно напоминал прикид наших московских панков, правда, морда мулашки явно была намного интеллигентнее.

На спине у мулашки было приспособлено своеобразное грузо-пассажирское седло из деревянного каркаса на войлочной подкладке, позволявшее как ездить на нем верхом, так и перевозить различного габарита грузы. В стороне стояли еще два таких же смиренных мулашки с такими же деревянными седлами.

Мы выгрузились, проверили наличие «личного состава» и имущества — все было на месте.

— Батюшка! — обратился к Флавиану Игорь. — Здесь вроде бы можно нанять мулашку для подъема на гору, правда, для седоков весом больше ста килограммов, — Игорь почтительно посмотрел на «велелепную» фигуру моего духовного отца, — придется нанимать двух мулашек, чтобы менять периодически. Я слышал, недавно епископ греческий на вершину верхом поднимался. Может, мы и для вас найдем, раз уж вы твердо решили подниматься?

— А венец в награду за подвиг тоже за меня мулашки получают? Они-то точно получают за такую тушу! Нет! Уж сколько смогу, столько поднимусь, но сам...

— Как благословите, — вздохнул Игорь.

— Может быть, когда-нибудь туда фуникулер сделают, — предположил Эдуард.

— Вот если Лешкин кошмар сбудется, тогда точно сделают, — ответил Флавиан.

— Что это за «Лешкин» кошмар? — поинтересовался фотограф.

— Неважно, — буркнул я, — это личное.

— Ну, личное так личное! — успокоился он.

— Тогда, батюшка, вы уж извиняйте, но рюкзачок ваш я понесу! — решительно заявил Игорь.

— Да он полупустой! — попытался противоречить Флавиан. — Он нетяжелый!

— Вот и отличненько! — не терпящим возражений тоном объявил Игорь. — Значит, туда и моя сумка вместится, а я все вместе на плечи и возьму.

— Правильно, правильно, Игорь, будем по дороге меняться, у меня рюкзак легкий совсем, — поддержал послушника Владимир, — вы, отче, не возражайте, помощи вам Бог самого себя донести!

— Ладно! — сдался Флавиан. — Спаси вас Христос! Дайте хоть палки из него достану!

Мы достали и раздвинули на удобную для каждого длину телескопические «горные» палки и влезли в лямки своих рюкзаков, подогнав их поудобнее натяжными ремнями. Наполнили пластиковые бутылки водой из крана над раковиной, размером напоминавшей поилку для мулов, а может быть, таковой и являющейся.

— Ну, Господи, благослови! — перекрестился Флавиан, и все мы (включая нашего Эдуарда) перекрестились вслед за ним. — С Богом пошли!

Мы начали восхождение по усыпанным мулашечьим пахучим навозом широким бетонным ступенькам, ведущим наверх к соборному храму-кириакону скита Святой Анны.

^ Глава 23. Восхождение. Лестница

Поначалу подъем был совсем ненапряжным.

Несмотря на то что стоящее в зените солнышко грело нещадно, мы все, включая и Флавиана, достаточно быстро поднимались по широким бетонным ступенькам лестницы, с двух сторон

ограниченной невысокими стенками, выложенными из камней на цементном растворе.

Открытые солнечные участки периодически чередовались с тенью больших, разросшихся над лестницей деревьев, поэтому палящее солнце пока не создавало особых проблем. Да и обычный стартовый энтузиазм добавлял адреналина в кровь, и все шли в приподнятом настроении.

Далеко впереди вверху виднелся известный всем любителям Святой горы по многим фотографиям в современных афонских путеводителях и альбомах новый кириакон, построенный в конце двадцатого века на выступающей из массива горного склона крутой каменной скале.

— Через полчаса там будем? — спросил я у Игоря, показав палкой на виднеющийся над нами вдали новый кириакон.

— Ну, может, минут через сорок, — задумчиво протянул Игорь.

Минут через двадцать мы добрались до первого источника.

Источник был сделан в классическом афонском стиле.

Это стена, сложенная из камня, размером примерно полтора метра шириной на два с половиной высотой, с полукруглым козырьком сверху, посередине которой вмурована мраморная плита с изображением двуглавого византийского орла с большим крестом на груди, под которым скульптурная, мраморная же львиная голова с текущей из пасти струйкой воды. Чтобы вода потекла, надо покрутить кран на стене справа от мраморной плиты.

Текла эта вода из львиной пасти в массивную, выходящую вперед из той же каменной стены под львиной головой, мраморную раковину, украшенную ободком из переплетающегося двумя нитями орнамента.

Красивый такой источник!

Справа от него была небольшая беседка с лавочками внутри и иконой Воздвижения Креста Господня в нише на дальней от входа, каменной стене.

Слева от источника, вплотную к торцу его стены, пристроено что-то вроде домика с каменно-черепичной крышей и стеклянной рамой-дверцей с фасада. Внутри этого домика наставлены иконы и горит лампадка, весь этот комплекс с источником и беседкой выглядит как-то очень по-домашнему уютно, и в то же время поцерковному торжественно.

Набрав воды, мы подождали, пока наш батюшка переоденется из взмокшего уже на нем от пота черного льняного подрясника в выгоревший и застиранный почти до белизны, но любимый батюшкой хлопчатобумажный подрясник, чем-то напоминавший холщовые рубахи Льва Толстого, только длиной до щиколоток. Пока батюшка застегивал пуговички на подряснике и подпоясывался «афонским» кожаным ремнем с крестчатой пряжкой, Игорь быстренько приторочил мокрый Флавианов наряд сверху своего-флавиановского рюкзака.

— Батюшка! Он так быстрее просохнет на солнышке, — пояснил Игорь, увидев недоуменный взгляд Флавиана.

Мы тронулись далее.

— «Вперед и вверх, а там!..» — тихонько пропел я голосом Высоцкого. — Батюшка, а что там?

— Там, Леша, на вершине стоит маленький храм Преображения Господня, Метаморфоза по-гречески. Принадлежит этот храм, как и вся территория горы, монастырю Великой лавры преподобного Афанасия Афонского.

— А в нем литургию служат?

— Лаврская братия, как мне говорили, служит там обязательно в праздник Преображения, а в остальные дни там литургию служат по желанию священники из разных мест, в том числе и русские паломники.

— Вот бы нам там литургию послужить! — загорелся я. — Ты послужишь, отче? А я бы тебе поалтарничал и попел!

— Не в этот раз, Леша! — вздохнул Флавиан. — Впервые, я не успел второпях оформить через Патриархию разрешение служить на канонической территории Вселенского патриарха. Во-вторых, туда надо приносить с собою антиминос, священные сосуды и вино с просфорами, а этого у нас с собою нет. Да и вообще-то туда еще надо подняться!

Батюшка дышал тяжело, пот градом катился по его лицу, видно было, что, несмотря на отсутствие рюкзака, ему тяжело выдерживать темп, заданный более молодыми и спортивными спутниками. Я начал потихоньку переживать за его сердце — выдержит ли оно такой подъем, да еще в такую жару! Инстинктивно я потрогал рукой левый карман рубахи, в котором у меня хранилась батюшкина аптечка — полный набор таблеток на все варианты сердечных осложнений, — спаси Господи мать Серафиму!

Вскоре лестница разделилась на два рукава, вправо и влево.

— Куда идти, батюшка? — спросил шедший впереди Владимир у Флавиана, остановившись у развилки.

— Как мне говорили, налево дорога ведет вон к тому красивому новому кириакону.

Батюшка показал рукой на видневшийся слева храм, контрастно выделявшийся на фоне ярко-голубого неба.

— А правая лестница ведет к старому кириакону, где хранится стопа святой праведной Анны, матери Пресвятой Богородицы, оттуда ближе идти к вершине.

— Значит, вправо и пойдём! — глядя на задыхающегося Флавиана, безапелляционно заявил Игорь.

— Может быть, заодно и к стопе приложиться удастся? — предположил Владимир.

— Ну, это как Бог благословит! — вздохнул Флавиан. — Ребята! Вы идите со своей скоростью, как вам удобно, а я потихоньку буду вас догонять, как смогу! Идите, не смущайтесь, вот Алексей за мной присмотрит!

— Еще как присмотрю! — грозно зыркнул на батюшку я, поведя нахмуренной бровью. — Прямо сквозь оптический прицел телефона с номером матери Серафимы!

— Леша! Перестань шантажировать духовного отца! — Флавиан выглядел порядком

утомившимся, но зато светлым и радостным.

— Как благословите, батюшка! — смиренно склонил я голову, сложив ладошки «лодочкой».

— Благословляю идти вперед! — Флавиан выдохнул и продолжил путь вверх, ритмично поцокивая закаленными наконечниками горных палок по бетонным ступенькам. Ребята обогнали нас и вскоре исчезли из виду за ближайшим поворотом лестницы.

Лестница постепенно сужалась, незаметно пропали обрамляющие ее каменные пристенки-бордюры, временами бетонные ступеньки сменялись горизонтальными участками бетонной дорожки или грунтовой тропы. Проходя как раз по такому грунтовому отрезку дороги, мы с Флавианом услышали впереди за кустами какой-то знакомый, но пока еще неузнаваемый голос, напевавший:

— ...садо хар чемо, сулико!

Мы с батюшкой переглянулись.

— Отче! У нас с тобой есть общий знакомый грузин? — поинтересовался я.

— Есть армянин, даже два, но они оба сейчас точно в России!

— Поют не по-армянски, а по-грузински, любимую песню Сталина «Сулико», если я не ошибаюсь, — заметил я.

— Кстати, если я правильно помню, «сулико» означает душечка, ласковое обращение к душе, — сказал, переводя дыхание, Флавиан.

— Ну, наверное, там не о душе человеческой речь идет в песне, а о какой-нибудь душечке с черными бровями и миндалевидными глазами, — предположил я.

— Скорее всего, так, — согласился Флавиан.

Снова совсем близко тот же голос повторил тот же куплет.

Мы обогнули куст и прямо за ним, на камушке, обнаружили сидящего с посохом в руках, откинувшегося спиной на рюкзак и увлеченно распевającego вполголоса с закрытыми глазами «Сулико» Лао Ди! Отца Димитрия из женского монастыря!

— Таки, «нихао» вам, немножечко, Лао! Или, точнее, гамарджобат, патер! — приветствовал его я.

— Тогда уж, если «гамарджобат», то «мамао», — ответил он, улыбаясь своей кроткой улыбкой, — по-грузински отец «мамао»!

Он легко поднялся и расцеловался с Флавианом, затем благословил меня.

На голове у Лао Ди была расшитая каким-то национальным орнаментом шапочка, по форме напоминающая греческую скуфью.

— Какими судьбами, отче? — поинтересовался у отца Димитрия Флавиан.

— Я был сегодня в монастыре Агия Павла, молился там со вчерашнего вечера, — просто и радостно отвечал Лао Ди. — А сегодня после трапезы пришел сюда в скит Святой Анны,

приложился к святыням и уже спускался на арсану, чтобы плыть в Пантелеймон, как вдруг мне пришла мысль подняться на вершину, тем более что я оказался прямо на тропе туда. Вот я и присел передохнуть перед подъемом!

— Не знал, батюшка, что у вас этнические корни из древней Иверии, — почтительно произнес я. — Я уже было подумал в прошлую нашу встречу, что вы ведете свою генеалогию с предгорий Северного Фудзяня или из Гуандуна!

— Что вы! — заулыбался обезоруживающе отец Димитрий. — Я коренной москвич с заурядной фамилией Иванов! Просто я люблю разные национальные культуры, элементы этих культур, в которых наиболее ярко выражается душа народа, его духовная традиция. В Китае это чайное действо, в Грузии — песни! А как прекрасно поет в грузинском храме церковный хор! Вообще-то традиции грузинской музыкальной культуры имеют глубокие христианские корни, как, впрочем, и у многих других христианских народов. Вот, — он снял с головы свой необычный для монаха головной убор, — это грузинская скуфья, смотрите, она вся расшита орнаментами, в основе которых крест!

— Вы, отче, до монашества музыкантом не были? — поинтересовался Флавиан.

— Виолончель... — опустив взгляд, вздохнул Лао Ди.

— Понятно! — отозвался мой батюшка. — Не хотите присоединиться к нашей компании? Там впереди идут еще несколько человек из нашей группы!

— С удовольствием! — отозвался отец Димитрий.

Дальше мы пошли втроем.

^ Глава 24. Восхождение. Дзот

Ступенчатая дорога вверх все сужалась, все более петляла вокруг выступов горного склона и все чаще ныряла под сень высоких, свисающих над ней деревьев. После одного из таких поворотов она вывела нас к еще одному источнику, около которого отдыхал в полном составе авангард нашей маленькой экспедиции.

Игорь, Владимир и Эдуард, сняв с плеч поклажу, сидели, вытянув ноги на каменной скамье. Та выступала из достаточно высокой, около двух с половиной метров в высоту, стены из камня, поддерживающей грунт расположенной за ней лесистой террасы. Слева от скамьи выступало из стены квадратное корыто, сложенное из того же камня, что и стена, над корытом был бронзовый кран в виде головы дракона, а еще выше — полукруглая ниша со стоящими в ней недорогими печатными иконами. Справа и слева от крана в стене находились две маленькие ниши, в одной из которых стояла стандартная магазинная кружка из нержавеющей стали.

— Отче, глянь-ка, — я показал Флавиану на вмурованные в стену левее источника крупные каменные мельничные жернова, — оригинальный дизайн! Наверное, где-то рядом раньше была мельница!

Флавиан не ответил, он, тяжело дыша, подошел к скамье и с выдохом опустился на нее рядом с подвинувшимся в сторону Владимиром. Я обратил внимание на бледность покрытого потом батюшкиного лица.

— Игорь! — позвал я. — Налей, пожалуйста, в кружку водички для батюшки. — И быстренько

достал из кармана аптечную коробочку с тщательно подписанными рукой матери Серафимы пакетиками лекарств.

— Так! Сейчас, кажется, вот эту капсулку, — я вспомнил строгие инструкции нашей монахини-кардиолога, — ваше преподобие, благословите вам выпить лекарство!

Флавиан молча проглотил протянутую мной капсулу, запил водой из поданной Игорем кружки, откинулся спиной на теплый камень стены. Вид его был далек от совершенства.

— Отчинька! Ты вообще как? Живой? — Я потерял его за руку.

— Ничего, Леша, прорвемся... — Флавиан открыл глаза, и в них блеснул любимый мною огонек веселости. — Надо еще немного потерпеть, а потом порем, и все будет хорошо!

— Ага! Согласен! Только по возвращении домой в целостности и сохранности! Если я вместо тебя живого в Покровское твои «многоцелебные мощи» доставлю, наши прихожане мою жену Ирину вдовой сделают, а детей сиротами! Я со всей ответственностью заявляю, что к такому сценарию событий я не готов! — Я постарался вложить в свою речь как можно больше свирепости. — Поэтому, ваше преподобие, ребята пойдут дальше, а мы с тобою начинаем движение вниз! Как раз к обратному парому успеем! Наше с тобою восхождение завершено!

— Не гони пургу, Леха! — В голосе Флавиана я узнал знакомые интонации однокурсника Андрюхи, туриста-альпиниста-гитариста, борца-байдарочника и вообще «бойца по жизни». — Ты плохо меня слушал! Я сказал — прорвемся! Не бойся, здесь я не помру, не достоин. Мне надо подняться туда! — Он мотнул головой в сторону вершины. — И я верю, что Господь поможет мне сделать это. Ты тоже поверь и помоги мне, а не «грузи» старого друга...

— Хорошо! — вздохнул я. — Дойдем до кириакона Святой Анны, приложимся к святыням, и, если тебе будет плохо, останемся в архондарике до завтра, пока ребята не вернутся! Согласен?

— Ладно! — кивнул Флавиан и повернулся к «команде». — Идите, ребята, к кириакону, я чуть отдышусь и догоню вас там!

Мы с Игорем переглянулись, я кивнул в сторону кириакона, он вскинул рюкзак на плечи и молча возглавил дальнейший подъем. Мы с Флавианом остались одни.

Не зная, что еще сказать Флавиану, чтоб он не увлекался опасным героизмом, я просто сел рядом и тупо уставился взглядом в носки своих фирменных горных кроссовок.

— Леша! — нарушил молчание Флавиан. — Папа Герасим благословил меня идти на вершину, сказал, что там есть нечто важное для меня. Значит, он знал, что я дойду! Без этого я бы и не рискнул, пожалуй, хотя подниматься хотел изначально. Он сказал, что Господь будет с нами и поможет, чтобы мы доверяли Ему и не боялись!

Снова знакомые слова! Передо мною на мгновение вспыхнуло улыбающееся лицо «монаха» Феологоса. Что-то словно отвалилось от моего сердца, тяжелое и колючее.

— О'кей, патер! — улыбнулся я старому другу. — Значит, в путь!

Мы поднялись и застучали палками по бетонным ступенькам.

Дорога до кириакона заняла около часа. Мы шли не торопясь, размеренно, ритмично, все-таки

альпинистский опыт Флавиана давал ему ощутимые преимущества перед неопытными в восхождениях спутниками (это я о себе). Периодически он останавливался, опирался плечами на рукоятки своих палок, выставив их вперед, разгружая, таким образом, ноги от части своей массы. Затем снова двигался вперед. Кстати, когда мы догнали ребят во дворе скита, оказалось, что они ждут нас всего около десяти минут.

За это время отец Димитрий, владеющий основами греческого, успел найти архондаричего и договориться, чтобы для нас открыли храм и вынесли для поклонения святыни. Так что мы с Флавианом попали прямо с «корабля» в кириакон — соборный храм скита, где под прохладными древними сводами, кратко помолившись, смогли благоговейно припасть к стопе той самой, жившей две тысячи лет назад женщины, через которую в наш мир пришла Честнейшая Херувим и Славнейшая без сравнения Серафим!

Флавиан приложился к мощам святой Анны последним, пропустив всех впереди себя. Он стоял на коленях, припав лбом к ковчежцу со святыней до тех пор, пока греческий иеромонах, вынесший нам святыни, не начал тихонько покашливать, напоминая, что пора и честь знать. Тогда мой батюшка поднялся с коленей, облобызал вторично святыню, и, когда он разогнулся и выпрямился, в его глазах сияла какая-то особая радостная уверенность, вселившая и в меня надежду, что мы и вправду «прорвемся»!

Покинув скит, мы стали подниматься дальше вверх по все более сужающейся лестнице, теперь уже лишенной всякого ограждения. Минут через двадцать пути лестница благополучно закончилась вместе с оставшимися внизу под нами последними домиками-кельями скита Святой Анны. Началась просто грунтовая тропа, которая перевалила через широкую осыпь крупных камней, очевидно вызванную ливневым селом или быстрым таянием ненадолго лежащего на афонские склоны снега. Затем тропа нырнула в лес.

Тропа была узкая, извилистая, ныряла то вверх, то вниз (все-таки в основном вверх), то вправо, то влево и более напоминала прокопанный в каменистом грунте желоб, засыпанный щебенкой размером от миндального ореха до крупного грейпфрута. Ноги норовили на этих камнях все время подвернуться и наверняка подвернулись бы не один раз, если бы не заранее приобретенные по указанию мудрого моего батюшки высокие горные кроссовки, на «тракторной» шипастой подошве, плотно схватывающие щиколотку.

Флавиан шел достаточно бодро, не отставая от основной группы, чему способствовало, конечно, еще и солнце, что нещадно жарило нас на большей части лестничного отрезка пути, а теперь лишь весело пробивалось лучиками сквозь густую листву окружающего нас леса.

Впереди нашего отряда шел тонкий и легкий отец Димитрий, за ним следовали Владимир и Эдуард, потом регулярно оглядывающийся на Флавиана Игорь, за ним сам Флавиан, и, подстраховывая батюшку сзади, замыкал шествие ваш покорный (и почти смиренный) слуга.

Вскоре мы увидели первый крест — знак-указатель, о котором нам говорил инструктировавший нас перед отправлением на вершину схимонах Александр. Высотой сам этот крест был около метра, но поскольку привязан он был к стволу дерева на высоте полуметра от земли, то получалось, что его верхняя перекладина, сделанная из оструганной досочки, была как раз на уровне моих глаз. На этой верхней перекладине было вырезано слева направо две галочки «AGIASMA 150 m. Если «агиасмой» (святыней) греки называют святую воду, можно было предположить, что налево по тропе в ста пятидесяти метрах находится святой источник.

На нижней перекладине, сделанной в классической форме стрелочки указателя, было написано поанглийски и по-гречески «АФОН», буквами помельче «лавра» и «керасиа».

«Лавра», это понятно, означало Великую лавру Афанасия Афонского, на чьей земле мы сейчас находились, а керасия — маленький скит, тоже находящийся где-то в этих местах. Венчал деревянный крест, опирающийся основанием на верхнюю перекладину, небольшой металлический крестик, под который была подсунута небольшая иконка Божьей Матери, явно софринского производства.

— Ага! — отметил я. — Первый крест, значит, правильно идем!

Мы сфотографировались на фоне этого креста — указателя пути наверх и двинулись дальше. Тропа то поднималась вверх, то переходила в небольшие горизонтальные участки.

Так мы двигались какое-то время, затем тропа стала все круче забирать вверх, Флавиан начал дышать все тяжелее, но держался, не отставая. Неожиданно за очередным поворотом вдруг появилось некое сооружение, которое не сильно разбирающийся в военной фортификации Лао Ди почему-то назвал «экий дзот!».

«Дзот» был скорее похож на приписываемые эпохе неолита дольмены. Только сделан был не из больших плоских каменных плит, составленных наподобие деревенской собачьей будки, а из грубо слепленных бетоном разнокалиберных камней обычного строительного размера. Да и вместо круглого лаза во фронтальной стене, роднящего дольмены с собачьей будкой, здесь был стандартный дверной проем, правда, без каких-либо следов когда-либо бывшей в нем двери.

Фактически это были три стены, накрытые сверху наклоненной назад крышей, отлитой целиком в опалубку из бетона, почти всю площадь четвертой, фронтальной стены занимал вышеупомянутый дверной проем. Внутри, посередине земляного пола, возвышался круглый, закрытый металлической крышкой люк на бетонном кольце, диаметром приблизительно в полметра. Приподняв крышку, мы увидели, что это колодец, в котором была вода.

По задней стене из потолка в пол спускалась какая-то металлическая труба. Справа и слева от входа вдоль стен, уходящих вглубь метра на два с небольшим, были сооружены примитивные лавки из досок. Были и автографы побывавших здесь постояльцев на разных языках. Мне сразу бросилась в глаза надпись крупными, стилизованными под славянскую вязь буквами: «МОСКВА+БИРЮЛЁВО».

— Наши везде! — торжественно объявил я.

По возникшему тут же коллективному желанию, было решено сделать в этом «дзоте» привал и перекусить (о! с каким одобрением я воспринял эту великолепную идею!) Очевидно, это сооружение часто использовалось в виде трапезной благочестивыми паломниками. Были извлечены из рюкзаков запасы провизии: хлеб, рыбные консервы с кальмарами и осьминогами, выданные нам заботливым схимником Александром прекрасные подкопченные маслины и свежие огурцы с помидорами. Вышел вполне приличный паломнический стол.

Помолившись, сели трапезничать.

И тут, в конце трапезы, всех нас сразил отец Димитрий.

Нет, тут уж точно уместнее назвать его Лао Ди! Он вытащил из своего невеликого рюкзака «газаки» — так в Греции называют походную газовую горелку, прикрученную на одноразовый литровый газовый баллон, поставил на него литровый же чайник из нержавеющей стали со вставляющимся в него сетчатым стаканчиком и приготовил в нем — сами понимаете что!

— Гун-фу-ча! — радостно воскликнул я понравившееся мне заклинание.

— Пинь-ча, — смиренно поправил меня, потупив взор, улыбающийся Лао Димитрий, — когда пьют чай только из одной чашечки, это называется «пиньча»!

Ранее не знакомые с высокой эстетикой «правильного» чаепития Владимир с Эдуардом были сражены наповал, причем не только вкусом женьшеневого улуна, но и местом и обстоятельствами, в которых им пришлось впервые в жизни попробовать этот элитный китайский чай.

— Однако! — причмокивая и смакуя непривычный для него вкус напитка, произнес Эдуард. — Вот уж не ожидал я здесь такого угощенья!

— Афон! — лаконично, тоном бывалого афонца, ответил ему я. — То ли здесь еще бывает!

И ведь как в воду глядел!

Когда трапеза закончилась, мы помолились (я с удовольствием отметил про себя, что «наш» Эдуард тоже достаточно внимательно слушал слова молитвы и старательно крестился) и стали собираться.

— Братие! — услышали мы снаружи голос послушника Игоря. — Я понял эту конструкцию! Посмотрите сюда!

Повылезав наружу, мы обошли «дзот» сбоку и посмотрели на крышу в задней части строения, куда указывал Игорь. Там был устроен водосток, соединенный с трубой, уходящей внутрь помещения.

— Вот откуда вода в колодце внутри этой хибарки! — продолжил Игорь. — Это дождевая вода по крыше через трубу стекает вниз и наполняет колодец!

— Разумно устроено, — кивнул Флавиан, — я уже раньше обратил внимание на то, что на Афоне дефицит воды в отдельных местах компенсируют за счет строительства водосборных цистерн. Пока Господь дает дождь, будет у братии и вода!

— А разве Он может не дать дождя? — удивился Эдуард.

— Может и не дать, — вздохнул Флавиан, — уже такое было при пророке Божьем Илии, целых три года. При Антихристе вроде опять повторится, небо не даст дождя — земля не даст плода...

— Не хотелось бы жить в такое время, — задумчиво произнес Эдуард.

— Это уж как Бог даст! — ответил Флавиан.

^ Глава 25. Восхождение. Леший

Отдохнув и насытившись, наша команда продолжила свое восхождение. Вновь возглавил шествие Лао Димитрий, за ним, иногда меняясь местами, шли Эдуард и Владимир, затем Игорь, все время держащий нас с Флавианом в зоне видимости и слышимости, за ним Флавиан и в арьергарде «аз многогрешный».

Вскоре тропа вынырнула из чащи леса и пошла по краю склона, камней на тропе стало поменьше, идти соответственно легче. Пройдя какое-то расстояние по почти горизонтальной поверхности, мы вновь стали подниматься по усилившемуся уклону тропы вверх и оказались на

небольшой террасе, где тропа поворачивала влево.

На этой террасе, на самом краю обрыва, стоял второй крест. Сделан он был из вертикально закрепленного в камнях столбика, высотой чуть более двух метров, и привязанной к нему толстой веревкой перекладины из ветхой, изъеденной ветрами и дождями доски.

За крестом открывалась потрясающей красоты панорама Афона, уходящего вдаль, в сторону материка.

Клонящееся к закату солнце освещало побережье и восходящий от него склон горы мягким золотистым светом, в лучах которого и зелень и камни выглядели какими-то словно воздушными, дышащими и источающими из себя некий благоуханный дух.

Дивна красота Божьего творения!

Конечно, тут же все подоставали свои фотоаппараты, Эдуард свою навороченную «лейку», я свой скромный «Кэнон», отец Димитрий и Владимир простые мыльницы. Игорь и Флавиан не фотографировали. Флавиан понятно почему — у него есть свой личный фотолетописец (то есть я), а Игорь — тоже понятно: зачем ему снимать, когда он просто живет во всей этой красоте?

Отщелкав столько кадров, сколько каждый снимающий счел достаточным, фотографы зачехлили свои аппараты, и мы двинулись дальше.

Вскоре лес стал редеть и мельчать, деревья в нем становились все более приземистыми и кустоподобными, очевидно, на этой высоте уже начиналась другая климатическая зона. Тропа попетляла через эту растительность и вновь выбралась на открытое пространство склона. Справа внизу простиралась вдаль голубеющая гладь моря, с еле видной ниточкой полуострова Ситонии на горизонте, слева вздымалась вверх зеленая с каменными проплешинами гора. С двух сторон тропы высотой примерно по пояс росли какие-то густые мелколистные кустики со светло-коричневыми шишечками.

Я пригляделся к ним повнимательнее, так как в этих шишечках мне показалось что-то знакомым.

И точно!

— Отче! — воззвал я к Флавиану. — Нет, ты подивись! Ты когда-нибудь видел дубовые желуди, растущие на кустах?

— Видел, — спокойно ответил Флавиан, — в горах Кавказа и когда ходил в Приэльбрусье. Там тоже растет местами такой карликовый кустообразный дуб.

— Понятно, — протянул я разочарованно, — все-то вы, батюшки, в этой жизни повидали, не то что мы, мирские домоседы...

Флавиан лишь хмыкнул и не удостоил ответом мою инсинуацию.

— Посмотрите, какая красота! — Отец Димитрий остановился впереди, тем самым остановив всю цепочку шествовавших по тропе паломников, и указал рукой направо, где острым гребнем, словно плавник, венчающий вздыбленный хребет огромного морского зверя, возвышалась в отдалении высокая, поросшая редколесьем скала.

Зрелище действительно восхищало.

— Смотрите, смотрите! — призвал наиболее глазастый из нас Игорь. — Там, на вершине, церковь стоит!

Я присмотрелся, действительно, на вершине скалы виднелось какое-то строение. Я вытащил фотоаппарат, присоединил к нему телевик, посмотрел в видоискатель, приблизил максимально изображение вершины той скалы. Там отчетливо виднелся домик с куполом, увенчанным крестом, вероятно, келья с церковью-экклесией под одной крышей. Я дал посмотреть в видоискатель Флавиану, а тот Игорю. То же самое проделал Эдуард со своей «лейкой», предложив ее в качестве подзорной трубы отцу Димитрию и Владимиру.

— Надо же! — сказал Эдуард, сделав возвращенным ему фотоаппаратом несколько снимков храма на вершине скалы. — Неужели там кто-то живет и молится?

— Вполне возможно, — ответил Флавиан, — судя по ухоженности здания, похоже, что оно не заброшено.

— Это ведь как-то туда еще и залезть надо! — поразился я. — Интересно, с какой стороны туда тропа идет, отсюда со всех сторон уж очень круто будет подниматься.

— На Карули еще круче, — отозвался Игорь, — я там был один раз, по цепям, натянутым на скалы, поднимались, опасные места.

— Зачем вообще в такие дебри забираться? — недоумеваю, спросил Эдуард. — Ведь есть же вполне комфортные скиты и монастыри, где все оборудовано, где медицинская помощь, в конце концов, доступна?

— Ты бы там хотел подвизаться, отче? — повернулся Флавиан к отцу Димитрию, показав рукой на ту келью.

— Хотел бы, — задумчиво ответил тот.

— А ты? — Флавиан обратился к Игорю.

— Еще бы! Конечно хотел бы! — не раздумывая, ответил Игорь. — Только отец Никифор на отшельничество не благословит, не готов я еще...

— Вот вам и ответ, — посмотрел на Эдуарда Флавиан, — я бы тоже хотел, если бы не был приходским пастырем. Там Бог ближе! Поэтому монахи туда и карабкаются...

Эдуард посмотрел на Флавиана, Игоря, отца Димитрия каким-то детским, удивленно-восхищенным взглядом, молча покачал головой и убрал фотоаппарат в чехол. Мы двинулись дальше.

Тропа стала понемногу забирать в глубь перелеска, постепенно переходящего в настоящий серьезный лес. Причем этот лес был уже не такой, сквозь который мы шли после скита Святой Анны. Тот лес был лиственный, достаточно густой, и в то же время легкий какой-то, прозрачный. А этот лес, куда мы углублялись, все сильнее начинал напоминать декорации к какому-то мистическому или сказочному фильму. Редкие старые корявые деревья с полуобнаженными крупными корнями и множеством спутанных перекрученных каких-то ветвей, кустарник между ними, тоже какой-то притаившийся, небольшие елки тут и там, листва толстым слоем под ногами вперемешку с обломанными ветками и камнями.

— Того и гляди, сейчас леший какой-нибудь выскочит, — мрачно пошутил я, видя, что и мои

спутники прониклись харизмой этого места.

— Да вот и он! — показал рукой Владимир на какое-то странное грязно-черное нагромождение поверх одного из стоящих при дорожке камней. Нагромождение зашевелилось, и стало ясно, что это какое-то живое существо. Мы инстинктивно остановились и сдвинулись поближе друг к другу, Игорь неприметным движением спустил с плеч рюкзак и передвинул свой тесак поближе к правой руке.

Сидевшее на камне существо спрыгнуло и перегородило нам дорогу. Оно было частично человекообразным. Другой частью — крючковатым поблескивающим клювом-носом, выпученными грязно-желтыми глазами и свисающими с размахивающих рук, подобно растрепанным вороньим крыльям, обрывками длинной, похожей на ряску, черной одежды — существо напоминало старую хищную птицу.

Что-то явно демоническое доминировало во всем облике этого странного существа. Шепелявя за отсутствием передних зубов, показывая при этом крепкие клыки обеих челюстей, гнусное по виду создание хриплым каркающим голосом завопило:

— Это вы куда идете?! В Метаморфозу идете?! Метаморфозы хотите?! Идите, идите, сломайте там себе руки и ноги! И позвоночники сломайте! И ребра! И шеи! Все себе переломайте! Скоро не будете туда ходить! По норам ползать будете! Скоро мы везде будем ходить-гулять! И-эх, погуляем! О-ох как погуляем! — Существо, радостно оскалившись, запрыгало в каком-то безумном танце.

Мы все замерли в какой-то парализующей оторопи, настолько неожиданным было явление этого существа, что мы не сразу поняли, как реагировать на его жутковато-мерзкое шоу. Первым пришел в себя Игорь.

— Отче! Благослови «загасить»? — повернулся он к Флавиану.

— Не надо. — Флавиан поднял руку со священническим перстосложением, широким жестом осенил злобное создание знаменем креста, то же самое повторил за ним отец Димитрий. — «Да воскреснет Бог, и расточатся врази его...» — начал батюшка читать молитву Животворящему Кресту.

Существо остановило свой бешеный балет, словно лучами гиперболоида, окатило нас прожигающей ненавистью взгляда безумных желтых глаз и, гортанно взвизгнув, нырнуло в сплетение корявых кустов.

Мы все дружно начали креститься.

— Отец Флавиан! Что такое было сейчас, — обратился к моему батюшке заметно побледневший фотограф Эдуард, — это человек был или нет?

— Да кто ж его знает, — ответил Флавиан, — может, и человеком когда-то был, может, какой-то монах сиромеха, с ума сошедший, может, и еще чего...

Но явно не от Бога он нам благовестить пришел!

— Было бы странно, если бы нас в этом пути ангелы сопровождали, — улыбнулся отец Димитрий, — видимым, я имею в виду, образом! Наверное, носителям зла наше путешествие не нравится! Это хорошо!

— Почему хорошо? — не понял Эдуард.

— Потому что все, что приносит какую-либо духовную пользу человеку, ненавистно дьяволу, и он старается во всяком добром деле препятствовать, — ответил Флавиан. — Батюшка считает, что виденный нами демарш, очевидно, имеет под собой демоническую основу, а из этого следует, что наше восхождение может принести нам реальную духовную пользу. Давайте-ка, братие, усилим молитовку Иисусову, идти еще долго, смеркаться уже начинает...

— Что это за молитва Иисусова? — спросил Флавиана Эдуард.

— Господи, Иисусе Христе, помилуй мя! — ответил ему батюшка и, покопавшись в кармане подрясника, вытащил небольшие дорожные четки-тридцатку. — Берите вот так пальцами один узелок и произнесите про себя эту молитву, потом следующий узелок, опять молитву, и так, пока не дойдете до крестика. На крестике скажите: «Пресвятая Владычице Богородице, спаси меня, грешного!» — и опять по кругу молитву Иисусову.

— Хорошо! — радостно взял четки Эдуард. — Я попробую. А что, вы все так молитесь?

— Пытаемся... — ответил Флавиан.

Мы продолжили восхождение.

^ Глава 26. Восхождение

Вскоре мы вышли из этого «заколдованного» леса с его странным обитателем (может, он и не один там такой?) и снова попали на тропу, идущую вдоль склона над обрывом. Через сотню метров тропа повернула налево и нам открылся удивительный вид на вершину.

Закатные лучи освещали ее свободную от растительности, обнаженную каменную часть, состоящую из выветренного белого мрамора, и эта беломраморная вершина в закатных лучах была сияюще-золотой! Приглядевшись к ней через видоискатель фотоаппарата с дальнобойным объективом, можно было хорошо разглядеть правильный светлый квадратик храма Преображения Господня — Метаморфозы, также вызолоченный закатным светом. Но идти туда еще было...

Я посмотрел на Флавиана. Внешне он был спокоен, хотя бледность на его осунувшемся за время пути лице говорила о том, как нелегко нести сто сорок кэгэ веса собственного тела на больных артрозно-варикозных ногах при плохо работающем сердце. Я взглянул на часы, пора было пить батюшке вечернюю дозу лекарств.

— Ваше преподобие, — обратился я к Флавиану, — не откажите в любезности проглотить вот это!

Я протянул ему одну беленькую и одну желтенькую таблетки.

Флавиан с кротким видом принял от меня лекарства, запил глотком воды из поданной ему Игорем пластиковой бутылки, перекрестился и сказал:

— С Богом, братие! Осталось немного!

Интересно, что он имел в виду под «немного»? Свое здоровье, что ли?

Мы пошли дальше.

Тропа, снова представлявшая из себя земляной желоб, наполненный перекатывающимися под ступней камнями, теперь завела нас в ущелье, заросшее редколесьем, состоящим из негустого высокого кустарника с вкраплением в него дотоле не встречавшихся на пути сосен, достаточно высоких. Подъем становился все круче, начало темнеть. Мы достали маленькие налобные фонарики, надели их на чело и стали ими подсвечивать себе дорогу.

— Отец Димитрий! — крикнул Флавиан легко взбирающемуся по каменистой тропе впереди идущему Лао Ди. — Вы с Володей и Эдуардом идите вперед, с той скоростью, с какой вам удобно! Встречайте нас в скиту Панагии! Там отдохнем несколько часов и перед рассветом пойдем на самую вершину!

— Хорошо, отче! — отозвался отец Димитрий. — Если нужна будет помощь, пошлите кого-нибудь из ребят!

— Ладно! — отозвался Флавиан.

Хотя по нему было видно, что ему уже совсем не ладно. Я и сам уже начал всерьез ощущать на себе последствия пройденной части маршрута. Гудели ноги, особенно ощущались боли в бедренных мышцах, дыхание стало напряженным и частым, сердце ощутимо тяжело гоняло кровь по утомленному организму. Немели пальцы рук, сжимающие рукоятки палок, которые, подобно лыжным, принимали на себя значительную часть нагрузки при ходьбе.

И так себя чувствовал я, не страдающий пока (слава Богу!) ни гипертонией, ни артрозом суставов, ни варикозными расширениями вен на ногах, не считая перенесенного инфаркта и прочих имеющихся у моего батюшки болячек! При одинаковом росте в сто восемьдесят шесть сантиметров я тащил восемьдесят пять килограммов собственного веса плюс около пятнадцати в рюкзаке, итого — сто!

А бедный Флавиан даже без рюкзака тащил на своих больных ногах сто сорок! Почувствуйте разницу! Я ее чувствовал! В том, что начинал уже потихоньку ныть (про себя, конечно!), раздражаться на выскальзывающие из-под подошвы камни, на трущую плечо лямку рюкзака, на бьющуюся о бок в ритм шагов пластиковую фляжку, на...

Да, на многое я уже начинал внутренне напрягаться!

В отличие от меня, Флавиан был светел, и хотя изможден, бледен, но радостен. Я бы даже сказал так: «Лицо его освещалось неким вдохновением изнутри!» Хотя идти ему явно было все тяжелее. Он перешел на «гусиный шаг», ставя ступню шагающей ноги пяткой на уровне носка стоящей, одновременно вонзая в грунт наконечник противоположной ноге горной палки. Топ-топ, топ-топ, ритмично и размеренно, согласуя шаги с дыханием, и при каждом шаге шепотом выдыхая: «Господи — Иисусе — Христе — помилуй — мя! — Господи — Иисусе — Христе — помилуй — мя!»

Совсем стемнело.

Теперь уже не видно было совсем ничего, кроме освещаемого слабым налобным фонариком отрезка тропы в несколько метров перед тобой. Какое-то время впереди еще слышались шаги и перестук ударяющих по камням горных палок, изредка перемежающийся отдельными словами уходящих вверх наших спутников, затем и эти звуки пропали. Только молчаливо идущий метрах в пяти впереди Флавиана Игорь все чаще останавливался, поджидая батюшку и напряженно вглядываясь в его слабо подсвечиваемое фонариком лицо.

Через каждые тридцать—сорок шагов Флавиан останавливался, зависал, опершись плечами в

торцы рукояток выставленных вперед палок, затем, слегка отдышавшись, не переставая молиться, продолжал свое восхождение. Хорошо еще, что с наступлением темноты спала жара и, по мере нашего продвижения вверх, мы все сильнее ощущали периодические дуновения освежающего ветерка.

Трудно понуждать себя идти вверх, когда не видишь конкретной цели, не видишь места прибытия, а только нудную, утомительную дорогу, с осыпающимися из-под ног камнями, с давящей на плечи ношей, с тусклым светом, освещающим лишь малый отрезок пути перед тобою.

Тем более, когда конечная цель тебе не известна, ты не был там и не знаешь, что это такое и вообще стоило ли тратить силы, чтобы туда идти! Ты просто поверил кому-то, сказавшему, что она есть, эта цель, и что там есть то, ради чего стоит, изнемогая от усталости, борясь с раздражением и унынием, все-таки заставляя себя поднимать ноющую натруженную ногу и делать еще один шаг, и еще один, и еще...

И неизвестно, сколько еще таких вымученных шагов на пределе физических и душевных сил тебе предстоит сделать! Ты просто веришь, что эта цель когда-нибудь будет достигнута, что каждый твой шаг приближает тебя к ней ровно на один шаг и что тебе придется сделать еще ровно столько шагов, сколько их нужно сделать, чтобы дойти до этой долгожданной цели. А можно сесть и сидеть, хныча или ругаясь, или тупо молчать в изнеможенном бессилии, но тогда цель перестанет приближаться к тебе.

Все как в жизни.

Как важно в таком пути иметь перед собою того, кто тоже идет к той же цели, что и ты, причем так же тяжело и мучительно, а быть может, еще тяжелее, чем ты, еще мучительнее, но идет! И освещает своим фонариком путь еще на несколько шагов дальше, чем можешь осветить ты. Он тоже верит в достижимость конечной цели, как и ты, и своим движением впереди тебя он укрепляет и твою веру, придает тебе силу и желание идти за ним дальше, не отстать и не остаться в темноте, дойти и разделить с ним радость обретения!

Впереди меня шел Флавиан. По горе и по жизни. Нашей целью была вершина. И на горе и в жизни. А на вершине — Преображение.

Флавиан остановился:

— Все, Леша! Сил больше нет, давай посидим! — Он грузно, со стоном опустился на какую-то возвышающуюся на обочине кочку.

Свет Игорева фонарика, оторвавшийся от нас в темноте метров на десять, тоже замер.

— Игорек, привал! — крикнул ему я.

Светящаяся точка начала спускаться, приближаясь к нам. Игорь подошел и присел рядом с нами на обочине тропы.

— Интересно, далеко еще до Панагии? — поинтересовался я, сам не знаю у кого.

— Трудно сказать, — ответил Игорь, — может, километр или три, а может, и метров сто. Мне говорили, что Панагия появляется внезапно, в конце этого ущелья, по которому мы сейчас идем. Идешь, идешь, а потом раз — и уже Панагия! Там наши ребята небось уже нас ждут, очаг разожгли, поесть организовывают. Отец Димитрий небось свой хитрый чай заваривает!

— Пошли! — улыбнулся, вставая, Флавиан. — Уж очень ты, брат Игорь, аппетитную картинку нарисовал, у Лешки вон уже слюнки текут!

— Ничего не текут, — ответил я, поднимаясь, — хотя чашечку живительного улуна сейчас бы в самый раз!

Мы двинулись дальше.

^ Глава 27. Восхождение. Игуменья горы Афонской

Панагия и вправду появилась внезапно! Точнее, внезапно вверху впереди, метрах в сорока, засветился фонарик, и голос Эдуарда позвал:

— Отец Флавиан! Батюшка! Это вы?

— Мы! — исторг из работающих как кузнечные мехи легких придушенный возглас Флавиан.

— Поднимайтесь сюда, отец Флавиан, вы уже почти пришли! — Эдуард осветил своим фонариком сверху оставшийся нам отрезок тропы. Пройдя еще метров двадцать, мы увидели выделяющийся четким контуром на фоне ночного неба известный нам ранее только по фотографиям купол маленького скита Панагии. Он оказался всего в полусотне шагов от места, где мы поднялись из ущелья. Из-под двери скита приветливо выбивалась полоска гостеприимного света.

Даже не мог себе представить раньше, сколько радости может вызвать у меня встреча с человеком, с которым расстались всего пару часов назад.

— Брат Эдуард, здравствуй! — приветствовал его я. — Как там наш ужин? Лао Ди уже заварил улун?

— Наш ужин, брат Алексей, — улыбнулся в свете фонаря Эдуард, — находится, вероятно, метров на триста или четыреста выше! А может, уже и на все пятьсот!

— Не понял! — вынырнул из темноты Игорь. — А где ребята?

— Они сейчас поднимаются последний пятисотметровый отрезок пути на вершину. Меня они оставили здесь, чтобы предупредить вас о том, что будут ждать наверху!

— Ничего себе! — не мог въехать в ситуацию я. — А чего они туда пошли-то сейчас? Мы же договорились отдыхать в Панагии и утром, перед рассветом, начинать последний подъем, как это делают обычно все паломники! И кто тогда там? — Я показал концом палки на свет из-под двери скита.

— В этом все и дело! — снова улыбнувшись, ответил Эдуард. — Там находятся рабочие-албанцы, которые ремонтируют Панагию и что-то строят на вершине.

Они не пустили нас к себе, сказав, что у них нет места, и жестами показали идти на вершину!

— Чего! — расвирепел бывший спецназовец Игорь. — Да они у меня сейчас сами ночевать будут в овраге! Не пустить паломников! Пошли! Сейчас я посмотрю, как эти «албаносы» не пустят ночевать нашего батюшку!

Он сбросил рюкзак и решительно двинулся в сторону двери скита.

— Игорек! — тихим голосом позвал его Флавиан.

Игорь недоуменно остановился и повернулся к бабушке.

— Игорек! Не ходи туда, пойдем наверх, — еле стоящий на ногах Флавиан кивком показал в сторону вершины, — это не «албаносы», это Бог так благословляет нас совершить то, зачем мы сюда пришли!

— Отче! — Игорь был просто вне себя от возмущения. — Да вы же сейчас упадете! Как вам сейчас туда идти? Это невозможно!

— «Невозможное человекам возможно Богу!» — процитировал Евангелие Флавиан. — Если Бог руками албанцев отправляет нас наверх, значит, Он даст и сил дойти туда.

— Да вы там просто помрете, по дороге! — в отчаянии махнул рукой Игорь.

— Недостойн я, брат Игорь, такого счастья — помереть на вершине Святой горы! — улыбнулся мой бабушка. — Значит, не помру! Пошли, чего время тянуть!

Бурча что-то под нос, Игорь взял свою поклажу, вскинул ее на плечи и первый двинулся в сторону видневшейся каменистой тропы, ведущей на вершину.

Мы двинулись за ним.

Теперь останавливаться приходилось все чаще, уже не через тридцать—сорок шагов, а через десять—пятнадцать. Флавиан явно изнемогал. Да и я-то сам, вроде и не совсем уж старый и больной, можно сказать — муж «спортивного обличия», а, пройдя столько часов подряд все время в гору, причем большую часть пути по изматывающей жаре, был далеко не в лучшем состоянии.

Ноги, особенно бедренные мышцы, гудели так, что хотелось, чтобы их не было вообще, дышалка работала на износ, легкая джинсовая рубашка была мокрой насквозь, хоть выжимай! Голова кружилась от усталости, от горного воздуха и от сознания того, что Флавиан сейчас испытывает то же самое, только в гораздо более тяжелой степени. К тому же и тропа вскоре превратилась в узенький, утыканный острыми камнями карниз, идущий серпантинном вверх по крутому мраморному склону. Если сорваться вниз...

Даже думать не хотелось о том, в каком виде тебя будут хоронить.

Примерно через полчаса устроили привал. Кое-как примостились на тропе между повсюду торчащих острых каменных обломков.

— Бабушка! — обратился к Флавиану Эдуард, подождав, пока тот отдышится и немножко придет в себя. — Скажите, а это точно, что женщины не могут находиться здесь, на Афоне?

— Точно! — кивнул Флавиан.

— Даже монахини? — опять спросил Эдуард.

— Даже монахини!

— Тогда я не понимаю... — задумчиво пробормотал фотограф.

— А в чем вопрос? — поинтересовался у него батюшка.

— Видите ли, не знаю, как сказать, — замялся Эдуард. — Не хочу, чтобы вы подумали, что я немного того, — он покрутил пальцем у виска, — хотя вот Алексей же сказал, что «то ли еще будет»... Словом, я видел там, — он показал вниз, в сторону Панагии, — женщину, судя по одежде — монахиню, средних лет и очень красивую.

— Когда? — не удержавшись, встрял я.

— Минут за двадцать до того, как подошли вы с батюшкой! — повернулся ко мне Эдуард.

— Как это было? — явно стараясь сохранять спокойствие, спросил его Флавиан.

— Я сидел на камне рядом с тропой, по которой должны были подняться вы, — ответил фотограф, — и, как вы меня научили, читал по вашим четкам молитву Иисусу, я даже не скажу, сколько раз я успел ее прочитать. Когда я в очередной раз прошел весь круг узелков и остановился на крестике, я сказал, как вы меня научили: «Пресвятая Владычице Богородице, спаси меня, грешного!» И мне почему-то так легла на душу эта молитва, что я начал повторять ее дальше вместо молитвы Иисусу, перебирая узелки четок. А когда я завершил весь круг, все тридцать три узелка, она как раз и прошла рядом со мной!

— Просто прошла рядом? — уточнил батюшка.

— Она остановилась, посмотрела на меня очень доброжелательно, перекрестила меня рукой, улыбнулась и пошла дальше. В руке у нее был деревянный посох с небольшой перекладиной сверху!

Флавиан сунул пальцы в нагрудный карман и достал оттуда небольшую заламинированную карточку.

— Такой посох? — он протянул карточку Эдуарду.

— Такой! — удивился тот. — Подождите, да это же она сама! Только плащ у нее был не красный, а черный, весь в мелких складочках! Пойдите, да это же... — он посветил фонариком поближе, чтобы разглядеть надпись на иконке, — это что, Дева Мария?

— Эта икона называется «Игуменья горы Афонской», — ответил Флавиан, — вы только что получили от нее благословение, от Игуменья горы Афонской. Это единственная женщина, которая ходит своими стопами по этой земле. Кстати, «Панагия» переводится как «Всесвятая», этим именем на Афоне чаще других имен называют Матерь Божью. Оставьте себе эту икону, пусть она будет вам памятью об этой встрече!

Вы бы видели глаза Эдуарда, когда до него дошло, что же случилось с ним менее часа назад! Впрочем, и у нас, остальных участников этого разговора, лица вряд ли были менее потрясенными.

Кажется, даже Игорь перестал гневаться на «албаносов».

⌄ Глава 28. Восхождение. Вершина

Наверное, только под впечатлением от чудного происшествия с Эдуардом нам удалось провести в пути еще два с половиной часа, дойти до вершины и остаться в живых.

Иначе не объяснить, как мы вообще смогли все-таки взойти туда. В почти полной темноте мы карабкались по камням по еле видной, а порой и просто пропадающей тропе... Никто из нас не сорвался и не громыхнулся вниз с этой тропы-карниза, нас не сдуло оттуда возникшим за поворотом склона сильнейшим восточным ветром.

Я двигал руками и ногами абсолютно на автомате, нащупывая, куда наступить, чтобы под ребристой подошвой оказалась твердая опора, на которую можно было бы перенести тяжесть тела, чтобы сделать следующий шаг. Одновременно действуя, словно тростью слепого, поочередно двумя палками, я выбирал опору для рук, балансируя на торчащих отовсюду камнях и камушках тропы.

В ушах гудел все усиливающийся ветер, сердце колотилось, как обезумевший зверь, в грудной клетке, ноги периодически сводило судорогой, они подкашивались в самый неподходящий момент.

И, несмотря на все это, я был счастлив. Какое-то особое чувство переполняло меня, и каждой клеточкой своего тела, каждой частичкой своей души я ощущал полноту жизни, особый смысл этого вползания на гору на пределе душевных и физических сил.

Я чувствовал, что сейчас, на этих выветренных веками и истоптанных тысячами паломнических стоп камнях, я получаю нечто несопоставимо большее всем затраченным мною силам. Нечто неохватное моим заторможенным от усталости умом, что я могу получить только здесь и только так, нечто столь ценное для меня, что ради этого стоило и стоит продолжать карабкаться вверх, полубессознательно повторяя:

— Господи! Иисусе Христе! Помилуй мя! Господи! Иисусе Христе...

Еще не дойдя до вершины, не зная, что там вообще есть, я уже чувствовал, что не смогу за этот подъем охватить все то, что изобильно изливается сейчас на меня в невидимом духовном пространстве. Я понял, что должен буду прийти сюда еще один раз, а может быть, и не раз.

Про Флавиана я вообще молчу. Сколько раз он в изнеможении просто ложился вдоль тропы на этом самом карнизе, не чувствуя впивавшихся в измученное тело острых мраморных осколков. Сколько раз я думал: «Все! На этот раз он уже не встанет!» — и прислушивался к его хрипящему дыханию. Но он вставал и снова карабкался по бесконечно тянущемуся вверх серпантину до тех пор, когда, повернув за очередной кусок скалы, мы вдруг не наткнулись на сидящего под ним отца Димитрия и свернувшегося рядом с ним калачиком в спальном мешке Владимира.

— Отец Димитрий! Это вы? — воскликнул Игорь. — А где же вершина, далеко еще?

— Нет, вот она, за этим камнем! — Лао Ди, кротко улыбнувшись, показал пальцем куда-то себе за плечо. — Просто мы с Володей решили, что первым на нее должен взойти отец Флавиан! И ждали вас здесь.

Сил говорить уже не было. Игорь молча посторонился, пропуская вперед батюшку. Тот нетвердой походкой, повисая руками на гнущихся под его тяжестью палках, проковылял мимо отца Димитрия и пробужденного им Владимира и зашел за выступ скалы. Мы пошли за ним.

Перед нами, освещаемый неярким светом наших фонариков, возник фасад маленького здания, снаружи напоминающего сложенный из шлакоблоков гараж с крошечным окошком посередине. Перед ним была невысокая, по пояс, стенка, сложенная кое-как из камней без раствора. Справа от постройки, вплотную примыкая к ней, возвышался известный по

многочисленным фотографиям в публикациях об Афоне «русский крест» на крупном камне — самой высокой точке Афона. «Русский», потому что принесен и установлен был здесь в 1897 году шестью русскими монахами.

Мы осторожно обошли это строение слева по узкой, меньше метра в ширину, каменной дорожке, левее которой начинался падающий в бездонную пропасть обрыв. С обратной стороны здания, западной, был вход в виде простой дощатой, выкрашенной облупившейся синей краской двери с прибитой к ней толстой веткой, исполняющей роль дверной ручки. Справа от двери на стене строения, на высоте груди, был прикреплен мраморный крест, вырезанный в виде разного размера полусфер с темным каменным кружочком в середине.

Маленькая площадка перед входом была отгорожена с севера и запада двухметровой каменной стеной, на внутренней стороне западной стены висел небольшой, русский по форме колокол. Это и был, как мы поняли, храм Преображения Господня — Метаморфоза, храм, в котором, по пророчествам некоторых афонских старцев, будет совершена в антихристовы времена последняя на земле Божественная литургия.

Вся площадка перед входом в храм была наполнена лежащими на «пенках» и просто в спальных мешках паломниками, их было не меньше шести-семи человек. Наш Владимир немедленно расстелил свой спальник, из которого его заставило вылезти наше появление, на свободном месте, рядом с ним устроился в своем спальнике Эдуард. Игорь вытащил из рюкзака какое-то старое суконное одеяло и, завернувшись в него, пристроился между Владимиром и Эдуардом. У нас с Флавианом и у отца Димитрия спальников не было, мы решили войти в само здание храма.

Дверь, открывавшаяся внутрь, поддалась с трудом, за ней явно кто-то лежал, и мы его побеспокоили своим бесцеремонным вторжением. Но деваться нам было некуда: оставаться в промокшей от пота одежде на сильнейшем ветру было самоубийством, и мы пренебрегли политесом. В храме было темно и ничего не видно, пришлось включить один фонарик, направив его, чтобы никого не ослепить, в потолок.

Зрелище, представшее нашим глазам, было покиношному ирреальным.

Само помещение было общей площадью не более тридцати квадратных метров. В восточной части стоял простенький, неказистый иконостас, а вдоль северной и южной стен были устроены такие же простые стасидии грубой работы. Все пространство пола от иконостаса до двери, куда мы протиснулись, войдя внутрь, было устлано телами спящих — как в спальниках, так и просто на подстилках, укрытых куртками, покрывальцами, тряпками — паломников. Нам лечь уже просто было некуда.

Наше появление разбудило некоторых спящих. Высунув головы из спальных мешков, три человека обзрели наши жалкие фигуры, привалившиеся в изнеможении к западной стене. Затем переговорили о чем-то между собою шепотом, как мне показалось, на немецком языке, молча встали, взяли свои спальники с пола, освобождая нам свои места на полу, и, так же молча, ушли спать на улицу.

«Вот оно, христианство в действии», — последнее, что я успел подумать, проваливаясь в забытие между отцом Димитрием и Флавианом, вместе со мной рухнувшими на освободившийся пол.

Впрочем, спать нам пришлось недолго. Часа через три в окошке забрезжил рассвет, и на полу началось шевеленье. Кто-то начал вставать, выходить на улицу, возвращаться, понемногу

пробудились и все остальные, включая нас. Народ повставал с пола, свернул рулончиками свои туристические подстилки-пенки и засунул их под стасидии.

Затем греческая часть паломников, а их оказалось большинство, начала молиться. Священника среди них не было. Греки, по виду самые простые рыбаки или крестьяне, невысокие, коренастые, с обветренными лицами и мозолистыми руками, молились просто и искренне. Прилепив на стоящий в углу у иконостаса убогий подсвечник несколько восковых свечей, они достали какие-то книжки, очевидно молитвословы, и начали петь молитвы.

Мне приходилось уже многократно слышать греческое «византийское» церковное пение, причем в исполнении лучших афонских монашеских хоров; Ватопедского «живьем» и Симонапетровского на аудиодиске, не считая богослужений, на которых мы успели побывать в других греческих обителях. Это пение прекрасно.

В эпоху моей юности, в период увлечения такими коллективами, как Deep purple, Led Zeppelin и Rainbow, я понял простую вещь. Хорошая песня та, которую ты можешь слушать и получать эстетическое удовольствие, даже не зная языка поющего и не вникая в смысл текста. Сама музыка и эмоции вокалиста либо цепляют тебя за душу, либо нет.

Впоследствии, когда вместо хард-рока, джаза и симфонической классики я начал слушать церковное пение и собирать записи понравившихся мне хоров, я обнаружил, что и здесь работает тот же принцип. Оказалось, что мне легче молиться под пение греков или даже православных арабов из Иорданской церкви, хотя я не разбирал там ни единого слова, чем под пение высокопрофессиональных отечественных церковных певчих с их разлюли-малинистым бортнянсковедельским репертуаром.

Правда, самыми любимыми записями были у меня подаренные Флавианом на кассетах, начала восьмидесятых годов, записи будничных служб Псково-Печорского и еще некоторых других русских монастырей. Такой искренней молитвенности малоискусных в «партесе» монахов-певчих я не слышал больше нигде и никогда.

И вот сейчас, стоя в углу в грубо сделанной стасидии Преображенского храма на вершине Святой горы, я вдруг снова услышал те непередаваемые искренние молитвенные интонации, зазвучавшие в «деревенском» пении простых греческих паломников. Словами этого не передать. Этого можно только сподобиться.

Мне повезло, я сподобился. Слава Богу! Помолившись с полчаса, греки собрали свои пожитки и, неуклюже раскланявшись на прощанье с нами, остающимися, покинули храм. Молиться начали немцы. Теперь я уже точно знал, что это немцы, поскольку их молитва шла на знакомом всему миру немецком языке.

Немцы были пожилые, высокие, подтянуто-спортивные, ухоженные, но без раздражающей холености. Их было трое. Верующие немецкие христиане прошедшей ночью без показухи, естественным движением души, показали нам, что такое христианство в действии, уступив обессиленным русским свое место в непродуваемом пространстве нагретого дыханием спящих храма.

Вероятно, о таких христианах говорил Христос в притче о Страшном суде: «Придите ко Мне возлюбленным! Ибо, когда Я вошел к вам изможденным и обессиленным, вы уступили Мне свое место для отдыха...» Извиняюсь, наверное, я не совсем точно процитировал.

Немцы молились минут пятнадцать, затем деликатно отошли к западной стене храма и заняли там места в стасидиях, уступая нам пространство для молитвы.

Флавиан надел епитрахиль, по традиции всех афонских храмов висящую на «царских воротах», вторая епитрахиль для отца Димитрия нашлась на гвоздике в алтаре, взятое с собою кадило даже не пришлось доставать из сумки, так как в алтаре нашлось «местное», уголь и ладан, правда, использовали наши.

Никогда не думал, что придется алтарничать в таком месте, но пути Промысла Божьего непостижимы. И я, и Игорь, и Владимир оказались «поющими». Так что молебен, а за ним и панихиду, мы отслужили вполне чинно и благолепно по форме. Про молитвенность же нашей службы лучше не буду рассказывать, это интимное, словами все равно не передать. На «Со святыми упокой» слезы показались даже у не знающих ни русского, ни церковнославянского языков немцев. Хорошо помолились — слава Богу и за этот Его дар!

^ Глава 29. Восхождение. Метаморфоза. Orthodox

Наша общая молитва в храме Преображения на вершине Святой горы словно поставила точку над «i» в некоем духовном процессе, невидимо совершавшемся нами и с нами в течение всего нашего восхождения на Афон.

Я не знаю, как это объяснить, но я очень ясно ощутил, что я, пропевший последнее «аминь» и пошедший в алтарь вешать на гвоздик простенькое закопченное кадило, был уже не тот я, что разжигал это же кадило час назад перед начальным батюшкиным возгласом «Благословен Бог наш!..».

И уж тем более не тот, что сошел вчера с парома на пристань Святой Анны и начал восхождение по усыпанным мулашечьим навозом бетонным ступеням.

Что-то произошло во мне, что-то изменилось, точнее будет сказать — преобразилось!

Наверное, за этим и привел меня сюда Господь, наверное, потребность в этом и гнала меня вчера по камням в темноте все выше и выше, пока не привела сюда, в этот маленький, совсем ничем не примечательный бедный храмик.

Кроме того, что он стоит на вершине Святой горы, кроме того, что он венчает собой удел Пречистой Божией Матери, кроме того, что ему уготована особая роль перед кончиной мира, кроме того, что именно в нем я ощутил то, чего не ощущал никогда доселе — удивительный благодатный мир в душе.

Мир и тихую радость о Боге, уверенное ощущение непоколебимости Божьей любви к Своему Творению, и ко мне в частности.

Я — Божий! Не свой собственный, не чей бы то ни было вообще, а только — Божий! И Он — мой! Мой Бог, мой Отец, мой Спаситель, мой самый лучший Друг, и Он никогда не перестанет быть моим, пока я хочу этого, пока я сам не откажусь от этого свойства — быть Божьим!

Я понял, что это пришедшее ко мне знание и это новое состояние души никто и ничто отныне не сможет у меня отнять. Это теперь мое сокровище, неотъемлемое, непреходящее, вечное. Я не могу его потерять, я могу только добровольно, сознательно отказаться от него, но и тогда память о том, что испытал я на вершине Святой горы, не покинет меня, но станет тем огнем, который будет жечь мою душу во веки веков. Огнем Божьей любви.

— Батюшка! Леша! Ребята! — послышался голос Игоря из раскрытой на улицу двери. — Идите сюда, посмотрите!

Мы вышли наружу и замерли.

Земли не было. Не было Святой горы, не было окружающего ее моря, не было ничего, кроме неба. Мы стояли на небе!

Прямо от фундамента храма Преображения и на необозримое расстояние вокруг простирались ослепительные, золотисто-белые в лучах только что взошедшего солнца облака!

Храм был крошечным островком среди океана сказочно красивых, пушистых, нежно колышущихся облаков.

Мы все — Флавиан, отец Димитрий, Игорь, Владимир, Эдуард, три пожилых немца и я — были «островитянами», «небожителями», словно баловни-дети, проснувшиеся в день своего рождения в устроенной им любящим родителем сказке!

Сколько продолжалось это «стояние на облаках», сказать трудно, времени в тот момент не существовало.

— Do you speak English, Father? (*Вы говорите по-английски, отец?*) — обратился один из немцев к Флавиану.

— Yes, but little (*да, но немного*), — ответил Флавиан.

— Father, we would like to thank you very much for your prayer! We know for sure that Cod was with us then! (*Мы хотим сказать большое вам спасибо, отец, за вашу молитву! Мы точно знаем, что Бог был с нами в тот момент!*) — сказал тот немец и поцеловал Флавиану руку. Два других немца последовали его примеру.

— Are you orthodox Christians? (*Вы православные христиане?*) — поинтересовался я у заговорившего с Флавианом немца. — What is your name? (*Как вас зовут?*)

— Oh! Yes! Yes! We are all orthodox Christians! (*О да, да! Мы все православные христиане!*) — закивал немец. — My name is Gerhard, this is my brother Klaus, and this is our friend Martin! Me and my brother are Catholics, Martin is Lutheran! We are all orthodox Christians! (*Меня зовут Герхард, это мой брат Клаус и наш друг Мартин! Я и мой брат католики, Мартин — лютеранин! Мы все православные христиане!*)

— Что он сказал? — спросил Игорь.

Я перевел. Мы все переглянулись.

— Однако! — сказал Игорь. — Кто же тогда в их понимании «неправославные»?

— Не знаю, может, сайентисты какие-нибудь или кришнаиты, — предположил я.

— Ну, по делам-то дай Бог, чтобы все «православные» были такими, как эти ребята, — вздохнул Флавиан. — Такой «момент истины», какой был с ними сегодня ночью, дорогого стоит.

— I am a dentist (*Я зубной врач*), — улыбнулся Герхард. — I treated Putin! (*Я лечил Путина!*)

Я перевел.

— Президента? — удивился Игорь.

— Он сейчас премьер-министр, — уточнил Владимир.

— Все равно что-то крутовато! — усомнился Игорь.

— Я думаю, что он лечил Путина в Германии, когда тот в молодости там работал, — предположил отец Димитрий.

— Наверное, так, — согласился Флавиан.

— Thank you for our Putin! (*Спасибо вам за нашего Путина!*) — сказал я Герхарду. — Well done! (*Это была хорошая работа!*)

Немцы, а за ними и мы довольно заулыбались.

Облака вокруг нас стали понемногу опускаться и рассеиваться, показалась вся площадка вершины. Пора было начинать спуск.

Трудно вспомнить другое такое место, откуда мне так не хотелось бы уходить, как тогда от храма Преображения. Но я твердо знал, мне необходимо будет сюда вернуться. И я сюда еще вернусь.

Мы собрались, распрощались с «православными» немцами, которые остались еще на какое-то время, чтобы добросовестно, по-немецки, сфотографировать все на вершине, и отправились вниз.

Облака спускались впереди нас, опережая нас метров на двести, понемногу обнажая розово-золотые в лучах солнца камни вершины. Спускаться было гораздо легче, требовалась только внимательность при постановке ноги на скользкие от облачной росы камни тропинки.

И тут, действительно, наши горные палки сыграли весьма важную роль. Будучи вытянутыми на максимально доступную длину, наши телескопические посохи хорошо помогали удерживать баланс тела при спуске, особенно на сложных участках тропы, каковых там встречалось немало.

Теперь, в отличие от подъема, когда основная нагрузка приходилась на бедренные мышцы, напротив, икры приняли на себя главный удар. Сперва это не особо ощущалось, на общем фоне радости от всего пережитого, но уже при подходе к Панагии ноги стали напоминать о себе. Особенно Флавиану, хромота которого начала всем бросаться в глаза.

Когда нам оставалось до Панагии каких-нибудь триста — триста пятьдесят метров, снизу нам навстречу начал подниматься небольшой караван из нескольких мулов, груженных мешками с цементом и каким-то строительным инструментом, и следующих за мулами строителей-албанцев числом человек десять.

Мы посторонились, пропуская их мимо себя наверх, благо ширина тропы уже позволяла это сделать без проблем.

— Игорь! — обратился я к нашему спецназовцупослушнику. — Ты тут теперь «местный», объясни мне, пришельцу, эти строители-албанцы христиане или мусульмане? Что-то крестов я на них не заметил!

— Скорее всего, мусульмане, — ответил Игорь, — говорят, встречаются среди албанцев-

рабочих на Святой горе и христиане, только я таких не видел пока!

— Скажи, — не унимался я, — а какая нужда афонским монастырям нанимать мусульман на работу по строительству и ремонту христианских церквей и монастырей? Неужели строителей христиан не хватает?

— Ну почему, — ответил Игорь, — есть и строители христиане, грузины например. Они в основном всю деревянную работу делают, балконы, стропила, обрешетку, это у них традиционное мастерство в Грузии. Работают и украинцы, и молдаване, и румыны. Греки тоже работают. Просто говорят, что албанцы — хорошие мастера именно по камню, да и дешевые они работники...

— Ох! Не гонялся бы ты, поп, за дешевизной! — вздохнул о чем-то своем Флавиан.

— Понятно... — протянул я.

Мы спустились к самому заданию скита.

— Заходить будем? — спросил я у Флавиана.

— Зачем? — спросил в ответ он. — Как я понимаю, там сейчас просто строительная общага, ни храма, ни святынь нету!

— Ну да, ты прав! — согласился я.

Мы присели передохнуть на каменный фундамент.

Эдуард был молчалив и задумчив.

— Брат Эдуард! — решил я вывести его, как мне показалось, из грустного настроения. — Что-то ты нынче загрустил?

— Что ты, Алексей, — в первый раз обратился ко мне на «ты» Эдуард, — я совсем не загрустил! Я просто все время думаю о ней! — Он вынул из кармана и показал мне подаренную ему Флавианом икону «Игумений горы Афонской». — Она прошла мимо меня прямо вот здесь, мне никогда никто на Западе не поверит! Все подумают, что я сошел с ума или делаю себе пиар!

Эдуард поднялся и показал рукой место, где ступала нога Богоматери.

— Если бы я сразу понял, что это она! — Он встал на колени и поцеловал камни, по которым прошли стопы Пречистой Девы.

— И что бы ты сделал? — спросил его Владимир.

— Не знаю, — искренне и растерянно ответил Эдуард.

— Слава Богу за все! — перекрестился отец Димитрий.

Мы все перекрестились вслед за ним.

— Смотрите, — позвал нас Владимир, — еще один караван с погонщиком.

Мы обернулись.

Действительно, снизу из ущелья поднялся и направился в нашу сторону караван из связанных между собою веревкой, один за другим, семи мулов, ведомых идущим впереди молодым парнем в спортивных штанах, стоптанных китайских кроссовках, потертой джинсовой куртке и черной вязаной шапочке.

Подойдя к нам, он заговорил с отцом Дмитрием на ломаном греческом языке.

— Наверное, тоже албанец, — заметил Владимир, — тоже креста не носит.

— И чего он от нас хочет, — спросил я отца Дмитрия, когда тот, кажется, наконец понял, о чем говорит этот караванщик.

— Он предлагает погрузить наши рюкзаки на мулов и за двести евро спустить их до набережной, чтобы мы могли идти налегке.

— О'кей! — сказал я. — Только не за двести, а за сто! Жирно ему будет на монастырских мулах такие деньги зарабатывать, тем более на спуске! Да и рюкзаки у нас не особо тяжелые, не сравнить с мешками цемента, которые мулы наверх таскают.

Отец Дмитрий что-то сказал албанцу. Тот согласно закивал.

— Он согласен, — подтвердил отец Дмитрий.

— Я так и думал, зря, что ли, он сюда поднимался! — Во мне проснулся деловой человек. — Отец Дмитрий, скажите ему, что я дам ему еще сто, если он спустит к набережной на муле отца Флавиана!

Флавиан удивленно уставился на меня.

— Ты чего это Леша, придумал?

— Небольшую увлекательную верховую прогулку для вашего преподобия! — улыбнулся ему я. — А то я не вижу, отче, как ты уже сейчас хромаешь-ковыляешь! Сколько ты еще сам пройти сможешь? Мы, конечно, хоть и не мулы, но дотащим тебя до арсаны, если понадобится, но мулы все-таки для этого и предназначены! Да и должен же кто-то присмотреть за нашими рюкзаками во время их транспортировки, а то я честному выражению лица этого «караванщика Али» не очень доверяю!

— Он прав, батюшка! — поддержали меня все остальные. — Вам действительно лучше спуститься на муле! Да и мы быстрее сможем спуститься, может быть, на паром в сторону Дафни успеем!

Под напором коллектива Флавиан вынужден был сдаться.

Как мы усаживали его верхом на деревянное седло — песня особая! Как говорят сейчас, «жесть»! Главное, усадили! Головному мулу потерто-белого цвета, которому досталось транспортировать драгоценный для меня груз Флавиановых ста сорока килограммов, эта работа явно не понравилась.

Но погонщик, называвший этого мула необычным именем Зебро, все-таки смог привести четвероногого подчиненного в состояние послушания, и, получив деньги вперед, шустро отправился со своим караваном вниз.

— Ну, я хоть теперь за бабушку спокоен! — вздохнул я с облегчением. — Да и мы теперь пойдем налегке пошустрее!

— Наверное, все-таки не надо было ему деньги вперед отдавать, — вздохнул чем-то обеспокоенный отец Дмитрий.

— Да там же бабушка! — успокоил его я.

И мы налегке отправились вниз.

^ Глава 30. Зебро

Нет, ну почему я не всегда прислушиваюсь к мнению пастырей!

Конечно же Лао Дмитрий оказался прав (кстати, «лао» с китайского переводится как «старый», применительно к бабушке это может читаться — «старец»!)

Едва мы налегке спустились вниз к источнику у третьего креста, куда сходятся все тропы от Святой Анны, от Карули и от Великой лавры, как, выйдя из зарослей кустов, обнаружили Флавиана, сидящего с довольным видом на камушке в окружении наших рюкзаков!

— Где ишаки? — после немой сцены издал я возмущенный глас.

— Пошли к себе домой! — радостно ответил мой духовник.

— Why? (Почему?) — от возмущения духа заговорил я вдруг на иностранном языке.

— Because! (Потому что!) — все так же весело отвечал Флавиан, явно довольный своим нынешним положением. — Потому что Зебро устал и ему надоело предпринимать бесплодные попытки втихаря от погонщика скинуть меня куда-нибудь в овраг! Когда мы дошли досюда, погонщик начал щупать Зебро со всех сторон, а затем на вполне приличном английском объяснил мне, что Зебро невозможно дальше нести такой груз, как я, что он прямо сейчас может умереть от разрыва сердца и мне надо срочно с него слезать. Правда, если ему добавить еще двести евро, то Зебро может и не умереть и довезти меня вниз до набережной.

Но, поскольку мне уже надоело сражаться с мулом каждый раз, когда он пытался скинуть меня в очередной овраг или пропасть, то я решил не поддаваться на шантаж. В результате сижу и ожидаю вас здесь!

— Ох! Встретится мне этот караванчик, — грозно проворчал Игорь.

— Если встретится, передай ему мою благодарность за то, что избавил вас от участи вытаскивать мое немаленькое тельце из какого-нибудь оврага, куда умный Зебро непременно скинул бы меня в конце концов! И я его, то есть Зебро, понимаю! Какая же нормальная скотина повезет такую тушу, которая еще и в этом садистском седле усидеть-то спокойно не может!

— Прости меня, отче, — смиренно склонил я голову перед Флавианом, — это я опять доставил тебе проблемы!

— Да брось ты, Лешка! — рассмеялся Флавиан. — Значит, мне надо было все это потерпеть! К тому же верховая прогулка получилась и вправду увлекательной! Чистое родео!

Ну и что мне на это было отвечать?

Я молча взял свою поклажу и, подмогнув Флавиану подняться, двинулся дальше, творя покаянную молитву.

Знаете, что самое тяжелое при затяжном спуске с горы, причем с уже «убитыми» как следует ногами?

Ступеньки!

Казалось бы, наоборот: ступеньки избавляют от необходимости выбирать точку опоры между выскальзывающими из-под подошвы камнями, ступеньки дают ровную плоскую поверхность с предсказуемым размером шага!

Ан нет! Как раз вот эта-то плоская поверхность, на которую с высоты предыдущей ступеньки бухается всем весом тела на пятку нога, икроножные мышцы которой уже воют всеми волками мира, и есть главная беда!

На наклонной поверхности тропы есть шанс подъехать подошвой с носка на пятку, наступить помягче ребром стопы и много еще разных вариантов смягчить тяжесть ударной нагрузки на суставы и мышцы. А на ступеньках этот номер при спуске не пройдет!

Только жесткое «бух, бух, бух!» — всей массой на пятку! Да так, что отдает не только в коленном суставе, а аж в основании черепа! И так пару километров, и по открытому солнцу участку, да при температуре на солнце под плюс пятьдесят градусов!

А если в тебе сто сорок килограммов?

В общем, то, что спустилось на пристань Святой Анны вместо Флавиана, назвать живым человеком уже было нельзя! Да, все мы, конечно, за исключением, пожалуй, худенького отца Димитрия, выглядели совсем не блестяще. Но Флавиан был, как выразился Игорь, просто «уделан в хлам»!

Кое-как мы с Игорем усадили его в еле найденном теневом уголке на выжигаемой солнцем набережной, напоили свеженалитой из крана теплой водой, естественно вприкуску с таблетками, намочили под краном Флавианову холщовую скуфейку и, отжав, водрузили на его большую мудрую голову.

Затем нам пришлось держать «совет в Филях» о том, как нам теперь выбираться отсюда в Пантелеймон. Последний рейс парома ушел уже около часа назад, как раз когда мы из благодатной тени леса вступили на эту пыточную лестницу.

Очень красиво, кстати, сверху смотрится отходящий от пристани белый кораблик, оставляющий после себя на лазурном море длинную пенистую дорожку...

Но как подумаешь, что до завтрашнего утра отсюда просто не на чем выбраться!

Нет, можно, конечно, опять подняться пару километров по лестнице до архондарика при кириаконе и попроситься на ночлег. Причем, скорее всего, на ночлег нас пустят...

Но вы представляете себе такое путешествие обратно вверх по лестнице? Вот и мы тогда тоже не представляли. Не говоря уже про сидящего в отключке Флавиана. А солнышко пекло!

Видно, Флавиан не просто сидел в бессознательном состоянии, а молился (кстати, так потом и оказалось). Иначе я ничем не могу объяснить внезапно возникшую у меня мысль порыться в заднем кармане джинсов. Чего я там искал? Я так этого и не вспомнил. Но зато что я там нашел! Бумажку с цифрами — номер телефона «губернатора Дафни» Яниса!

Я подпрыгнул от радости.

— Ребята! У кого телефон не разрядился?

Все ринулись доставать телефоны. Неразряженным оказался только один телефон. Отгадайте чей?

Правильно! Батюшки Димитрия! Потому что он еще вчера, как только мы сошли с парома на пристань, благоразумно отключил его!

— Алло! Алло! Янис! Здравствуй!

— Здравствуй, дорогой! Чем могу помочь?

— Янис! Срочно нужен катер на шесть человек от Агия Анны до Пантелеймона!

Пауза.

— Сто сорок евро, устроит?

— Устроит!

— Ждите! Через пятнадцать минут катер будет!

— Евхаристо, Янис!

— Паракало! Пожалуйста, дорогой!

Катер прибыл через четырнадцать минут.

Не знаю, нужно ли описывать, как мы неслись на глиссере марки «Хонда» с двумя здоровенными моторами, заставляя со снисходительной улыбкой вспоминать «тихоходные болиды» «Формулы-1», как выгружались со стонами на арсану Пантелеймона, ползли нижней дорогой с набережной в архондарик, как падали на койки и теряли связь с окружающим миром.

Смутно помню открытую дверь в мою келью, улыбающееся лицо схимника Александра и его будничную констатацию спокойным голосом:

— И этот не живой!

Дальше провал.

Следующее воспоминание начинается с корабельного трезвона в рынду архондаричего, его гулкий покрик по коридору: «Бдению время, молитве час! Прилежно возопием Богу: "Господи! Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас!"», — который заставит подняться и мертвого.

Помню, как что-то подняло меня, заставило быстро переодеться в чистую одежду и,

превозмогая боль в раздувшихся ногах (пришлось обуть шлепанцы для душа, в мокасины ступни не влезали), подниматься ПО СЕМИ ЛЕСТНИЧНЫМ ПРОЛЕТАМ в мой любимый Покровский храм. Первый, кого я увидел, подойдя к своей любимой стасидии, был сидящий в ней Флавиан!

— Ой! Прости, Леша, занял твое место! А я подумал, что ты отдыхаешь и не придешь!

— Две красненькие и одну желтенькую выпил? — это все, что я смог выдавить из себя от возмущения.

— Забыл... — смиренно потупил глаза Флавиан.

^ Эпилог

Что-то произошло со мной там, на горе, на вершине Афона, какая-то метаморфоза.

Вроде бы я все еще тот, что был до того восхождения, а уже и не тот...

Не знаю, как это объяснить, но тот мирный дух, что пришел ко мне после молитвы в храме Преображения, не покидает меня до сих пор.

«Бог — мой! Я — Божий!» — это непоколебимое знание теперь дает мне силы в любых жизненных ситуациях, проблемах и скорбях.

Иногда мне снится, что я снова стою на небе рядом с Флавианом, Лао Димитрием, Игорем, Эдуардом — всеми теми, кого я люблю и кто мне дорог, и еще со многими теми, кто мне не знаком.

Но я чувствую, что и с ними меня тоже связывает Любовь.

Которая есть Бог.

Я смотрю в их светлые лица, и в каждом из них мне видится улыбающееся лицо «монаха» Феологоса.

И, просыпаясь, я знаю, что так будет.

Надо только, не прерывая усилий, падая, изнемогая, задыхаясь и умирая от бессилия, продолжать восхождение внутри самого себя, восхождение длиною в жизнь.

Повторяя с каждым вдохом и выдохом, с каждым ударом сердца:

— Господи! Иисусе Христе! Помилуй мя!

Иринка, кстати, сразу почувствовала во мне эту метаморфозу. Ну да, она же — женщина! Ей положено все чувствовать!

— Ты, Лешка, вернулся какой-то не такой, — сказала она, встретив меня на пороге, когда я ввалился на крыльцо, опаленный греческим солнцем, все еще в банных шлепанцах (ноги пришли в нормальное состояние только дней через пять после возвращения), с рюкзаком за спиной и двумя пятилитровыми канистрами греческого оливкового масла в руках.

Взяв в свои ласковые ладони мое бородатое, обветренное на вершине, со слезающей от

солнечного ожога кожей лица, она чутко вглядывалась в него какое-то время, потом приподнялась на цыпочках и поцеловала.

— Но такой ты мне даже больше нравишься! — заявила она, обнимая меня за шею.

— В домпустишь?

— Ты представляешь, что там сейчас с тобой будет? Они только что проснулись и уже кидаются подушками!

— А кому сейчас легко! — вспомнил я свою старую любимую поговорку.

И добавил новую:

— Надо еще немножко потерпеть, а потом порем, и все будет хорошо!

— Аминь! — ответила любимая жена.

Новосергиево. 7 марта 2010